

Павел Дурягин

**Интонация русского
частного вопроса /
The Intonation of Russian
Wh-questions**

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI
ISSN 2612-7687 (PRINT) - ISSN 2612-7679 (ONLINE)

– 56 –

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI

Editor-in-Chief

Laura Salmon, University of Genoa, Italy

Associate editor

Maria Bidovec, University of Naples L'Orientale, Italy

Scientific Board

Rosanna Benacchio, University of Padua, Italy

Giovanna Brogi Bercoff, University of Milan, Italy

Giuseppe Dell'Agata, University of Pisa, Italy

International Scientific Board

Alexander Etkind, European University Institute, Italy

Lazar Fleishman, Stanford University, United States

Harvey Goldblatt, Yale University, United States

Mark Lipoveckij, University of Colorado-Boulder, United States

Jordan Ljuckanov, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria

Roland Marti, Saarland University, Germany

Michael Moser, University of Vienna, Austria

Ivo Pospíšil, Masaryk University, Czech Republic

Editorial board

Daniele Artoni, University of Verona, Italy

Maria Cristina Bragone, University of Pavia, Italy

Claudia Olivieri, University of Catania, Italy

Dario Prola, University of Torino, Italy

Laura Rossi, University of Milan, Italy

Luca Vaglio, Sapienza University of Rome, Italy

Pavel Duryagin

Интонация русского частного вопроса
The Intonation of Russian *Wh*-questions

FIRENZE UNIVERSITY PRESS

2024

Интонация русского частного вопроса = The Intonation of Russian Wh-questions / Pavel Duryagin.
– Firenze : Firenze University Press, 2024.
(Biblioteca di Studi Slavistici ; 56)

<https://books.fupress.com/isbn/9791221504668>

ISSN 2612-7687 (print)
ISSN 2612-7679 (online)
ISBN 979-12-215-0465-1 (Print)
ISBN 979-12-215-0466-8 (PDF)
ISBN 979-12-215-0467-5 (ePUB)
ISBN 979-12-215-0468-2 (XML)
DOI 10.36253/979-12-215-0466-8

Graphic design: Alberto Pizarro Fernández, Lettera Meccanica SRLs

Front cover image: Waveform extracted in Praat software by Pavel Duryagin and redesigned by Ivan Dyatlov

Peer Review Policy

Peer-review is the cornerstone of the scientific evaluation of a book. All FUP's publications undergo a peer-review process by external experts under the responsibility of the Editorial Board and the Scientific Boards of each series (DOI 10.36253/fup_best_practice.3).

Referee List

In order to strengthen the network of researchers supporting FUP's evaluation process, and to recognise the valuable contribution of referees, a Referee List is published and constantly updated on FUP's website (DOI 10.36253/fup_referee_list).

Firenze University Press Editorial Board

M. Garzaniti (Editor-in-Chief), M.E. Alberti, F. Vittorio Arrigoni, E. Castellani, F. Ciampi, D. D'Andrea, A. Dolfi, R. Ferrise, A. Lambertini, R. Lanfredini, D. Lippi, G. Mari, A. Mariani, P.M. Mariano, S. Marinai, R. Minuti, P. Nanni, A. Orlandi, I. Palchetti, A. Perulli, G. Pratesi, S. Scaramuzzi, I. Stolzi.

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

 The online digital edition is published in Open Access on www.fupress.com.

Content license: except where otherwise noted, the present work is released under Creative Commons Attribution 4.0 International license (CC BY 4.0: <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode>). This license allows you to share any part of the work by any means and format, modify it for any purpose, including commercial, as long as appropriate credit is given to the author, any changes made to the work are indicated and a URL link is provided to the license.

Metadata license: all the metadata are released under the Public Domain Dedication license (CC0 1.0 Universal: <https://creativecommons.org/publicdomain/zero/1.0/legalcode>).

© 2024 Author(s)

Published by Firenze University Press
Firenze University Press
Università degli Studi di Firenze
via Cittadella, 7, 50144 Firenze, Italy
www.fupress.com

*This book is printed on acid-free paper
Printed in Italy*

Содержание

Введение	7
Глава 1	
Фонологические подходы к описанию интонации	13
1.1 Ранние фонологические модели	13
1.2 Автосегментная метрическая модель интонации и ее основные положения	22
1.3 Теоретические и экспериментальные исследования русской интонации	36
1.4 Итоги	53
Глава 2	
Интонация частновопросительных предложений	55
2.1 Синтаксис частного вопроса в типологической перспективе	55
2.2 Интонация частного вопроса в языках мира	58
2.3 Частный вопрос в описаниях русской интонации	72
2.4 Итоги	83
Глава 3	
Вариативность просодии русского частного вопроса	85
3.1 Экспериментальные и корпусные данные	85
3.2 Интонационное оформление частного вопроса	92
3.3 Тональные конфигурации множественного вопроса	116
3.4 Итоги	125

Глава 4	
Интонация частного вопроса как показатель позиции говорящего	127
4.1 Прагматические элементы значения частного вопроса	127
4.2 Позиция говорящего в русском частном вопросе	130
4.3 Контексты, допускающие выбор позиции говорящим	139
4.4 Итоги	145
Заключение	147
Литература	151
Благодарность	169

Введение

*«Исследование мелодики принадлежит к числу сравнительно простых, хотя и весьма кропотливых экспериментально-фонетических задач»
(Зиндер 1979, 274)*

Объект настоящего исследования отражен в его прямолинейном названии: книга посвящена описанию интонации в современном русском литературном языке на материале одного типа высказывания – частного вопроса. Таким образом, прежде всего эта книга об интонации – изменениях частоты основного тона голоса (далее – ЧОТ), используемых носителями естественных языков для передачи в звучащей речи различных видов информации. Эта информация может быть как лингвистической (например, о типе высказывания по признакам вопросительности или завершенности, о месте фокуса и темы высказывания и проч.), так и экстралингвистической (например, об эмоциях говорящего или его физическом состоянии). В некоторых языках (например, китайском, шведском или йоруба) изменения ЧОТ дополнительно используются для маркирования лексических значений; в настоящей работе для обозначения этих явлений будет использоваться термин лексические тоны, а интонацией будут называться только те тональные явления, которые маркируют значения синтаксические и прагматические. В настоящем исследовании будет использоваться терминологическая традиция, согласно которой интонация является одним из элементов просодии – «зонтичного термина» (Arvaniti 2020), объединяющего неоднородную группу языковых средств, в которую, помимо интонации, входят ударение, фонация, ритм и просодическое членение высказывания.

С точки зрения артикуляции интонация представляет собой частично контролируемые говорящим изменения частоты колебаний голосовых связок (или складок) – находящихся в гортани органов, приходящих в движе-

Pavel Duryagin, University of Venice Ca' Foscari, Italy, pavel.duryagin@unive.it, 0000-0002-3989-5433

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Pavel Duryagin, *Интонация русского частного вопроса / The Intonation of Russian Wh-questions*, © 2024 Author(s), CC BY 4.0, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0466-8, DOI 10.36253/979-12-215-0466-8

ние при выходе воздуха из легких. Частота колебания связок зависит от ряда экстралингвистических факторов (возраст и пол субъекта, спектральные характеристики произносимого звука и др.), поэтому для лингвистики интерес представляют в первую очередь не абсолютные, а относительные значения ЧОТ. Существуют способы непосредственного наблюдения за колебаниями голосовых связок при помощи артикулографических инструментов (Yamauchi et al. 2024), однако в фонетике для изучения интонации, как правило, используются более простые с технической точки зрения средства – компьютерные программы акустического анализа аудиозаписей. Они позволяют измерить и графически представить изменения ЧОТ во времени. График, на котором по оси абсцисс откладывается время, а по оси ординат – значения ЧОТ в одной из линейных или логарифмических единиц измерения, называется интонограммой; такие иллюстрации будут в большом количестве представлены в тексте книги.

В научной литературе последних десятилетий уже стало общим местом указание на неизменный рост интереса лингвистов к просодии в целом и интонации в частности, или, по выражению О. Ф. Кривновой (2015), «просодический бум». Две причины этого явления представляются наиболее очевидными. Во-первых, развитию интонологии поспособствовал технический прогресс, сделавший общедоступными средства высококачественной аудиозаписи голоса и моментального акустического анализа записей. Более того, в последние годы все более и более надежными становятся методы автоматического анализа просодии, зачастую не требующие от исследователей ручной разметки интонограмм и позволяющие обрабатывать огромные объемы данных. Во-вторых, начиная с 1980-х гг. рост интереса к просодии во многом был связан с популярностью возникшей в этот период теоретической концепции лингвистического описания интонации – автосегментной метрической модели просодической фонологии (далее также будет использоваться сокращение АМ-модель). Влияние этой модели в интонологии можно сравнить разве что с эффектом, который произвела в исследованиях по синтаксису порождающая грамматика. Заслуга создателей автосегментной метрической модели заключается в том, что в рамках своей концепции они предложили компактный набор экспериментально верифицируемых гипотез о связи между фонетикой и фонологией интонации, тем самым дав толчок к многочисленным эмпирическим исследованиям на материале отдельно взятых языков, созданию для них автосегментных систем нотации и даже проведению типологических сравнений (Jun 2014). Основные принципы этого подхода к изучению интонации использовались и в настоящей работе; подробнее о них пойдет речь в первой главе книги.

Дав определение интонации, перейдем ко второму слову в названии настоящей работы: объектом исследования является русская интонация, а точнее интонация в современном русском литературном языке (далее – СРЛЯ). Прежде всего, это означает, что за пределами настоящего исследования останется просодия русских диалектов, в последние годы привлекающая все больший интерес исследователей (Князев 2022а; 2022б; 2023а; 2023б; Князев и Дья-

ченко 2023; Duryagin and Knyazev 2022; Post 2017; Post and Andreeva 2023). Как будет показано в главе 3, выбор именно современного стандартного произношения в первую очередь связан с характером данных, проанализированных в исследовании. Участниками экспериментов, представленных в главе 3, были носители русского языка в возрасте от 18 до 30 лет, в большинстве своем родившиеся или в течение долгого времени проживавшие в Москве и Московской области. Литературное произношение было характерно и для проанализированных корпусных данных – представленных в Мультимедийном параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка (Савчук и др. 2024) профессиональных постановок пьес Н. В. Гоголя и А. П. Чехова.

Исследования русской просодии на материале литературного произношения имеют более чем столетнюю историю. Среди авторов работ, оказавших наибольшее влияние на развитие русской интонологии, можно назвать Е. А. Брызгунову, С. В. Кодзасова, О. Ф. Кривнову, Т. М. Николаеву, С. Оде, Н. Д. Светозарову, Т. Е. Янко. В своей работе мы стремились последовательно опираться на их труды, а также исследования других лингвистов: как будет показано в главе 1, несмотря на терминологические и методологические различия между подходами, в целом описание русской интонации представляет собой стройную картину, отдельные элементы которой изучены почти досконально, а другие представлены только в виде импрессионистических наблюдений, требующих дальнейшей экспериментальной проверки.

На одну из таких сравнительно малоизученных тем в русской интонологии и указывает третья часть названия книги. Объектом настоящего исследования стали частные вопросы, то есть высказывания, содержащие вопросительные слова (*кто, кого, что, где, почему, какой* и проч.). В литературе для указания на этот тип фраз также используются термины специальный вопрос и *wh*-вопрос; в дальнейшем в тексте они будут использоваться в качестве синонимов. С чем связан выбор именно частных вопросов? Дело в том, что несколько лет назад, когда русская просодия впервые попала в круг научных интересов автора этой книги, его внимание привлекли существенные различия в степени подробности описания элементов интонационной системы русского языка. Традиционно исследователи прежде всего описывали типы фраз, в которых интонация имеет «смыслоразличительную» функцию, то есть, может выступать в качестве единственного средства выражения элементов прагматического значения при омонимии на сегментном уровне. Например, в связи с этим обширный корпус научной литературы (Ковтунова 2002¹; Кодзасов 2009; Падучева 2009; Павлова и Светозарова 2018; Янко 2008 и др.) посвящен интонации повествовательных предложений в связи с выбором в них наиболее выделенного просодически слова (в традиционной терминологии, слова – носителя фразового акцента, или фразового ударения). В таких повествовательных предложениях передвижение фразового ударения может

¹ Здесь и далее исследования цитируются по их наиболее доступным, необязательно первым изданиям.

маркировать позицию фокуса – элемент прагматического значения, хорошо ощущаемый носителями языка. Другим хорошо изученным элементом просодической системы русского языка являются общие вопросы. Особое внимание к этому типу высказывания связано с тем, что в русском языке да/нет-вопрос, как правило, не маркируется лексико-синтаксическими средствами, а интонации в различении пар «Алена приехала» и «Алена приехала?» очевидна любому носителю русского языка. Кроме этого, типологически редкие характеристики тонального оформления общего вопроса и ассоциации акцентов делают русский общий вопрос одной из центральных тем при преподавании просодии русского языка как иностранного. Как следствие, общий вопрос не только упоминался практически в каждом теоретическом описании русской интонации, но и стал объектом детальных экспериментальных исследований, в том числе проведенных в русле автосегментной метрической модели интонации (Igarashi 2006; Makarova 2007a; Meyer and Mleinek 2006; Odé 2005a; Rathcke 2006; 2013).

Значительно меньше внимания традиционно уделялось типам фраз, в которых, на первый взгляд, можно «обойтись без просодии», а вернее, в которых просодия может варьироваться в широких пределах, поскольку, казалось бы, освобождена от «смыслоразличительной» функции. Примером такого высказывания является русский частный вопрос: будучи маркированным лексически (наличием вопросительного слова) и синтаксически (тенденцией к передвижению вопросительного слова в левую периферию фразы), он не имеет «минимальных пар», за исключением редких типов высказывания, таких как некоторые восклицания («Какой у нее голос!»; «Куда тебе!») и повествовательные заголовки («Как закалялась сталь»). В результате в литературе до недавнего времени отсутствовали специальные экспериментальные исследования интонации русского *wh*-вопроса. При этом анализ описаний русской интонации показывает, что в действительности тема интонации частного вопроса является дискуссионной: например, система интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой неоднократно подвергалась критике за упрощенный подход к описанию просодии частного вопроса (Кодзасов 2009; Светозарова 1978; Янко 2008). Кроме этого, в литературе обнаруживается целая россыпь эпизодических наблюдений исследователей русской интонации об особых прагматических элементах значения, передающихся в частных вопросах интонацией в сочетании с другими суперсегментными средствами: от упрека до подчеркнутой заинтересованности, от недоуменного припоминания до назидательного отчитывания. В связи с этим и возникла идея исследовать методами экспериментальной фонетики пределы вариативности интонации русского частного вопроса, дать обнаруженным мелодическим контурам фонологическую интерпретацию а также выяснить, какие элементы прагматического значения могут стоять за этой вариативностью. Результатом стала серия статей, опубликованных самостоятельно и в соавторстве с коллегами. Материал экспериментов послужил основой для центральной части настоящей монографии, однако он был существенно дополнен и расширен за счет корпусных данных, а также углубленного типологического обзора. Сбран-

ные вместе, эти данные позволили предложить ранее не публиковавшуюся модель для описания прагматики русского частного вопроса.

Работа структурирована следующим образом. В главе 1 описываются основы теоретического подхода к изучению интонации, представленного в книге. Для этого в разделе 1.1 предлагается краткое обсуждение трех наиболее влиятельных «ранних» моделей изучения интонации; проводятся параллели между ними и моделями, получившими распространение в современной русистике. В разделе 1.2 подробно рассматриваются основные теоретические положения автосегментной метрической модели. В тексте подробно обсуждается русскоязычная терминология, а также приводятся примеры на материале русского языка, иллюстрирующие базовые гипотезы этой теоретической концепции. В разделе 1.3 представлен обзор основных направлений исследования русской интонации начиная с середины прошлого века. Отдельное внимание уделяется редко обсуждавшимся в русскоязычной литературе экспериментальным исследованиям, выполненным в русле АМ-модели начиная с 2000-х гг. В целом раздел 1.3 призван продемонстрировать, что, несмотря на различия в методологии, традиционные (выполненные в духе «холистических» конструкционных подходов) и автосегментные исследования дополняют друг друга и вместе составляют весьма подробное описание отдельных элементов русской интонационной системы.

Глава 2 целиком посвящена обзору исследований интонации частного вопроса. В разделах 2.1 и 2.2 рассматриваются экспериментально-фонетические исследования и импрессионистические описания мелодического оформления *wh*-вопроса в более чем двадцати языках мира. Обзор демонстрирует, что вариативность интонации свойственна частным вопросам во многих языковых системах, а для ее интерпретации исследователи предлагают разнообразные инструменты лингвистического анализа, в частности, связанные с понятиями информационной структуры, типа ожидаемого ответа и лингвистической вежливости. Далее в разделе 2.3 анализируются все обнаруженные в литературе данные об интонации русского частного вопроса начиная с работ первой половины XX века. В центре обсуждения находится получившая широчайшее распространение в русистике система интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой (Брызгунова 1980а). Обзор концентрируется в первую очередь на том, как трактуются в этой модели две основные характеристики русского частного вопроса, обсуждавшиеся другими исследователями: неоднородное распределение просодической выделенности в пределах односинтагменного *wh*-вопроса и прагматика восходящих контуров.

Глава 3 представляет собой центральную часть исследования и содержит описание вариантов интонационного оформления русского частного вопроса на основании двух основных источников, подробно представленных в разделе 3.1. Во-первых, в главе использовались данные трех экспериментальных исследований, в рамках которых было записано и проанализировано в общей сложности 969 произнесений частных вопросов. Во-вторых, экспериментальные записи были дополнены данными звучащего корпуса – русской части Мультимедийного параллельного корпуса, содержащего различные поста-

новки драматургических произведений. В разделе 3.2 кратко представлены результаты фонетического анализа контуров, а также фонологическая интерпретация данных, позволяющая выделить три основные ядерные тональные конфигурации, которые могут сочетаться с разнообразными предъядерными акцентами. Также в этом разделе на основе существующих описаний закономерностей выбора акцентоносителя в русском языке и германских языках предлагается адаптация этих правил для русского частного вопроса. В заключительном разделе третьей главы впервые в русской интонологической литературе приводятся данные об интонационном оформлении множественных частных вопросов – высказываний, содержащих более одного *wh*-слова.

Глава 4 содержит предложение о прагматической интерпретации выбора, который носители русского языка делают между тремя ядерными тональными конфигурациями при порождении частного вопроса. На основе существующих описаний русской интонации, а также экспериментальных и корпусных данных из третьей главы выдвигается гипотеза о том, что комплекс значений, связанных с выбором ядерного тона в русском частном вопросе, может быть описан с использованием понятия позиции говорящего (термина, соответствующего употребляющемуся в англоязычной литературе о прагматике термину *speaker's stance* в широком смысле). Согласно предложенной модели, выбирая тот или иной способ просодического оформления частного вопроса, носитель русского языка маркирует одну из доступных ему позиций, которые были условно обозначены как контроль, вовлеченность и информированность. Каждая из позиций включает в себя указание на ожидаемые роли говорящего и адресата в акте коммуникации, а также на соотношения между конституирующей и неконституирующей частями высказывания. В разделе 4.2 обсуждаются контексты, в которых преимущественно маркируется только одна из трех позиций говорящего, а в 4.3 приводятся примеры типичных ситуаций, в которых говорящему доступен выбор между двумя или тремя позициями.

Наконец, в заключении подробно обсуждаются ограничения настоящего исследования, а также предлагаются перспективы для дальнейшего изучения фонетики, фонологии и прагматики русской вопросительной интонации.

Прежде чем перейти к первой главе, сделаем последнюю оговорку. Читатель этой книги может обратить внимание на то, что в ее тексте почти отсутствуют количественные фонетические данные о мелодических контурах (абсолютные и средние значения ЧОТ, значения тайминга тональных целей, длительность сегментов), а также таблицы с результатами их статистического анализа. Такой выбор был сделан намеренно: читатель, интересующийся этими сведениями, может найти их в опубликованных отдельно журнальных публикациях, процитированных в тексте книги, а также в приложениях к ним. Формат монографии, в отличие от статьи, как нам представляется, предполагает первоочередное внимание к готовым результатам различных экспериментальных исследований, их обсуждение, сравнение и обобщение. Этого принципа мы старались придерживаться в тексте работы, надеясь, что она может заинтересовать не только фонетистов, но и более широкий круг лингвистов-русистов.

Фонологические подходы к описанию интонации

1.1 Ранние фонологические модели

Как было отмечено во введении, история экспериментальных исследований в области просодии как в англо-, так и в русскоязычной лингвистике связана с технологическим развитием инструментов ее изучения. Неслучайно дискуссии о методах фонологического описания интонации получили широкое распространение именно во второй половине XX века. В настоящем разделе будет представлен краткий обзор западных моделей интонации начиная с 1940-х до 1980-х гг. Кроме этого, в разделе пойдет речь о системах описания русской интонации, связанных с ранними моделями косвенно (как в случае системы интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой) или напрямую (как в случае модели С. Оде).

1.1.1 Уровневые репрезентации американских структуралистов

Одной из ключевых дат в истории интонологии является 1945 год, когда были одновременно опубликованы работы (Pike 1945) и (Wells 1945)¹, заложившие теоретическую основу для первых экспериментальных исследований английской интонации в США. В обеих публикациях интонационные

¹ Подробное обсуждение вопроса о связи между двумя работами, указывающее на вероятную первичность (Pike 1945), представлено в историографическом очерке (Ladd 2015).

структуры американского английского предлагалось описывать при помощи системы, состоящей из четырех относительных уровней тона: низкого, среднего, высокого и сверхвысокого (для их обозначения использовались индексы от 1 до 4). Предполагалось, что именно четыре противопоставленных уровня являются минимальным и достаточным количеством элементов для описания всех различающихся по смыслу контуров американского английского (Pike 1945, 26). В 50-х гг. уровневая модель интонации получила широкое распространение в американской лингвистике и была представлена в ряде фонологических описаний английского языка и учебных пособиях по общему языкознанию (Gleason 1955; Hockett 1955; Trager and Smith 1957).

Уровни рассматривались создателями «американской» модели как особые тональные фонемы (или тоны), распределенные по разным слогам высказывания в соответствии с формой мелодической кривой. Предполагалось, что, подобно фонемам, отдельные уровневые единицы не имеют собственного значения; оно выражается только их совокупностью – контуром. При анализе фразовой интонации обязательно характеризовались по уровню первый ударный слог и конец фразы, а также слоги, в которых происходят изменения направления движения ЧОТ. Напротив, слоги, на которых контур не изменяет направление, оставались не охарактеризованными по уровню: наблюдаемые на них колебания ЧОТ рассматривались как фонетический переход от одной тоны к другой, не требующий отражения в фонологическом анализе (Trager and Smith 1957, 42). Транскрипция дополнялась указанием на один из трех видов конечных тонов (англ. *terminal junctures*), соответствующих подъему, падению или сохранению уровня ЧОТ на границах составляющих (клауз и фраз, в терминах [Trager and Smith 1957]).

Четырехуровневая модель описания интонации с первых лет своего существования подвергалась критике, в первую очередь в работах Д. Болинджера. В качестве основной проблемы этой концепции указывалось то, что, поскольку уровни являются относительными, а не абсолютными, не существует формальных критериев, чтобы отличить, например, восходящий контур 123 от 234, а восходяще-нисходящий 232 от 242, 343, 131 или 141 (Bolinger 1951, 200). Кроме этого, отмечалось отсутствие интерпретации для связи между местами ассоциации уровневых тоном и словесным ударением: в уровневой модели все тоны имели одинаковый статус, а механизма их ассоциации с «сильными» и «слабыми» слогами предусмотрено не было (Bolinger 1958). В работе (Lieberman 1965) была предпринята экспериментальная проверка возможностей использования уровневой системы для слухового анализа фрагментов естественной и синтезированной звучащей речи. Анализ разметки, проведенной независимо друг от друга двумя хорошо знакомыми с системой (Trager and Smith 1957) лингвистами, показал несоответствия примерно в 60% тоном и конечных тонов; кроме того, было обнаружено, что субъективно воспринимаемые уровни слабо соотносятся с реальными относительными различиями в уровне ЧОТ в речи одного и того же говорящего. Аргумент о том, что в основе восприятия интонации носителями языка лежат именно восходящие и нисходящие движения, а не локальные «точечные» максимумы и миниму-

мы тона, и сегодня остается одним из основных аргументов критиков уровней описаний интонации (Ladd 2008, 64-5).

Несмотря на то, что четырехуровневая модель к настоящему времени вышла из употребления как в теоретической лингвистике, так и в практике преподавания английского языка, она занимает важное место в истории интонологии как прямая предшественница автосегментной метрической модели. Внесенные в нее в 1980-х гг. авторами АМ-модели изменения – сокращение количества уровней с четырех до двух; анализ тональных единиц как прагматических морфем (а не фонем); использование некоторых инструментов конфигурационного подхода, таких как ядерный тон (см. следующий раздел), – позволили скорректировать уязвимые для критики элементы концепции. При этом АМ-модель сохранила основные особенности раннего «американского» подхода: уровневый анализ, разреженность тональных репрезентаций и использование конечных тонов, ассоциированных с границами составляющих. Подробнее о ней пойдет речь в разделе 1.2, а сначала будет предложен краткий обзор других ранних моделей и их связей с русской интонологией.

1.1.2 Холистические модели 1960-х гг.

Параллельно с уровневой традицией по другую сторону Атлантики развивался иной подход к анализу интонации, получивший название «британская школа». Его расцвет, по определению Ф. Нолана (Nolan 2022), пришелся на третью четверть XX века. Работы британских лингвистов (Halliday 1967; Kingdon 1958; O'Connor and Arnold 1973) в большой степени имели педагогическую направленность и продолжают использоваться для преподавания английской фонетики и в XXI веке (Wells 2006).

Основной моделей британской школы является представление о том, что противопоставленные на абстрактном уровне способы интонационного оформления высказываний представляют собой конфигурации также линейно расположенных, но, в отличие от «американских» уровней тоном, неодинаковых по своему статусу единиц: пре-вершины (англ. *prehead*), вершины (*head*), ядра (*nucleus*) и хвоста (*tail*) (Palmer 1922). Составленная из этих элементов мелодия реализуется в рамках словесной группы (*word group*), длительность которой может составлять от одного до нескольких слов. Важнейшей с точки зрения передаваемого интонацией значения и единственной обязательной частью мелодического оформления фразы является сочетание движений тона в ядре (ударном слоге последнего просодически выделенного слова словесной группы) и хвосте (все следующие после ядра слоги вплоть до конца словесной группы, в том числе ударные, но просодически не выделенные). Совокупность ядра и хвоста получила название ядерного тона (*nuclear tone*) и стала основной единицей описания интонационной системы английского языка в работах британской школы. Поскольку при использовании понятия ядерного тона большая часть контура ЧОТ рассматривается как единое целое, подобные подходы к описанию интонации в литературе часто называют холистическими (а также конфигурационными, или конструкционными).

В отличие от американской, британская школа использовала для описания тональных контуров не статические уровни ЧОТ, а ее динамические изменения – падения (англ. *fall*) и подъемы (*rise*), а вернее их комбинации (*fall-rise*, *rise-fall*, *rise-fall-rise*) и охарактеризованные по диапазону разновидности (например, *low fall*, *high fall*, *low rise*, *high rise*). Так, в получившем широкое распространение практическом пособии для изучающих английский как иностранный (O'Connor and Arnold 1973) было выделено семь основных ядерных тонов, характерных для разговорного английского. Потенциальное же количество комбинаций ядерных тонов с несколькими видами вершин (тональных движений от первого ударного слога вплоть до ядра) и пре-вершин (тональных движений на начинающих словесную группу безударных слогах, то есть, от начала словесной группы до вершины) могло достигать 105 (и это не считая «составных» мелодий, содержащих два ядерных тона). В результате, чтобы сократить количество единиц описания, авторы модели объединили их в десять тональных групп (англ. *tone group*) с иконическими названиями, призванными облегчить запоминание (такими как «высокое падение», «низкий отскок», «карусель», «терраса» и проч.). Критерий объединения конфигураций в тональные группы формулировался максимально широко: предполагалось, что они выражают одинаковое отношение говорящего и при этом характеризуются схожими движениями тона. Допускалось, что система может в дальнейшем сколько угодно расширяться за счет выделения более тонких противопоставлений.

В качестве примера другой влиятельной модели, также созданной в рамках британской школы, но сделавшей шаг в сторону от холистических принципов, можно назвать систему Д. Кристала (Crystal 1969). Принимая традиционное представление о структуре тональных единиц (пре-вершина – вершина – ядро – хвост), исследователь предложил собственную систему описания просодии, основанную на раздельном анализе признаков, или, в его терминологии, просодических систем: тона, диапазона ЧОТ, темпа, громкости, ритмичности, паузы и напряженности. Таким образом, например, различие между традиционно выделявшимся в британской традиции «высоким» и «низким» падением тона в ядре (англ. *high fall* и *low fall*) предлагалось описывать как комбинацию двух независимых просодических признаков: нисходящего тона и его диапазона, широкого или узкого соответственно (Crystal 1969, 212). В модели Д. Кристала количество возможных комбинаций «просодических систем» принципиально не ограничено, однако отмечается, что некоторые из признаков склонны чаще сопровождать друг друга. Такая намеренная неопределенность при выделении минимального количества единиц, необходимых для формального описания просодической системы, сохранилась и в более поздних работах британской школы. Например, А. Круттенден, выделяя семь наиболее частотных ядерных тонов в британском английском, иронически указывает на то, что предлагаемая им классификация не является «истиной свыше», и отмечает, что в вопросе о минимальном наборе единиц описания английской интонации «... почти все аналитики расходятся в своих суждениях о том, что представляет собой основное различие значений, и,

следовательно, в количестве ядерных тонов, которые должны быть представлены»² (Cruttenden 1997, 50-51).

Существенным типологическим сходством с работами британской школы, в особенности с теми из них, что имели ярко выраженную дидактическую направленность, характеризуется модель интонационных конструкций, предложенная Е. А. Брызгуновой во второй половине 1960-х гг. для описания интонационной системы русского языка. В своей первой работе, затрагивавшей вопросы интонации (Брызгунова 1963), исследовательница, видимо, не будучи знакомой с современными ей работами британских интонологов, ссылаясь только на одну западную монографию (Jurgens Buning and van Schooneveld 1961) – «импрессионистическое», т.е. не основанное на инструментальных данных описание русской просодии, которое было создано в США, однако не имело прямого отношения к описанной в разделе 1.1.1 американской уровневой традиции и использовало для транскрипции движений тона музыкальную нотацию. Критически отзывавшись об этой работе в своей «Практической фонетике и интонации русского языка» (Брызгунова 1963, 6), исследовательница предложила собственное описание русской просодии, основанное на понятии видов ударения, реализующихся в пределах синтагмы. В работе выделялись три вида ударения: фразовое («интонация точки», характерная для последнего слова повествовательного предложения), логическое (средство «выделения слова по смыслу», «подчеркивания нового во фразе») и синтагматическое («проявляющееся в неконечной синтагме»). Синтагматическое ударение, в свою очередь, подразделялось на три типа: первый, с резким повышением тона на ударном слоге, совпадает со средствами выражения общего вопроса; второй, с «относительно ровным» повышением тона на ударном слоге, совпадает с контуром неполного вопроса, вводимого частицей *a*; третий, с понижением тона на последнем слове синтагмы, не отличается от «интонации точки» и выражает завершенность в неконечной синтагме фразы. Важно отметить, что уже в первой работе Е. А. Брызгуновой большое значение придавалось поиску формальных критериев для отделения «интонации эмоций» от «интонации, передающей смысловую сторону речи», а также опоре на инструментальные данные.

Основы модели Е. А. Брызгуновой в том виде, в котором концепция получила широкую известность, были впервые сформулированы позднее, в статье «Интонация и смысл предложения» (Брызгунова 1967) и последовавшем за ней опубликованном в 1969 г. первом издании учебного пособия «Звуки и интонация русской речи» (Брызгунова 1977), адресованного иностранцам, изучающим русский язык. Впоследствии основные теоретические положения модели были закреплены в академической «Русской грамматике» в разделе «Интонация» (Брызгунова 1980а). В обновленной версии модели Е. А. Брызгуновой место типов ударения в качестве основных единиц описания

² Здесь и далее перевод цитат с английского языка на русский выполнен автором настоящей работы.

просодии заняли интонационные конструкции (далее – ИК) – тональные конфигурации, реализующиеся в пределах синтагмы и имеющие трехчастную структуру³. Эти единицы представляют собой, по выражению автора, «целое из частей»: центра (движения тона на ударном слоге интонационно выделенного слова), а также предцентральной и постцентральной зон контура. Как было отмечено выше, концепция ИК, безусловно, типологически близка трудам британской школы с ее ядерными акцентами/тональными группами, состоящими, в сущности, из тех же элементов: ядру соответствует центр ИК, хвосту – постцентр, а совокупности вершины и пре-вершины – предцентр. Как и в британской школе, в модели Е. А. Брызгуновой утверждалась неравноценность этих элементов для маркирования значений, выражаемых интонацией: центр представляет собой единственную обязательную часть конфигурации, и только направление движения тона в гласном центра является различительным признаком, характерным для всех без исключения ИК (Брызгунова 1980а, 103). Наконец, следует отметить, что в обеих моделях фразовая мелодия описывается в динамических терминах подъемов и падений тона, в отличие от статических уровней американской традиции.

Ключевым теоретическим отличием модели Е. А. Брызгуновой от трудов британской школы является представление о возможности определить конечное количество абстрактных интоном, применив к ним позаимствованный из сегментной фонологии смыслоразличительный критерий. В то время как британские интонологи допускали существование десятков потенциально возможных комбинаций вершины, ядра и хвоста, модель ИК предлагала формальную проверку, основанную на подборе минимальных пар фраз, «смысловые различия которых несовместимы в одном и том же контексте» (Брызгунова 1980а, 99). Эти смысловые различия могут заключаться не только в цели высказывания, но и в нейтральности/субъективности отношения говорящего к пропозициональному содержанию фразы, а также в стиле произношения. В дополнение к «несовместимым» различиям в модели ИК присутствовал инструментарий для описания нефонологических «совместимых» значений, связанных с эмоциями: модальные реализации ИК. Таким образом, подобно фонеме Московской фонологической школы, интонома Е. А. Брызгуновой в речи может реализовываться в своем основном виде (нейтральная реализация ИК) либо в виде вариантов (модальных/эмоциональных реализаций ИК) (Брызгунова 1980а; 1984).

Использование смыслоразличительного критерия в модели ИК впоследствии неоднократно подвергалось критике, в особенности в работах 1990-

³ Первые четыре ИК, предложенные в работе (Брызгунова 1967), соответствовали видам ударения, выделенным в работе 1963 г. ИК-5 была включена в список конструкций в качестве новой единицы уже в 1967 г.; наконец, ИК-6 и ИК-7 получили статус отдельных конструкций (а не вариантов ИК-4 и ИК-5) существенно позднее, в третьем издании пособия «Звуки и интонация русской речи» (Брызгунова 1977). Краткое описание основных свойств ИК будет предложено далее в разделе 1.3, специально посвященном исследованию русской интонации.

х гг. Отмечались недостатки понятия совместимости/несовместимости и его обусловленность контекстом (Keijsper 1992, 160-63; Кейспер 1995), а также включение в описание неинтонационных параметров для валидации противопоставлений, как, например, между ИК-1 и ИК-2 (усиление словесного ударения) или ИК-3 и ИК-7 (гортанная смычка) (Keijsper 1992, 154-55). Отмечалось также перцептивное сходство между разными ИК при однозначно воспринимаемых носителями языка различиях между модальными реализациями одной и той же ИК (Оде 1992). В работе О. Йокоямы (Yokoyma 1990, 197-98) критиковалось отсутствие структуры в описании комплекса значений, маркируемых ИК. Наконец, в исследованиях С. В. Кодзасова открыто постулировалась принципиальная невозможность «установления окончательного инвентаря просодем без параллельного исследования комбинаторики непропозициональных смыслов» (Кодзасов 2009, 14). Несмотря на эту критику, влияние модели Е. А. Брызгуновой на русскую интонологию трудно переоценить, и именно на эти работы прежде всего ссылаются авторы большинства современных обзоров, энциклопедических статей и разделов грамматик, посвященных русской интонации (Comrie et al. 1996; Jasinskaja 2016; Karpiński et al. 2020; Timberlake 2004; Yanko 2023; Yanushevskaya and Bunčić, 2015). Добавим, что в 2000-х гг. модель ИК также использовалась в качестве основы для создания альтернативных «холистических», то есть основанных на описании цельных контуров, моделей русской интонации (Вольская и Скрелин 2009; Касаткин 2005; 2007), краткий обзор которых будет представлен в разделе 1.3. Наконец, подобно работам британской традиции, модель Е. А. Брызгуновой по-прежнему не имеет альтернатив в практике преподавания иностранного языка; среди наиболее известных специализированных учебных пособий по русской фонетике можно назвать работы (Бархударова и Панков 2015; Муханов 1977; Одинцова 2017).

1.1.3 Перцептивный подход модели IPO

Возвращаясь к основным ранним моделям западной интонологии, нельзя обойти вниманием еще одно направление исследований интонации – модель IPO, получившую свое название по месту создания, в честь Института перцептивных исследований (нид. *Instituut voor Perceptie Onderzoek*) в Эйндрховене, Нидерланды. Особая важность этой модели для настоящей книги заключается в том, что она послужила теоретической основой для описания русской интонации, созданного в конце 1980-х гг. С. Оде (Оде 1992; Odé 1989), а также для предложенной в более поздних работах нидерландской исследовательницы системы транскрипции русской интонации ToRI (Odé 2008a; 2008b). Ранние работы интонологов из IPO датируются 1960-ми гг. прошлого века (Cohen and 't Hart 1967). В отличие от своих американских и британских современников, создатели модели IPO стремились разработать полностью свободную от интроспекции методологию формального описания просодической системы языка. Они обратили внимание на то, что, в отличие

от сегментной фонологии, интонологии не удалось успешно применить для установления абстрактных категорий строгий смыслоразличительный критерий в духе концепции фонемы Н. С. Трубецкого ('t Hart, Collier, and Cohen 1990). Критерии, основанные на лексической семантике и неоспоримые на сегментном уровне (например, любой носитель русского языка может указать на смысловые различия в паре слов [дом] и [том]), на уровне интонации приводили либо к чрезмерному обеднению контрастов (сведению их к базовым, игнорирующим широкий спектр прагматических значений противопоставлениям наподобие утверждение/вопрос), либо, напротив, не позволяли надежно отсеять паралингвистическую вариативность (должны ли, например, два общих вопроса, произнесенные с разным диапазоном изменения ЧОТ и, следовательно, воспринимаемые носителями языка как неодинаковые по степени эмоциональности говорящего, быть представлены как отдельные единицы в описании просодической системы?). В качестве выхода авторы предложили экспериментальную методологию, основанную на суждениях слушающего о перцептивной эквивалентности (а не функциональном различии, как в других моделях) искусственно стилизованных мелодий.

Процедура установления категорий просодической системы отдельно взятого языка в модели IPO включает два этапа. Первый шаг представляет собой акустический анализ корпуса звучащих высказываний, обычно сравнительно небольшого по объему. Прежде всего для каждой фразы из корпуса мелодический контур вручную «сглаживается» за счет исключения микропросодии (колебаний ЧОТ, связанных с собственными акустическими характеристиками сегментов). Далее остальные движения мелодической кривой моделируются в виде наименьшего допустимого количества прямых линий, соединяющих локальные минимумы и максимумы тона. Получаемые в результате такой процедуры простейшие контуры получили название близких копий, или стилизаций (англ. *close-copy stylizations*). Созданные в результате первого этапа анализа стилизации должны быть неотличимы на слух от оригинальных стимулов при экспериментальной проверке.

На втором этапе близкие копии сортируются по группам на основе восприятия содержащихся в них тональных движений. Основным критерием при такой сортировке является перцептивный: несмотря на очевидные (в том числе сегментные) различия между стимулами, носители языка при их прослушивании должны тем не менее признавать равнозначность, или эквивалентность, мелодий (англ. *equivalence*, в отличие от *equality* – идентичности [Odé 1989, 37]). Выделяемые в результате такой сортировки усредненные контуры получают название интонационных моделей (англ. *intonation patterns*); различие между ними на основе принципа перцептивной эквивалентности признается фонологическим. В качестве базовых единиц описания просодии IPO, подобно британской школе, использовал подъемы и падения тона. Следовательно, например, восходяще-нисходящий «шляпный» контур, характерный для английского языка, в формальном описании нидерландской школы описывался как совокупность раннего (относительно границ ударного слога) подъема и раннего падения.

Таким образом, ключевая особенность модели IPO заключалась в подходе «снизу вверх» (англ. *bottom up*), то есть, от формы к функции: сначала на основе перцептивной эквивалентности выделяются интонационные модели, и лишь затем, на заключительном этапе, эти модели соотносятся со спектром выражаемых ими значений. Как отмечает Д. Р. Лэдд (2006, 17-18), за счет отказа от функционально-семантических критериев, заключающихся в поиске прямой связи между значениями и их тональными коррелятами, подход IPO максимально приблизился к методам, применяемым для установления фонологических категорий сегментного уровня.

Перцептивный подход IPO был применен в 1980-х гг. сначала к нидерландскому языку (Collier and 't Hart 1981), а затем к английскому (De Pijper 1983), немецкому (Adriaens 1991) и русскому (Odé 1989). В своих ранних работах С. Оде (1989, 1992) на основе описанной выше методологии выделила шесть типов восходящих и семь типов нисходящих интонационных моделей, или, в ее терминологии, тональных акцентов. Каждый тональный акцент был охарактеризован не только по направлению движения тона, но и по ряду дополнительных перцептивно релевантных признаков: амплитуде изменения ЧОТ (например, подъем тона с большим интервалом Rm-/+ противопоставляется подъему с нормальным интервалом gm-/+), таймингу⁴ (например, противопоставляются падения тона с ранним и поздним таймингом, Fnl- и Fnl+), уровню постцентра (например, подъем с низким постцентром Rl- противопоставляется подъему с высоким постцентром Rh-). Кроме этого, в качестве отдельной единицы был выделен тип контура с чередой повторяющихся падений тона в форме зубьев пилы (англ. *sawtooth pattern*). В работах 2000-х гг. (Odé 2003, 2005, 2008a, 2008b) исследовательницей была предложена модифицированная нотация для обозначения тональных конфигураций русского языка ToRI (от англ. *Transcription of Russian Intonation*). Подробнее о ToRI речь пойдет ниже в разделе 1.2.3, посвященном системам нотации, связанным с автосегментной метрической моделью.

К 1980-м гг. в западной интонологии накопились противоречия между доступностью инструментальных данных о фонетической вариативности просодии и неспособностью фонологических теорий последовательно интерпретировать это разнообразие с одновременным учетом функций и значения просодии. В то время как сторонники модели IPO намеренно уходили от вопросов, касающихся функциональных аспектов интонации, более амбициозные в этом отношении британская и американская модели неизбежно сталкивались с трудностями при попытке провести четкие границы между лингвистическими и паралингвистическими значениями, а также определить прямые соответствия между абстрактными фонологическими репрезентациями и поверхностной фонетической вариативностью. В частности, американская система подвергалась критике за произвольность выбора количества

⁴ Таймингом в интонологии называется положение точки в кривой ЧОТ относительно границ сегментов; подробнее об этом параметре пойдет речь ниже в разделе 1.2.

базовых уровней и отсутствие предсказательной силы в отношении переходов между ними (Cruttenden 1997). В то же время британская система, изначально в значительной степени основанная на интроспекции, со временем становилась все более уязвимой в свете новых экспериментальных данных, успешно предсказывавших форму мелодических кривых на основе статических уровней тональных целей (а не динамических движений тона), характеризующихся стабильным положением относительно сегментных границ. Дебаты между сторонниками двух моделей, получившие название «уровни против конфигураций» (*levels vs. configurations debate* [Bolinger 1951]), продолжались более тридцати лет. Обсуждение этой дискуссии выходит за рамки настоящей работы, однако читатель может ознакомиться с ней, например, в обзоре (Arvaniti 2011). Частично решить эти противоречия удалось автосегментной метрической модели интонации, о которой пойдет речь в следующем разделе.

1.2 Автосегментная метрическая модель интонации и ее основные положения

Автосегментная метрическая⁵ модель интонационной фонологии – это направление лингвистического анализа интонации, возникшее в 1980-х гг. в США и к настоящему моменту получившее широкое распространение в экспериментальной и теоретической лингвистике. Поскольку в настоящей работе объект исследования будет рассматриваться с позиций именно этой модели, представляется необходимым посвятить отдельный раздел краткому изложению ее основных идей, а также ее отличий от традиционных концепций, представленных выше в разделе 1.1. Несмотря на то, что на английском языке существует серия подробных обзоров основных положений АМ-модели (Arvaniti 2020, 2022; Arvaniti and Fletcher 2020; Beckman, Hirschberg, and Shattuck-Hufnagel 2005; Grice 2022), в русскоязычной литературе работы в этом жанре отсутствуют: существующие обзоры, такие как (Архипов, Иосад, и Староверов 2019; Зубрицкая 1997; Кодзасов и Кривнова 2004), посвящены преимущественно моделям сегментной фонологии. На русском языке основные сведения об интонологической АМ-модели и соответствующую терминологию удастся обнаружить только в кратких вступительных разделах научных статей о просодии. Настоящий раздел создан с целью отчасти заполнить эту лауну. При его подготовке, помимо оригинальных публикаций, внесших ключевой вклад в развитие АМ-модели, использовались наиболее актуальные англоязычные обзоры, а также теоретические разделы монографий (Gussenhoven 2004; Ladd 2008). Там, где это возможно, для перевода терминологии использовались русские термины, уже устоявшиеся в

⁵ В англо- и русскоязычной литературе встречаются как дефисное (автосегментно-метрическая), так и раздельное написание этого термина. В тексте настоящей работы будет использоваться раздельное написание.

литературе. Для наглядности изложения в тексте будут приводиться условные примеры из русского языка.

1.2.1 Абстрактные единицы

Основные положения АМ-модели были впервые представлены на материале английского языка в диссертации Дж. Пьерхамберт (Pierrehumbert 1980)⁶. Вскоре после этого они были переработаны и существенно дополнены с учетом данных японской просодии в работах (Beckman and Pierrehumbert 1986; Pierrehumbert and Beckman 1988; Pierrehumbert and Hirschberg 1990). АМ-модель является в первую очередь фонологической концепцией, ставящей задачу описать представление фразовой интонации на абстрактном уровне (хотя и опираясь на данные о фонетической реализации). Интонация фразы рассматривается в АМ-модели в виде линейной последовательности высоких и низких тональных единиц. Эти абстрактные тоны, условно обозначаемые буквами H и L (от англ. *high* и *low*), формируют, подобно фонемам на сегментном уровне, «когнитивно-фонологический план говорящего» при порождении речи (Arvaniti and Fletcher 2020, 79). Тоны и их комбинации имеют статус автосегментов⁷: подразумевается, что они независимы от сегментных единиц – фонем – поскольку находятся на отдельном автономном уровне фонологической репрезентации, параллельном сегментному. Этим объясняется первая часть названия модели, впервые предложенного в монографии Д. Р. Лэдда (Ladd 1996).

Вторая часть названия АМ-модели отражает ключевую роль метрической структуры для распределения «автономных» фразовых тоном в рамках высказывания и их координации с сегментными единицами. С точки зрения метрической фонологии (Liberman 1975; Nespor and Vogel 2007), высказывание имеет многоуровневую иерархическую структуру. В рамках каждого уровня единицы характеризуются относительной выделенностью (англ. *prominence*). Иными словами, в метрической структуре чередующиеся «сильные» и «слабые» элементы объединяются в единицы более высокого уровня при помощи определенного признака. Сильный элемент уровня просодической иерархии называется его вершиной (англ. *head*). Например, в русском языке безударные и ударные слоги формируют фонетическое слово на основе признака

⁶ Работе исследовательницы, в свою очередь, предшествовало исследование Й. Брюса (Bruce 1977), в котором при помощи методов, близких к АМ-модели, была предложена интерпретация взаимодействия двух типов лексических тональных акцентов и фразовой интонации шведского языка.

⁷ Термин автосегмент был впервые предложен в работе (Goldsmith 1976) для анализа языков, использующих лексические тоны. В этих языках структуралистское представление о строгой линейной упорядоченности фонем как носителей дифференциальных признаков (в том числе тональных) не позволяло описать целый ряд явлений, таких, как, например, «плавающие» тоны, способные передаваться от одного гласного к другому. Более подробный обзор проблематики на русском языке представлен в (Зубрицкая 1997, 174-78).

словесного ударения, а просодически выделенные и деакцентированные фонетические слова – малую интонационную фразу, или синтагму, на основе ударения фразового (или, в других терминах, ядерного тонального акцента). В описаниях метрической структуры некоторых языков при необходимости используются также уровни моры и стопы (Frota, Arvaniti, and D’Imperio 2012). Иерархическая структура может быть наглядно представлена в виде метрического дерева или метрической решетки; см., например, (Зубрицкая 1997, 190-91). На Рис. 1 приведен пример метрического анализа для варианта произнесения русской двухсинтагменной фразы «Анна купила кресло или стол?» с просодическим выделением слов *кресло* и *стол*.

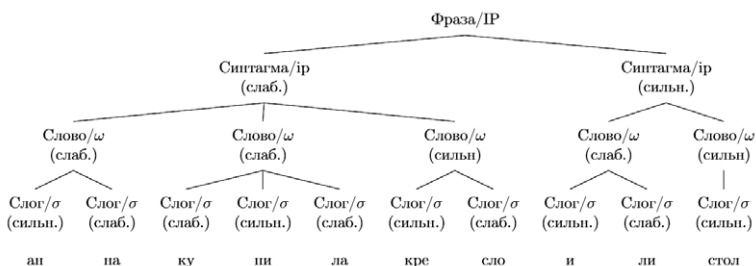

Рисунок 1 – Вариант разметки метрической структуры интонационной фразы, состоящей из двух синтагм: «Анна купила кресло / или стол?»

Интонологию интересуют в первую очередь метрические уровни выше фонетического слова. Для них АМ-модель предлагает иерархию, основанную на понятии тонального акцента (англ. *pitch accent*). Тональный акцент в АМ-модели может содержать один абстрактный тон (Н или L) либо комбинацию тонов. Если тональный акцент представляет собой комбинацию тонов, они обычно соединяются символом «плюс»⁸ и один из элементов признается более «сильным» в метрической структуре и обозначается при помощи астериска (например, H^*+L , $H+L^*$, L^*+H , $L+H^*$; для обозначения монотональных акцентов также используется астериск: H^* , L^*). Сильные элементы тональных акцентов ассоциируются в синтагме с вершинами – ударными слогами просодически выделенных слов. Слабые тоны (англ. *leading* – «ведущие», т. е. предшествующие сильному «звездному» тону; *trailing* – «закрывающие», следующие за ним) не имеют собственной ассоциации, поэтому их присутствие чаще бывает отражено фонетически не на ударном слоге, а на соседних безударных слогах.

Последний тональный акцент в просодическом единстве из нескольких слов обычно воспринимается как главный, наиболее выделенный во фра-

⁸ Оговоримся, впрочем, что отдельные системы анализа либо вообще не используют символ «плюс», либо постулируют функциональное противопоставление между нотацией с ним и без него, различая, например, $L+H$ и LH .

зе, и носит название ядерного (англ. *nuclear*); предшествующие ему акцентны обычно ощущаются как менее выделенные просодически и называются предъядерными. Подобно тому как на более низком уровне метрической структуры главное словесное ударение ассоциируется с ударным слогом и объединяет слоги в фонетическое слово, ядерный фразовый акцент ассоциируется с наиболее выделенным словом и объединяет слова в единицу более высокого уровня. В англоязычной литературе для ее обозначения используется термин *intermediate phrase* (*ip*); для его перевода здесь и далее мы будем вслед за О. Ф. Кривновой (1995) использовать термин синтагма. Синтагмы могут поодиночке или в группах формировать единства еще более высокого уровня – интонационные фразы (*IP*).

Помимо тональных акцентов, связанных с вершинами просодически выделенных фонетических слов, в АМ-модели постулируется существование двух типов тональных единиц, ассоциированных с границами составляющих метрической структуры. В качестве общего для них названия используется термин *edge tones*; за неимением устоявшегося русского перевода этого термина мы предлагаем называть эти тоны конечными. Первый тип конечных тонов, присутствующий во всех вариантах АМ-модели, носит название пограничного тона (англ. *boundary tone*) и обозначается символом процента. Он состоит из одного или, реже, нескольких тонов (например, Н%, L%, Н+L%) и в метрической иерархии ассоциируется с границей «большой» интонационной фразы (*IP*). Во всех существующих вариантах АМ-модели пограничные тоны используются для маркирования правой границы фразы; некоторые фонологические описания также постулируют необходимость пограничного тона на левой границе высказывания (в таком случае символ процента ставится перед буквой: %Н, %L).

Другой тип конечного тона носит название фразовый тон (англ. *phrase tone/ phrase accent*). Он обозначается при помощи символа «минус» и используется не во всех автосегментных описаниях. В стандартной версии АМ-модели (Beckman and Pierrehumbert 1986) фразовый тон ассоциируется с правой границей просодического уровня, предшествующего уровню интонационной фразы – т.е., с границей синтагмы (*ip*). Большое влияние на трактовку понятия фразового тона в АМ-модели оказало сравнительное исследование сложных контуров вопросительных предложений в (Grice, Ladd, and Arvaniti 2000). Авторы статьи обратили внимание на то, что в ряде европейских языков форма восходящего движения мелодической кривой между, например, низким ядерным акцентом (Н+)L* и высоким пограничным тоном Н% содержит переломную точку изменения направления тона, причем ее расположение системно варьируется и оказывается связано с просодической структурой соответствующей последовательности слогов. Для объяснения этого явления была применена ранее высказывавшаяся в (Pierrehumbert and Beckman 1988) идея о том, что фразовые тоны могут иметь, помимо основной, вторичную ассоциацию: не только ассоциироваться в метрической иерархии с правой границей синтагмы, но и в то же время иметь тайминг в районе одного из предыдущих слогов в постъядерной последовательности.

Например, целью для вторичной ассоциации фразового тона может служить слог, следующий сразу после ядерного тонального акцента. Если постъядерная последовательность включает дополнительный ударный слог, именно он часто становится местом вторичной ассоциации фразовых акцентов. При этом содержащее этот слог слово остается менее просодически выделенным по сравнению со словом – носителем ядерного акцента (далее в разделе 1.3.2 мы представим более подробное обсуждение этой проблематики на материале русского языка, см. Рис. 4).

Независимость тонального уровня от сегментного приводит к тому, что во фразах, содержащих большое количество многосложных слов, у большинства безударных слогов, а также у некоторых ударных отсутствует мелодическая спецификация. Например, общий вопрос «Алена Ивановна купила наконец эту книгу?»⁹ может быть произнесен в быстром темпе таким образом, что единственным слогом – носителем тонального акцента будет ударный слог глагола. Тональные репрезентации подобных высказываний называют разреженными. Возможна, однако, и обратная ситуация: в некоторых случаях один слог может ассоциироваться сразу с несколькими тональными единицами. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда конечный слог фразы является носителем ядерного тонального акцента. В результате помимо него в пределах слога размещаются еще два тона: фразовый и пограничный. В качестве примера можно привести сопоставительный вопрос «А ты?», оформленный нисходяще-восходящим движением тона. Слог *ты*, в зависимости от конкретного анализа, может быть ассоциирован одновременно с двумя-тремя абстрактными тонами (относящимися к ядерному тональному и двум конечным акцентам). Сценарии решения такого рода конфликтов между мелодией и текстом разнообразны (Vigário et al. 2019), одним из них является полное усечение (трукция) пограничных тонов, наблюдаемое, например, в русском общем вопросе (Odé 2005a; Rathcke 2013). Большинство этих стратегий, однако, не затрагивают абстрактные тональные конфигурации и влияют только на их фонетическую реализацию, о которой пойдет речь в следующем разделе.

Итак, тональные акценты отличаются от конечных тонов по функции: первые указывают на относительную просодическую выделенность составляющих высказывания, а вторые – на границы между ними (Grice 2022, 65). Помимо роли в метрической иерархии, стандартная версия АМ-модели также постулирует наличие у абстрактных тонов собственного прагматического значения. Общее значение мелодии высказывания, таким образом, должно представлять собой сумму прагматических значений, характерных для каждого отдельно взятого тонального акцента, фразового и пограничного тона фразы. В этом отношении сторонники АМ-модели прямо противопоставляют свой композиционный анализ интонационного значения холистическо-

⁹ Здесь и далее мы будем в случаях необходимости использовать малые прописные буквы для обозначения ядерного просодического выделения слов в языковых примерах.

му подходу британской школы, присваивающего цельное значение совокупностям ядра и хвоста контура.

Как следствие, в отличие от холистических описаний, в стандартной версии АМ-модели собственные прагматические значения имеет каждый предъядерный и ядерный акцент. Далее, фразовый тон указывает на прагматические связи между синтагмами, а пограничный тон – на связи между интонационными фразами. Например, в работе (Pierrehumbert and Hirschberg 1990) были предложены базовые значения для шести тональных акцентов американского варианта английского языка, причем акценты со «звездным» низким тоном (L^* , $H+L^*$, L^*+H) были последовательно противопоставлены акцентам с H^* (H^* , H^*+L , $L+H^*$). Фразовые тоны предлагалось рассматривать как указания на то, формируют ли смежные синтагмы прагматическую общность (например, при дизъюнкции), а пограничные тоны – как сигналы о необходимости либо принимать во внимание следующую фразу при интерпретации только что завершившейся (англ. *forward-looking interpretation*), либо, наоборот, не искать прямой связи между ними. Впоследствии поиск базовых прагматических функций автосегментных тональных единиц английского языка был продолжен, в частности, в работах (Bartels 1999; Steedman 2014), однако следует отметить, что сильная версия гипотезы о композициональности интонационного значения не получила дальнейшего существенного развития. Большинство АМ-описаний, сохраняя автосегментную уровневую интерпретацию отдельных элементов мелодии, при описании прагматических значений обращаются к наиболее частотным сочетаниям ядерных тональных акцентов с фразовыми и пограничными тонами и, подобно британской школе, используют ядерные конфигурации в качестве основной единицы анализа прагматики высказывания. Как отмечает Д. Бюринг (2016, 222), в результате в современной просодической фонологии противопоставление между холистическими и композициональными описаниями представляет собой скорее не дихотомию, а широкий спектр подходов, предполагающих разную степень «расчлененности» прагматических значений, выражаемых интонацией.

Обобщая обзор положений АМ-модели, касающихся абстрактных репрезентаций, рассмотрим условную иллюстрацию на материале русского языка. Представим, что в качестве ответа на вопрос «*Что тебе подарили на день рождения на работе?*» носителем русского языка была произнесена фраза «*Голованова подарила книгу*». Предположим, что в анализируемом произнесении фразы отсутствовали явные паузы (признак того, что, по всей вероятности, интонационная фраза состоит из единственной синтагмы), а в качестве просодически выделенных слов опрошенные носители русского языка назвали *Голованова* и *книгу*. Допустим также, что литература, посвященная этому варианту русского языка, позволяет идентифицировать воспринимаемое выделение слова *Голованова* как присутствие битонального акцента $L+H^*$, а выделенность слова *книгу* – как наличие монотонального акцента L^* . Наконец, допустим, что в фонологических описаниях просодии данного варианта русского языка используются только правые пограничные тоны, а фразовые тоны маркируют границу синтагмы.

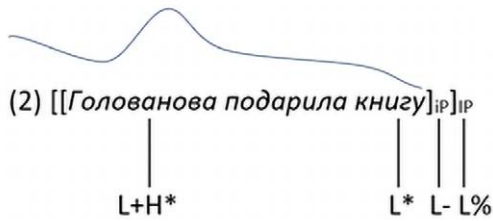

Рисунок 2 – Пример ассоциации абстрактных единиц АМ-модели в повествовательном высказывании

В таком случае фонологический АМ-анализ этого примера можно упрощенно представить на Рис. 2. Абстрактная репрезентация мелодии содержит четыре линейно расположенные тональные единицы: 1) предъядерный тональный акцент $L+H^*$, в котором «звездный» высокий тон ассоциирован с ударным слогом слова *Голованова*, а «ведущий» низкий тон не имеет собственной ассоциации; 2) ядерный тональный акцент L^* , ассоциированный с ударным слогом наиболее просодически выделенного слова фразы *книгу*; 3) низкий фразовый тон $L-$, ассоциированный с границей синтагмы (*ip*); 4) низкий пограничный тон $L\%$, ассоциированный с границей интонационной фразы (*IP*). Поскольку границы синтагмы и фразы в данном случае совпадают, оба конечных тона – $L-$ и $L\%$ – ассоциированы с концом последнего слога. Добавим, что условный альтернативный АМ-анализ, отрицающий необходимость использования фразового тона в этом варианте русского языка, мог бы обойтись без тональной единицы, маркирующей уровень синтагмы, и представить анализ данной мелодии как $L+H^* L^* L\%$, а метрическая структура при таком анализе содержала бы на один уровень ветвления меньше (только *IP*, без *ip*).

Что же касается вопроса о композициональности прагматических значений, то здесь условный анализ в рамках классической версии АМ-модели, примененной к русскому языку, предполагал бы присвоение каждому элементу мелодии отдельного прагматического значения. Например, система, созданная по аналогии с (Pierrehumbert and Hirschberg 1990), могла бы предполагать, что предъядерный акцент $L+H^*$ вводит в общее знание (англ. *mutual belief*) говорящего и слушающего выделяющийся (англ. *salient*) элемент, соответствующий новой теме, а ядерный L^* маркирует выделяющуюся рему (ср. Steedman 2014; Янко 2001; 2008). В свою очередь низкие фразовый и пограничный тоны могут указывать на завершенность в том смысле, что контекстно выделяющейся синтагмы или фразы далее не последует; говорящий не призывает слушающего обращать особое внимание на следующую фразу («*Это все, больше мне никто ничего не подарил*»). Отметим еще раз, что этот текст не предлагается в качестве готового анализа для русского языка, а приводится исключительно чтобы продемонстрировать суть композиционального подхода АМ-модели к абстрактным единицам интонации и их значению.

1.2.2 Фонетическая реализация

Одной из главных причин успеха АМ-модели, выраженного, в частности, в непрерывном росте числа использующих ее опубликованных исследований, является ориентация на экспериментальную проверку выдвигаемых гипотез. Большинство утверждений об абстрактном уровне организации просодии высказывания, представленных в предыдущем разделе, имеют прямые следствия для фонетической реализации, которая может изучаться методами артикуляционной или акустической фонетики.

Итак, абстрактные тоны АМ-описаний отражаются на мелодической кривой в виде изменений ее направления – тональных целей. Поверхностные репрезентации высоких тонов H обычно представляют собой локальные максимумы, или пики, ЧОТ (реже – плато). Низкие тоны L представлены на интонограмме в виде «нырков» или впадин (англ. *trough*) – локальных минимумов тона. Для описания случаев, когда с изменением направления ЧОТ соседствует низкое или высокое плато (участок ровного тона), используется термин локоть (англ. *elbow*). Участки кривой ЧОТ между тональными целями не имеют самостоятельной фонологической репрезентации и представляют собой интерполяцию. На ранних этапах развития АМ-модели допускалось, что характер этой интерполяции несуществен с точки зрения элементов прагматического значения, однако более поздние экспериментальные исследования показали, что выпуклость или вогнутость участка кривой между тональными целями может влиять на восприятие и интерпретацию мелодии (Barnes et al. 2021; D’Imperio 2000; Dorokhova and D’Imperio 2019).

Акустические характеристики тональных целей описываются при помощи двух основных параметров: высоты (англ. *scaling*) и тайминга (здесь и далее мы будем использовать именно этот перевод англоязычного термина *alignment*, устоявшийся в русскоязычной литературе начиная с работ С. Оде).

Высота тональной цели выражается в единицах измерения частоты – линейных (герц) или логарифмических (полутон, мел, барк); подробнее о выборе между ними см. (Nolan 2003). Высота обычно связана с качеством абстрактного тона (H обычно реализуется локальными максимумами, а L – локальными минимумами), однако информативностью обладают в первую очередь относительные, а не абсолютные значения ЧОТ. Необходимость критически подходить к абсолютным значениям ЧОТ связана с тем, что они в значительной степени обусловлены индивидуальными физиологическими особенностями говорящего и собственными значениями ЧОТ гласных (Chen et al. 2021); кроме того, в многосложных синтагмах деклинация¹⁰ может приводить к тому, что расположенный в конце фразы высокий тон реализуется более низким абсолютным значением ЧОТ, чем предшествующий ему низкий тон.

¹⁰ Универсальная тенденция, представляющая собой постепенное автоматическое снижение верхней границы движений ЧОТ от начала к концу синтагмы. О деклинации в русском языке см. (Kocharov et al. 2014).

Тайминг тональной цели – это ее расположение относительно границ сегментов (слога либо его элементов, например, коды или ядра). Абсолютный тайминг обычно измеряется в миллисекундах от выбранной границы между сегментами (например, соответствующий Н* пик ЧОТ может находиться в 30 мс от начала ударного слога). Относительный тайминг выражается в процентах или пропорции от длительности выбранного сегмента (например, 15%, или 0,15, от длительности ударного гласного). Обозначенные астериском метрически сильные тоны обычно реализуются в виде тональных целей, имеющих тайминг в пределах ударного слога, однако и это правило имеет исключения. Классическим примером «звездного» тона, регулярно сдвигающегося на безударный слог, является поздний пик (англ. *delayed peak*) предъядерного тонального акцента Н*, впервые подробно описанный на материале американского английского (Dilley and Heffner 2013, Silverman and Pierrehumbert 1990) и впоследствии обнаруженный в ряде других языков (Arvaniti 2020).

Еще начиная с работы Й. Брюса (1977) АМ-подходу было свойственно представление о том, что тайминг тональных целей характеризуется стабильностью. Эта идея была эксплицитно сформулирована и поддержана экспериментальными данными в статье (Arvaniti, Ladd, and Mennen 1998). Авторы исследования проанализировали фонетическую реализацию низкой и высокой тональных целей в восходящем предъядерном акценте (с предварительной АМ-интерпретацией L+Н*) в греческом языке и обнаружили, что манипуляции длительностью сегментов не влияют на тайминг тональных целей: L последовательно реализуется локальным минимумом, «привязанным» к левой границе ударного слога, а Н – пиком ЧОТ в самом начале первого заударного гласного. Напротив, эксперимент показал, что крутизна восходящего движения тона, соединяющего L и Н, не является постоянной величиной и определяется длительностью сегментов. Полученные результаты были предложены в качестве решающего аргумента в дискуссии «уровней против конфигураций». Согласно сторонникам АМ-модели, подобные фонетические данные противоречат представлениям британской школы и модели IPO о первичности динамических элементов (подъемов и падений тона). Таким образом обосновывается идея о том, что уровневая репрезентация не является всего лишь альтернативной нотацией мелодических контуров: напротив, она более точно отражает организацию интонационных единиц на абстрактном уровне и, следовательно, позволяет успешно предсказывать вариативность фонетической реализации тональных единиц при изменении сегментного материала. Впоследствии это представление было названо гипотезой о привязке тональных целей к границам сегментов (англ. *segmental anchoring hypothesis*). Ее проверке был посвящен ряд экспериментальных исследований, которые полностью или частично подтвердили гипотезу (Atterer and Ladd 2004; Igarashi 2004; Ishihara 2003; Ladd et al. 1999; Ladd et al. 2000; Prieto 2009; Prieto and Torreira 2007).

Помимо собственно представления тональных единиц в виде точек на кривой ЧОТ, фонетическая реализация в АМ-модели отвечает за то, как эти точки взаимодействуют между собой, в частности, в случаях, когда несколько тональных целей должны уместиться на ограниченном сегментном материа-

ле. В предыдущем разделе настоящей работы содержалось краткое указание на то, что конфликты между текстом и мелодией могут решаться на абстрактном уровне за счет полного усечения того или иного тона, то есть за счет отказа от его поверхностной реализации. Следует, однако, отметить, что в большинстве случаев стратегии решения таких противоречий связаны с модификацией фонетических параметров. Во-первых, говорящий может «пожертвовать» предсказываемой высотой ЧОТ и реализовать тональную цель лишь частично, то есть на уровне ниже или выше ожидаемого (так называемый недострел, от англ. *undershoot*). Во-вторых, широко распространены стратегии, основанные на изменении тайминга тональных целей. Во многих языках отмечается их передвижение влево под влиянием правого контекста (например, более ранний тайминг ядерного акцента «под давлением» фразового и пограничного тона). Наконец, альтернативой «уступкам», связанным с изменениями ЧОТ, является модификация сегментного состава высказывания: продление сегментов или вставка эпентетических гласных. С кратким типологическим обзором возможных стратегий читатель может ознакомиться в работе (Vigário et al. 2019).

В заключение настоящего раздела приведем еще один условный пример, демонстрирующий подход АМ-модели к фонетической реализации. Допустим, известно, что в условном варианте русского языка сопоставительный вопрос маркируется ядерным акцентом L^* , фразовым акцентом H - и пограничным тоном $H\%$. При наличии достаточного сегментного материала каждый абстрактный тон реализуется в виде отчетливо выделяющихся на интонограмме тональных целей. В этом можно убедиться в левой части Рис. 3, где представлена интонограмма¹¹ записи сопоставительного вопроса с ядерным акцентом на слове *Валентина* (возможный контекст: «Я знаю, что АЛЕНА Голованова приехала. А ВАЛЕНТИНА Голованова?»). Первая высокая тональная цель (пик ЧОТ) представляет собой реализацию предъядерного тонального акцента H^* с поздним таймингом, ассоциированного с единственным слогом частицы *а*. Вторая тональная цель – это низкое плато ЧОТ в конце ударного слога и в начале первого заударного слова *Валентина*; она является реализацией ядерного тонального акцента L^* . Следующее значимое изменение кривой – это «локоть» ЧОТ в конце ударного слога просодически не выделенного слова *Голованова*; так может выглядеть вторичная ассоциация фразового акцента H , который ассоциирован одновременно с этим слогом и с концом синтагмы. Наконец, высокий уровень тона на последнем безударном слоге фразы отражает пограничный тон $H\%$, ассоциированный с концом интонационной фразы¹².

¹¹ Эта и все последующие интонограммы созданы в программе *Praat* (Boersma and Weenink 2024) с использованием скрипта *Create Pictures* (Elvira García 2022). Исходные аудиофайлы доступны в онлайн-приложении по следующей ссылке: <https://osf.io/qntxs/>.

¹² Обратим внимание читателя также на то, что мелкие изменения ЧОТ до и после звука [т'] в слове *Валентина*, а также в конце первой фразы являются результатами микропросодии (в первом случае) и ошибкой алгоритма *Praat* при отслеживании ЧОТ рядом с паузой (во

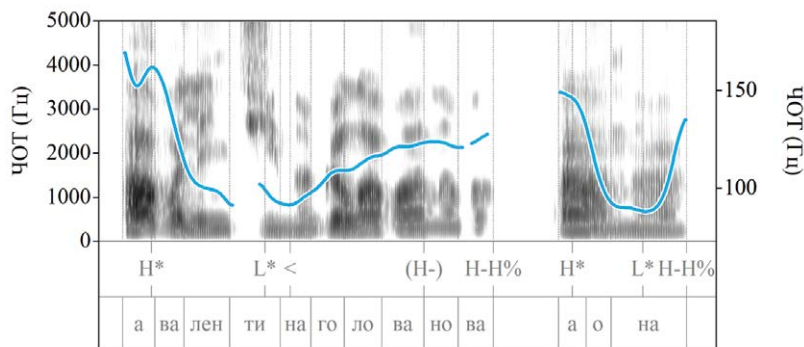

Рисунок 3 – Спектрограммы и интонограммы произнесения фраз «А Валентина Голованова?» и «А она?»¹³

В правой части Рис. 3 представлена фонетическая реализация той же тональной конфигурации на ограниченном сегментном материале («Я знаю, что он не приехал. А она?»). Поскольку просодически выделенный слог является последним во фразе, с ним ассоциированы сразу три единицы автосегментного уровня: ядерный тональный акцент L^* , фразовый тон H - и пограничный $H\%$. Из интонограммы видно, что в данном случае говорящий продлевает ударный гласный, чтобы разместить обе тональные цели. Кроме того, фразовый тон H - не имеет возможности для вторичной ассоциации. Несмотря на эти модификации, кривая ЧОТ сохраняет основные характеристики, присущие «полному» варианту, что позволяет избежать нейтрализации с конфигурациями, обладающими иными прагматическими значениями – например, повествовательным высказыванием.

1.2.3 Системы ToBI

Обязательной частью всех моделей просодической фонологии является транскрипция – система символов, сопровождающая текстовые примеры и отражающая движения тона в соответствии с основными теоретическими положениями концепции. Самые ранние описания интонации использова-

втором случае). Они не отражают тональных целей и не должны учитываться при фонологическом анализе интонации.

¹³ Здесь и далее значения ЧОТ на оси ординат представлены отдельно для спектрограммы (в левой части иллюстрации) и для интонограммы (в правой части иллюстрации). Символ «<>» используется в тех случаях, когда фонетическая реализация (пик или минимум ЧОТ) «звездного» тона тонального акцента находится правее, чем слог, с которым ассоциирован этот акцент (Kügler et al. 2015). Таким образом, например, на Рис. 3 символ «<>» указывает в сторону ударного слога-акцентоносителя *ти*, несмотря на то, что минимум ЧОТ достигается только на следующем за ним слове *на*. Мы благодарим анонимного рецензента за указание на важность корректной разметки несоответствий такого рода.

ли музыкальную нотацию (см., например, [Jones 1909]), и хотя в литературе встречаются отдельные призывы вернуться к этой традиции (Meireles et al. 2017), в целом среди лингвистов существует консенсус о том, что для формального описания просодии требуется особая система аннотации, которой специально обученные разметчики смогут пользоваться с высокой степенью согласованности. Кроме этого, желательно, чтобы символы были также доступны непрофессионалам и могли использоваться, например, для преподавания просодии неродного языка (De Iacovo and Romano 2019).

Подобно сегментной транскрипции, которая может быть фонологической или фонетической, «широкой» или «узкой» (Handbook of the IPA 1999), просодическая аннотация также может либо отражать только абстрактный уровень тональной репрезентации, либо фиксировать в первую очередь акустические свойства тона – изменения кривой ЧОТ. В качестве примера первого типа можно привести систему символов в модели Е. А. Брызгуновой (Брызгунова 1980а), в которой аннотация ограничивается указанием на номер ИК (1-7), место ее центра и границы между синтагмами. Очевидно, системы «широкой» транскрипции предполагают существование готового инвентаря тональных единиц. Примером противоположного подхода является INTSINT (англ. *IN*ternational *T*ranscription *S*ystem for *IN*Tonation) – универсальная система транскрипции интонации, предложенная в (Hirst and Di Cristo 1998). Задуманная ее авторами как аналог Международного фонетического алфавита для интонации, эта система была предложена в качестве описательного инструмента в первую очередь для сбора данных в малоизученных языках (Hirst and Di Cristo 1998, 14), однако широкого распространения не получила.

Среди систем аннотации, занимающих промежуточное положение между «широкой» и «узкой» транскрипцией, наиболее известны иллюстрации британской школы, в которой слоги схематически представлены в виде маленьких окружностей (ударные закрашены, безударные – нет). Положение точек в вертикальной проекции отражает высоту тона в пределах слога, а ядерное движение тона изображается в виде «хвоста» у одной из закрашенных окружностей; отсюда происходит название «диаграмма с головастиками» (англ. *tadpole diagrams* [Nolan 2022, 321]).

Система символов, используемая в АМ-модели, была разработана на материале американского варианта английского языка в начале 1990-х гг. (Hirschberg and Beckman 1994) и получила название ToBI – *Tones and Break Indices* (дословно, в переводе с английского, «тоны и индексы просодических швов¹⁴»). Как видно из ее названия, автосегментная система нотации включает в себя два основных элемента. «Тоны», то есть инвентарь тональных единиц и символы для них, были напрямую позаимствованы из работ Дж. Пьерхамберга и ее соавторов (Pierrehumbert 1980, Beckman and Pierrehumbert 1986). Помимо представленных в предыдущих разделах символов H, L, *, - и %, первая версия ToBI включала в себя символ «!» для даунстепа – прави-

¹⁴ Под «просодическими швами» здесь и далее имеются в виду границы синтагм и фраз.

ла понижения тона под действием предшествующего тона в пределах той же синтагмы (Ladd 1983).

При компьютерной обработке аудиофайлов с применением системы ToBI используется несколько слоев разметки. Символы тонов располагаются на первом слое, их метки синхронизируются с соответствующими тональными целями на интонограмме. В случае если тональный акцент находится за пределами просодически выделенного слога (например, упоминавшийся в предыдущем разделе сверхпоздний пик предъядерного H*), для указания на расположенный слева сильный слог может использоваться символ «<>». Второй слой разметки отводится для орфографической записи слов. Третий слой содержит еще один базовый элемент ToBI – указания на характер просодических швов, то есть, границ между составляющими метрической структуры. В соответствии с нотацией, предложенной в работе (Price et al. 1991), для указания на тип границы в классической версии ToBI используются следующие индексы: 0 - граница внутри слова, например, с клитикой; 1 - граница фонетического слова; 3 - граница синтагмы; 4 - граница фразы. В (Price et al. 1991) также предлагались индексы для границы групп фраз (5) и высказываний (6), однако создатели ToBI отказались от их использования на основании того, что эти границы в английском языке не могут маркироваться особыми просодическими средствами. Кроме этого, для английского языка остался невостребованным индекс 2, предназначенный для маркирования границ единицы большей, чем слово, но меньшей, чем синтагма (например, акцентной группы). Индекс 2 в итоге использовался для указания на границу между синтагмами, воспринимаемую разметчиком, но не сопровождающуюся фразовым акцентом (Beckman, Hirschberg, and Shattuck-Hufnagel 2005). Наконец, четвертый слой разметки ToBI может содержать указания на не обусловленные лингвистической структурой сбои в речи и различные комментарии разметчиков. Помимо четырех обязательных уровней разметки, создатели ToBI-нотаций для отдельных языков могут предлагать дополнительные уровни, отвечающие их потребностям: например, при необходимости может производиться сегментация на отдельные звуки, стопы и слоги, могут вводиться глоссы (Jun 2022, 162).

Система нотации ToBI, созданная на основе готового описания просодической фонологии американского английского, немедленно приобрела популярность, и уже в 1990-х гг. были созданы ее аналоги для немецкого (Grice et al. 1996), японского (Venditti 1997) и корейского (Jun 2000) языков, а также для других вариантов английского (Maуо et al. 1997). Плодом широкого распространения AM-подхода к изучению интонации стали два сборника *Prosodic Typology*, опубликованные под редакцией С.-А. Джун (2005, 2014)¹⁵ и содержащие фонологические описания более чем двадцати языков мира. В результате в настоящий момент термин ToBI принято использовать как родовой для всех систем AM-нотации, а разметка американского английского

¹⁵ Третий сборник серии, по состоянию на 2024 год, готовится к печати.

получила название МАЕ_ToVI (от англ. *Mainstream American English* – стандартный американский английский).

Что же касается русского языка, то к настоящему моменту были предприняты две попытки предложить ToVI-транскрипцию для его просодической системы. Первая из них была представлена в работах О. Йокоямы (Йокояма 2003; Yokoama 1990). Критикуя систему интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой, в своем «автосегментном очерке» исследовательница предложила двухъярусный (то есть, подобно АМ-модели содержащий только высокий и низкий тоны, обозначаемые кириллическими буквами В и Н) инвентарь глубинных фонологических единиц. Согласно этому предложению, в русской просодии представлены две битональные ядерные тонемы ВН и НВ, а также высокие и низкие фразовые и пограничные тонемы. Любопытно, что, несмотря на ссылки на статические уровневые репрезентации АМ-модели, О. Йокояма постулирует в качестве основных ядерных тонов русского языка именно «скользящие» тоны, то есть динамические единицы в стиле британской школы. В работе был также предложен «перевод системы ИК в автосегментную». В этом руководстве ИК-1 соответствует пара тоном НВ ВН («характерное для нейтральной интонации ядро»), а «ненейтральные» интонации остальных ИК попарно различаются фразовыми акцентами: ИК-2 и ИК-4 – это ВН, за которым следует Н- или В- соответственно, а ИК-3 и ИК-6 – это НВ, после которого идут фразовые тоны Н- или В-. Типичное автосегментное представление об интерполяции между разреженными тонами в модели О. Йокоямы отсутствует, большинство переходных движений между тонами имеют собственную абстрактную репрезентацию. Среди особенностей работы следует также отметить особое внимание к фразовой деклинации и предъядерным акцентам.

Другой проект «русской ToVI», получивший название ToRI (англ. *Transcription of Russian Intonation*; транскрипция русской интонации), связан с работами С. Оде 2000-х гг. (Ode 2005b; 2008a; 2008b; Оде 2007). По сути он представляет собой набор новых символов для записи анализа русской интонации, выполненного в диссертации исследовательницы (Ode 1989) в строгом соответствии с перцептивным подходом модели IPO (см. прямые указания на соответствия между нотациями в [Ode 2008a, 439]). Таким образом, система ToRI имеет скорее косвенное отношение к АМ-модели. В обновленной нотации, предложенной Оде, были выделены шесть базовых тональных акцентов (Н*L, Н*Н, Н*M, L*, НL*, L*N), маркирующих просодически выделенные слоги во фразе. В транскрипции они дополняются тремя символами для обозначения уровня тона в начале фразы (%Н, %М, %L) и двумя – в конце (L% и %; знак процента без буквенного символа используется в том случае, если высокий или средний уровень тона в конце фразы совпадает с уровнем последнего тонального акцента и интерпретируется как отсутствие тонального маркирования границы). Также в системе используются отдельные символы для повышенного пика и для условного обозначения двух контуров с повторяющимися одинаковыми тональными акцентами: «пиловидного» и «гармоничного». К достоинствам «компромиссного» предложения Оде следует отнести

то, что примеры использования разметки ToRI доступны для предметного обсуждения, поскольку размещены в виде электронного ресурса (Odé 2008b).

В заключение раздела вернемся к противопоставлению между «узкой» и «широкой» транскрипцией интонации и положением ToVI в этой дихотомии. На всем протяжении существования ToVI исследователи, работающие в рамках АМ-модели, стремились привлечь внимание к тому, что она представляет собой именно «широкую», фонологическую транскрипцию интонации и не является аналогом международного фонетического алфавита для просодии (Beckman, Hirschberg, and Shattuck-Hufnagel 2005; Jun 2022; Ladd 2008, 111-114; Pierrehumbert, 2000, 26). Неоднократно отмечалось, что ToVI не предназначена для первичного описания малоизученных языков, а автоматический перевод движений кривой ЧОТ в нотацию ToVI невозможен по определению, так же как невозможна, например, фонемная транскрипция звучащей речи без обращения к дифференциальным признакам, определяющим фонологические категории сегментов. В связи с этим все чаще звучат предложения по созданию дополнительного фонетического способа транскрипции интонации с учетом основных принципов АМ-анализа (Hualde and Prieto 2016), который бы при этом позволял исследователям работать с корпусами звучащих текстов на малоизученных языках, проводить типологические сравнения, а также эффективно описывать просодию в речи на неродном языке.

1.3 Теоретические и экспериментальные исследования русской интонации

Поскольку объектом исследования настоящей работы является интонация в современном русском литературном языке, в заключительной секции теоретической главы мы предложим краткий обзор основных направлений лингвистических исследований в этой области. Обобщая данные об исследованиях русской интонации с 1960-х до 2010-х гг. включительно¹⁶, можно разделить их на две группы: в разделе 1.3.1 речь пойдет об описаниях, созданных независимо от АМ-модели, а в разделе 1.3.2 будут представлены экспериментальные исследования отдельных элементов русской просодической фонологии, авторы которых придерживались основных теоретических положений АМ-модели.

1.3.1 Независимые от АМ-модели описания

Наиболее влиятельным направлением изучения интонации в русистике уже на протяжении более чем полувека является модель интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой. Краткое описание ее теоретических основ и типологической связи с холистическими моделями британских интонологов было представлено выше в разделе 1.1.2. Созданная изначально с дидактическими це-

¹⁶ Читатель, интересующийся самыми ранними исследованиями русской просодии, созданными до 1960-х гг., может ознакомиться с их обзором в работе Н. Д. Светозаровой (1982, 83–87). Мы будем обращаться к этим исследованиям только для представления конкретных данных, касающихся частного вопроса (см. раздел 2.3).

лями модель ИК в 1970-х гг. заполнила до этого пустовавшую нишу формального описания русской просодии, результатом чего стало ее включение в первый том академической «Русской грамматики» в виде раздела «Интонация» (Брызгунова 1980а). Вариант модели Е. А. Брызгуновой, сформировавшийся к концу 1970-х гг., представляет собой закрытый список из семи конструкций, выделенных на основании критерия «несовместимости смысловых значений в одном контексте», применявшегося к «минимальным парам» идентичных по сегментному составу высказываний. Читателю, не знакомому с классификацией ИК, мы предлагаем ознакомиться с таблицами, приведенными Е. А. Брызгуновой в первом томе «Русской грамматики» (1980а, 108), а также размещенными на сайте ресурса «Русская фонетика» (Кедрова и др., 2002). Последний источник также содержит аудиоиллюстрации, озвученные создательницей модели. В рамках настоящей работы мы ограничимся коротким описанием основных свойств семи ИК в Табл. 1, основанной на все тех же источниках.

Таблица 1 – Основные сведения об интонационных конструкциях; краткое обобщение данных работы (Брызгунова 1980а).

Номер ИК	Схематическое изображение	Особые характеристики	Контексты употребления
ИК-1	--- \ ----		Завершенность при отсутствии смыслового противопоставления; название, заглавие
ИК-2	--- \ ----	Усиление словесного ударения в центре ИК («отчетливость тембра» ударного гласного)	Частный вопрос; разделительный вопрос; смысловое выделение и противопоставление; обращение, приветствие, восклицание; требование, приказание
ИК-3	--- / ----		Общий вопрос; повторение вопроса; незавершенность; просьба, в отличие от требования
ИК-4	--- / ----		Вопрос, связанный сопоставительными отношениями с предыдущей фразой; серия вопросов; незавершенность с оттенком официальности; ответ с вызовом
ИК-5	- / --- \ _	Имеет два центра	Восклицание, выражающее высокую степень признака; выражение нетерпения и досады в вопросах
ИК-6	--- / ----	Более высокий уровень тона по сравнению с ИК-4	Незавершенность с оттенком приднятости и торжественности; восклицание, выражающее высокую степень признака; восклицание с целью привлечь внимание собеседника; уточняющий переспрос
ИК-7	--- , ----	В отличие от ИК-3, гласный центра произносится с гортанной смычкой	Восклицание, сигнализирующее невозможность или отрицание; усиление качественной характеристики

Вопрос о просодическом членении речи решается в модели Е. А. Брызгуновой следующим образом: как правило, одной ИК (то есть, одному центру ИК и, следовательно, одному просодически выделенному слову) соответствует одна синтагма; границы между синтагмами обычно (но не всегда) маркируются паузой. Исключение составляет «шляпный» контур ИК-5, содержащий два центра, не разделенные просодическим швом. Также в модели не приводятся конкретные данные о специфике фонетической реализации отдельных ИК; как правило, приводятся только указания на общее направление движений тона в предцентре, центре и постцентре. В модели отсутствует обсуждение пределов поверхностной вариативности и принципов взаимодействия просодии с сегментным материалом (отмечается, что пред- и постцентр могут либо присутствовать, либо отсутствовать, однако более подробно стратегии решения конфликтов между мелодией и текстом не обсуждаются). Любое наблюдаемое на интонограмме отклонение от предполагаемой реализации ИК в модели Е. А. Брызгуновой может быть отнесено под определение ее «модальной реализации». Это становится особенно заметно в работе (Брызгунова 1984), где автор при разметке корпуса дикторской и актерской речи отказывается от строгих ограничений на модификацию конструкций: эмоциональные реализации допускают «усиление словесного удара» (определяемое автором как «увеличение отчетливости тембра ударного гласного») и модификации направления движения тона в центре ИК (Брызгунова 1984, 6-7) – то есть, изменение именно тех акустических параметров, которые в (Брызгунова 1980а, 103) рассматривались в качестве базовых смысло-различительных признаков ИК.

В связи с тем, что модель ИК не выдвигала конкретных гипотез в отношении фонетической реализации своих абстрактных единиц, она не получила полноценного развития в работах «лабораторной», экспериментально-фонетической направленности. С другой стороны, она широко используется в качестве базового инструментария в работах по русскому синтаксису и прагматике и их связи с интонацией. Среди них в первую очередь следует выделить две монографии Т. Е. Янко (2001, 2008). В целом придерживаясь системы Е. А. Брызгуновой, исследовательница использует модифицированные термины «акцент типа ИК-1», «акцент типа ИК-2» и др. (Янко 2001, 25; 2008, 29-33). За счет этого допускается не предусмотренная Е. А. Брызгуновой многоакцентность в пределах одной синтагмы – не только в случае «двухцентральной» ИК-5, но и в случаях, которые автор интерпретирует как комбинации акцентов типа ИК-1 + ИК-3, ИК-1 + ИК-3, ИК-6 + ИК-1 (Янко 2001, 89).

В работах Т. Е. Янко выделяются два основных акцента повествовательного высказывания (ИК-1 и ИК-3) и ряд производных; среди последних, наряду с ИК-2 и ИК-6, выделяются особые маркирующие контраст ИК-1-К и ИК-3-К (Янко 2001, 118). Автор анализирует коммуникативную структуру высказываний в русском языке, исходя из того, что акценты являются планом выражения основных ее составляющих – темы и ремы (или, в терминах исследовательницы, неконституирующего и конституирующего

компонентов высказывания) – а также контраста, эмфазы и верификации (модифицирующие компоненты). Например, в нейтральном сообщении неконституирующий компонент (тема) маркируется восходящим «акцентом типа ИК-3», а конституирующий (рема) – нисходящим «ИК-1». Напротив, в общем вопросе функции акцентов меняются местами: тема маркируется нисходящим акцентом, а рема – восходящим. Таким образом, стандартное интонационное оформление этих типов фраз может анализироваться как совокупность следующих друг за другом акцента типа ИК-3 и акцента типа ИК-1 (и наоборот).

Помимо «системных» иллокутивных значений, Т. Е. Янко выделяет уникальные, лингвоспецифические значения, которые маркируются иными типами акцентов. Например, в русском языке примером такого значения является маркируемое ИК-4 значение «рассказа по порядку»: «Я тогда снял пиджак ↘, включил телевизор ↗...» (Янко 2008, 130, 167). Стремление установить прямые соответствия между конкретными акцентами и соответствующими им коммуникативными категориями (элементами информационной структуры высказывания) сближает работы Т. Е. Янко с упоминавшимися выше представлениями авторов классической версии АМ-модели о композициональности прагматических значений, выражаемых совокупностью вершинных и пограничных тонов (Pierrehumbert and Hirschberg 1990). Особое внимание в работах исследовательницы уделяется факторам, определяющим выбор акцентоносителя в именных и глагольных группах (об основных работах в области акцентуации см. также раздел 3.2.4).

Возвращаясь к вопросу об ограниченной применимости модели Е. А. Брызгуновой в экспериментально-фонетических исследованиях, отметим, что в настоящий момент в открытом доступе отсутствуют крупные русскоязычные корпуса, размеченные по типам ИК (Dobrushina and Sokur 2022). Также не проводились исследования, направленные на проверку потенциальной согласованности между разметчиками, использующими эту модель. Эксперимент такого рода, ставивший целью изучить восприятие разных фонетических реализаций, относящихся в модели Е. А. Брызгуновой к одной ИК, был описан С. Оде (1992); он продемонстрировал существенные расхождения между разметкой конструкций в опубликованных работах Е. А. Брызгуновой и их категоризацией при восприятии на слух фонетистами, знакомыми с моделью.

Недостаточность инструментария ИК для непосредственной работы с корпусами звучащих текстов подталкивала некоторых исследователей русской просодии к созданию альтернативных классификаций тональных единиц. Так, в работе Н. Б. Вольской и П. А. Скредина (2009) было предложено выделить тринадцать групп контуров, объединенных определенной функцией (например, группа моделей 01 – завершенность, 02 – логическое ударение, 03 – частный вопрос и проч.), и шесть типов пауз. Эта система просодической аннотации, задуманная как пересмотр и расширение модели ИК (Volskaia and Kachkovskaia 2016), используется в корпусах, создающихся Санкт-Петербургскими фонетистами (Kachkovskaia et al. 2016; 2020; Kochetkova et

al. 2021; Skrelin et al. 2010) и в экспериментальных работах, основанных на данных этих ресурсов. Тематика исследований, созданных на материале петербургских корпусов, широка: помимо собственно вопросов о реализации тональных акцентов и просодическом членении в речи на русском языке (Kachkovskaia, Mamushina, and Portnova 2020; Kocharov, Kachkovskaia, and Skrelin 2019), в них затрагиваются социальные и стилистические факторы, влияющие на просодию (Kachkovskaia et al. 2022).

Другое развитие модели ИК, содержащее оригинальную интерпретацию связи между тоном и словесным ударением, представлено в работах Л. Л. Касаткина (2005; 2007). В них предлагается последовательно разделять место реализации тонального акцента и динамического акцента (последним термином автор называет словесное ударение); таким образом особое внимание обращается на тональные цели за пределами ударного слога – типологически распространенное явление, обсуждавшееся выше в разделе 1.2.2. Автор предлагает использовать для описания русской просодии инвентарь тональных контуров (ТК), объединяя их в группы на основе общей формы кривой ЧОТ. Например, повышающие тон к концу фразы контуры ИК-6 и ИК-4 из модели Е. А. Брызгуновой рассматриваются как варианты одного и того же контура ТК-2, где в первом случае (ТК-2.1) тональный акцент реализуется на ударном слоге, а во втором (ТК-2.2) – сдвигается вправо на заударный слог. Кроме того, в качестве особых контуров Л. Л. Касаткин рассматривает те конфигурации, которые в системе Е. А. Брызгуновой анализировались как соседство двух синтагм, не разделенных паузой, каждая из которых оформлена своей ИК. В качестве примера можно привести «анти-шляпный» контур: «А Воло́дья прие́дет?». В результате автор предлагает «зеркальную» систему из шести типов контуров, в которых нисходящему ТК-1 соответствует восходящий ТК-2, восходяще-нисходящему ТК-3 – нисходяще-восходящий ТК-4, а «шляпе» ТК-5 – «анти-шляпа» ТК-6.

В качестве еще одного теоретического направления интонологических исследований в русистике можно выделить работы С. Оде. Модель исследовательницы, основанная на перцептивных принципах IPO, предполагала не только установление минимального и достаточного инвентаря тональных единиц, но и основанную на принципах перцептивной эквивалентности экспериментальную проверку его состава. Такой подход представляет собой плодотворную почву для эмпирических исследований. Примеры экспериментов описаны в работах С. Оде 2000-х гг. Так, в исследовании (Ode 2005a) рассматривались сценарии усечения падения тона в тональных конфигурациях, маркирующих общий вопрос и незавершенность («Было тепло?» и «Было тепло... [и приятно]») – тональных акцентах, обозначаемых в нотации $ToRI LH^*L$ и LH^* соответственно. Перцептивный эксперимент показал, что при отсутствии заударных слогов на просодически выделенном последнем слове фразы усечение нисходящего движения тона не приводит к систематической нейтрализации противопоставления, которое, вероятно, сохраняется за счет иных просодических средств (высоты тона и длительности сегментов). Более поздняя работа (Ode 2008a) анализирует восприятие

трех русских тональных акцентов, выделенных в ToRI: LH*, LH*M¹⁷ и LH*L – каждый из которых, согласно IPO-анализу исследовательницы, может маркировать незавершенность. Участники эксперимента, лингвисты-фонетисты, должны были прослушать отрывки фраз, содержавшие реализации указанных тональных акцентов, а затем самостоятельно придумать для них контекст и произнести вслух фразы собственного сочинения. Эксперимент показал, что в то время как LH*L ToRI в подавляющем большинстве случаев был интерпретирован информантами как показатель общего вопроса, интерпретации LH* и LH*M в существенной степени пересекались, поскольку оба акцента в равной степени воспринимались как маркеры незавершенности или последнего элемента списка при перечислении. На основании этих данных С. Оде высказывает предположение, что различия между ними могут маркировать более тонкие различия между категориями – например, разные виды незавершенности.

Особое место в истории изучения русской просодии занимают труды С. В. Кодзасова. В отличие от ранее процитированных в этом разделе описаний русской интонации, в работах, объединенных в монографии (Кодзасов 2009), принципиально не ставится цель определить минимальное и достаточное количество абстрактных тональных единиц. Напротив, работы исследователя были направлены на описание широкого спектра «непропозициональных смыслов» (элементов информационной структуры, иллокутивных значений, эпистемических оценок, риторических установок и др.), которые могут выражаться не только высотой и таймингом ЧОТ, но и другими средствами просодии (фонацией, интенсивностью и ритмикой), а также гортанной и надгортанной артикуляцией (например, более переднее или более заднее положение артикуляторов, гортанная смычка и проч.).

Оставляя в стороне вопрос о границе между лингвистическими и паралингвистическими функциями интонации (нередко, однако, считающийся центральным в интонологии; см. подробнее [Gussenhoven 2004, 49-70; Ladd 2008, 34-42]), С. В. Кодзасов отталкивается от представления о «символической природе» и «функциональной мотивированности» просодии – то есть, о наличии прямых связей между означающим (просодическими средствами) и означаемым (абстрактными значениями, такими как утверждение, вопросительность, [не]завершенность, удивление, отрицание, уступка и др.). Предложенная модель была названа ее автором комбинаторной – то есть, предполагающей многочисленные и свободные комбинации средств из разных «слоев» просодии. В качестве примера частотной комбинации можно привести сочетание восходящего тона, высокого регистра и придыхательной фонации. Средства могут использоваться локально (на отдельном слоге, обычно ударном) или интегрально (на группе слов). В своих работах С. В. Кодзасов приводит многочисленные примеры взаимодействия интонацион-

¹⁷ Символ «М» используется в модели С. Оде, а также в некоторых ToVI-аннотациях других языков для указания на средний уровень тона.

ных и фонационных средств, существенно расширяя представления о функциональных возможностях просодии, присущие традиционным основанным на модели ИК описаниям.

Для аннотации текстов С. В. Кодзасовым была предложена система символов (Кодзасов 2008, 487-88), которая нашла применение в неопубликованном корпусе РИНКО (Кривнова, Захаров, и Кобозева 2021), а также, в переработанном виде, в корпусе «Рассказы о сновидениях». Корпус «Рассказы о сновидениях» содержит 129 устных рассказов детей и подростков, примерно у половины из которых были диагностированы невротические расстройства. Проведенные на материале этих монологических текстов исследования были опубликованы в коллективной монографии под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской (2009). Центральным понятием, используемым авторами корпуса, является элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) – единица членения речи, частично соответствующая синтагме. С точки зрения просодии ЭДЕ характеризуется единым контуром ЧОТ, наличием «акцентного центра», темпового и громкостного «паттерна» и пограничных пауз по краям (Кибрик и Подлесская 2009, 57-60). Основной областью исследования авторов является семантика и прагматика дискурса, в связи с этим разметка движений ЧОТ в «Рассказах о сновидениях» минимальна: она ограничивается указанием на направления движения тона в ударных слогах и не учитывает тайминг и регистр. Тем не менее, доступность опубликованной версии корпуса позволяет использовать его для целей интонологии; в качестве примеров таких исследований можно привести работы (Kibrik et al. 2020; Коротаев 2018; Подлесская 2014; 2018). Работа над созданием новых аналогичных корпусов и расширением существующих в настоящий момент продолжается (Коротаев, Литвиненко, и Подлесская 2023).

В заключение отметим, что корпус литературы, посвященной русской интонации, весьма обширен и все процитированные выше русскоязычные исследования содержат ценные наблюдения. При дальнейшем изложении их сведения будут использоваться для интерпретации данных о русских частных вопросах. Однако прежде чем перейти к анализу языкового материала, следует обобщить исследования на материале русского языка, созданные в рамках АМ-модели – теоретической концепции, с позиций которой в настоящей книге будет осуществляться анализ языкового материала. Терминология автосегментной модели будет далее использоваться без пояснений, поэтому перед чтением секций 1.3.2 и 1.3.3 читателю рекомендуется ознакомиться с содержанием раздела 1.2.

1.3.2 АМ-анализ русской интонации. Тональные акценты

Несмотря на то, что АМ-модель была создана в 1980-х гг. и получила широкое распространение уже в 1990-е, первые автосегментные исследования на материале русского языка были опубликованы только в начале XXI века. Исключение составляет ранняя версия анализа О. Йокоямы (1990; обновленная версия на русском языке была опубликована в 2003 г.), которая, впрочем, во

многих отношениях принимает только внешние атрибуты АМ-модели. Так, в этой работе для русского языка постулируются два «контурных» акцента НН и ЛН, которые, как правило, ассоциированы почти с каждым словом фразы. Судя по всему, такая плотность тональных акцентов, в целом не характерная для разговорной русской речи, связана со стилистической окраской выбранных О. Йокоямой текстов: в основном в работе анализируется дикторская речь и художественное чтение. Два ядерных акцента сочетаются с фразовыми и пограничными тонами (хотя собственно вопрос о необходимости включения фразовых тонов в описание русской интонации в работе не обсуждается). Что самое важное, в работе отсутствуют экспериментальные данные, а проанализированный языковой материал ограничивается небольшим набором примеров. В целом анализ О. Йокоямы скорее противоречит большинству базовых установок АМ-модели, не допускающих анализ абстрактного уровня и введение ToBI-аннотации для того или иного языка без тщательного учета фонетических данных, в частности сведений о тайминге тональных целей.

Возвращаясь к работам экспериментально-фонетической направленности, отметим, что в 2000-х гг. объектом изучения сразу нескольких почти одновременных исследований стали русские фразы, в которых контур ЧОТ в районе просодически выделенного слога имеет восходяще-нисходящую форму. Несомненно, такое внимание именно к этим типам фраз (утверждениям, императивам/восклицаниям и общим вопросам, оформленным ИК-1/2/3 в модели Е. А. Брызгуновой) было связано с популярностью в АМ-модели гипотезы о постоянстве тайминга тональных целей. В частности, возрастающим вниманием к таймингу характеризуются работы В. Макаровой. В ранних экспериментах исследовательницы (Makarova 1999, 2001) изучалось восприятие русскими и японцами искусственно синтезированных двусложных высказываний с подъемом и падением тона. Было показано, что на интерпретацию по типу высказывания фраз, содержащих одно двусложное слово *táta* с наложенным на него синтезированным восходяще-нисходящим контуром, могут влиять манипуляции высотой пика, диапазоном изменения ЧОТ и длительностью гласных. В обоих языках повышение пика увеличивало вероятность интерпретации фразы как восклицательной, а не утвердительной; кроме того, важную роль играла форма восходящего движения тона на первом слоге (но не форма падения ЧОТ на последнем слоге). Что же касается различий между группами испытуемых, эксперимент показал, что японцы и русскоязычные одинаково воспринимали «повествовательные» контуры, но обнаруживали различия при выборе между восклицаниями и общими вопросами. Последнее объясняется в работах относительной редкостью японского «аналога» ИК-3: восходяще-нисходящий контур является стандартным способом оформления общего вопроса в русском языке, но находится на периферии в японском, где вопрос не только оформляется восходящим движением тона, но и дополнительно маркируется специальной частицей (Makarova 2001, 151).

В (Makarova 2007a) исследовательница пришла к выводу о том, что именно тайминг пика (а не его высота или крутизна движения ЧОТ) является ключом к интерпретации типа высказывания по параметру вопросительность/

невопросительность в русском языке (ср. [Odé 1989]). На материале трехсложных слов с ударением на втором слоге, содержащих сонорные согласные (*малина, манера, лимоны* и т. п.), были проведены два эксперимента. Первый эксперимент был направлен на элицитацию трех типов контуров в произношении носителей русского языка и продемонстрировал, что именно более поздний тайминг пика (как в абсолютных, так и в относительных значениях) отделяет в восприятии общие вопросы от повествовательных и восклицательных предложений. При этом были подтверждены данные предыдущего исследования о том, что граница между повествовательными предложениями, с одной стороны, и вопросительными/восклицательными, с другой, маркируется высотой пика. Таким образом, в русских восходяще-нисходящих контурах было обнаружено своего рода «разделение труда» между двумя акустическими параметрами: высотой и таймингом пика ЧОТ. Перцептивный эксперимент, описанный в той же статье, подтвердил значимый эффект манипуляции таймингом и высотой тона на восприятие типа фразы носителями русского языка; был также обнаружен значимый эффект сегментного состава на интерпретацию типа высказывания: она различалась в зависимости от того, какая фраза использовалась в качестве базы для манипуляции просодией – повествовательная или вопросительная).

В работе (Макарова 2007а) автор избегала прямой фонологической интерпретации полученных данных. В духе АМ-модели была отмечена необходимость привлечения экспериментальных данных о поведении тональных целей при манипуляции сегментным материалом и местом ассоциации ядерного акцента. Отдельные идеи относительно АМ-анализа русских восходяще-нисходящих контуров, однако, представлены в работе (Макарова 2007б), где для ядерного тона общего вопроса допускается только битональная интерпретация (L^*+H или $L+H^*$), в то время как для утверждений и восклицаний предлагается выбрать между монотональным акцентом H^* и битональным $L+H^*$. Во всех случаях постулируется пограничный акцент $L\%$, а вопрос о роли фразовых тонов не обсуждается. Основной же проблемой при АМ-анализе данных, представленных в работах В. Макаровой, является интерпретация противопоставления между утверждением и восклицанием, которая акустически выражается разной высотой тона при одинаковом тайминге. В связи с этим исследовательница ставит под вопрос достаточность двух уровней тона для описания русской просодии и обсуждает необходимость введения тоны среднего уровня M в инвентарь абстрактных единиц русского языка.

Другой эксперимент, посвященный восприятию ядерного тонального акцента общего вопроса в русском языке, представлен в статье Т. Ратке (2006). В качестве стимулов в работе использовались не однословные высказывания, как в экспериментах В. Макаровой, а более протяженная фраза «*Ее зовут Елена(?)*». Манипуляции контуром ЧОТ проводились по трем параметрам: 1) высота пика (высокий/низкий); 2) крутизна подъема ЧОТ (крутой/плавный); 3) тайминг пика (11 значений с шагом в 30 мс). Серия экспериментов по идентификации и дискриминации континуума стимулов показала, что испытуемые демонстрировали отчетливые признаки категориального восприя-

тия контраста между утверждением и вопросом (то есть, в своих суждениях производили резкое переключение между категориями на определенном этапе градуальной манипуляции акустическими параметрами). Наиболее отчетливо категориальность противопоставления проявлялась в тех случаях, когда подъем ЧОТ на ударном слоге характеризовался большой крутизной. При этом высота пика не играла существенной роли при категоризации. Влияние крутизны движений тона на восприятие категорий, маркируемых интонацией, на первый взгляд может показаться проблематичным для АМ-модели. Однако стоит обратить внимание на то, что манипуляция крутизной подъема в стимулах эксперимента достигалась за счет передвижения точки начала подъема – низкой тональной цели на одном из предударных слогов. В связи с этим предполагаемый эффект крутизны тона, обнаруженный в работе Т. Ратке (2006), может быть интерпретирован как результат влияния тайминга фонетической реализации L^* ; в таком случае противоречия с АМ-моделью устраняются.

Исследование русских восходящих контуров было продолжено в работе (Rathcke 2013). Как и в упоминавшемся в предыдущем разделе исследовании С. Оде (2005a), в статье была проанализирована трункация пограничных тонов после восходящего тонального акцента при отсутствии заударных слогов. Т. Ратке анализирует канонический контур русского общего вопроса (называемый ИК-3 в модели Е. А. Брызгуновой) как сочетание ядерного акцента L^*+H с пограничным тоном $L\%$ ¹⁸, а контур последнего элемента при перечислении (ИК-6) – как сочетание того же L^*+H с пограничным тоном $H\%$. В материалах эксперимента обе тональные конфигурации были записаны на слове с сегментным составом, максимально способствующим трункации – имени собственном *Рашив*. Далее контуры подвергались манипуляции по трем акустическим параметрам: 1) высоте пика; 2) высоте низкой тональной цели; 3) таймингу пика (в конце или в середине ударного гласного). В ходе перцептивного эксперимента участникам предлагалось оценить, насколько услышанный ими стимул соответствует контексту перечисления («*Это Рашив, Светлана и Антон*») или общего вопроса (*Это Рашив? Ты случайно не знаешь?*). Исследование показало, что носители русского языка оценивали большинство стимулов как подходящие для обоих контекстов. Таким образом, полученные данные поддержали гипотезу о нейтрализации двух ядерных тональных конфигураций при трункации. Тем не менее, как и в работе Оде (2005), наблюдаемая нейтрализация оказалась неполной: испытуемые были скорее склонны интерпретировать как вопросы стимулы с высокими значениями тональных целей L и H , а также (вопреки ожиданиям) с более ранним таймингом H . В целом эксперимент Т. Ратке убедительно демонстрирует общность между русскими тональными акцентами общего вопроса и перечисления. Добавим, что в исследовании (Rathcke 2013) также было представлено

¹⁸ Вопрос о необходимости постулирования фразовых тонов в русском в работах Т. Ратке признается открытым, в связи с этим H - и L - не используются (Rathcke 2013, 173; 2017, 198).

сравнение сценариев трункации в русских тональных конфигурациях, содержащих L^*+H , с аналогичными немецкими контурами. Результаты показали, что в немецком языке усеченные L^*+H (L%) и L^*+H (H%) нейтрализуются в существенно меньшей степени по сравнению с русскими аналогами.

Впоследствии в работе (Rathcke 2017) были проанализированы сценарии усечения пограничных тонов не только в восходящих, но и в нисходящих тональных конфигурациях. Русский нисходящий тональный акцент, маркирующий контраст и утверждение с эмфазой (соответствующий центру ИК-2 Е. А. Брызгуновой), анализируется в статье как H^*+L или H^* , а для нейтрального утверждения (ИК-1) предлагается использовать нотацию $H+L^*$ (Rathcke 2017, 198). Эксперимент, в рамках которого носителям русского языка предлагалось произносить одни и те же фразы с интонацией вопроса, контраста или утверждения, позволил обнаружить случаи как усечения пограничных тонов, так и их компрессии. Например, было показано, что при отсутствии звонких согласных после ударного гласного тональная конфигурация $H^*(+L)$ L%, соответствующая ИК-2, реализуется с «недострелом» до минимального уровня ЧОТ и сдвигом влево высокой тональной цели из-за близости правой границы фразы. Напротив, фонетическая реализация конфигурации $H+L^*$ L%, маркирующей нейтральное утверждение (ИК-1), не менялась при изменении сегментного состава (за исключением некоторого продвижения влево низкой тональной цели, также из-за близости границы фразы). Эксперимент подтвердил имеющиеся в литературе перцептивные данные о радикальном характере трункации в контуре русского общего вопроса: носители русского языка избавляются от каких бы то ни было следов L% даже при наличии сонорных согласных в коде ударного слога. Таким образом, русский язык (как, впрочем, и немецкий, данные о котором также приводятся в статье) нельзя отнести к числу языков, склонных исключительно к трункации или, напротив, компрессии. Фонетические данные показывают, что выбор стратегии разрешения конфликта между мелодией и текстом определяется в первую очередь конкретным типом тонального акцента. Кроме этого, усечение и сжатие тональных целей могут происходить одновременно.

В качестве своего рода обобщения с позиций АМ-модели данных о «восходяще-нисходящих» русских тональных конфигурациях можно рассматривать работы Й. Игараси 2000-х гг. Уже в ранних статьях исследователя был выдвинут ряд предложений, опередивших некоторые результаты экспериментальных работ других интонологов. Например, еще в работе (Игараси 2002) предлагалось рассматривать нейтрализацию ИК-3 и ИК-6 при отсутствии постцентра как трункацию фразового тона L- после одного и того же восходящего тонального акцента $L+H^*$. В работах (Игараси 2004; Igarashi 2006) было продолжено обсуждение вопроса об инвентаре русских ядерных тональных акцентов. Отправной точкой для анализа в них выступает видимая схожесть контура общего и частного вопроса в близких по сегментному составу парах типа «Его наняла Ламанова?» и «Кого наняла Ламанова?». На основе измерений тайминга и высоты пика, а также наблюдений о наличии или отсутствии низкой тональной цели на предупредном слоге Й. Игараси интерпретирует противо-

поставление между тональными акцентами общего и частного вопроса как различие между битональным $L+H^{*19}$ и монотональным H^* , соответственно. Альтернативный анализ H^*+L для акцента, маркирующего частный вопрос, на этом этапе был признан менее предпочтительным, поскольку в данных Й. Игараси не было обнаружено следов низкой тональной цели, за исключением «локтя», предположительно соответствующего фразовому акценту $L-$. Таким образом, в (Igarashi 2006) предлагается считать, что интонационное оформление двух типов русского вопроса на абстрактном фонологическом уровне различается по количеству/качеству/порядку следования тонов в ядерном тональном акценте, а на поверхностном фонетическом уровне эти неодинаковые конфигурации реализуются разным таймингом тональных целей.

Впоследствии в статье (Igarashi 2009) базовый анализ тональных акцентов общего и частного вопроса был дополнен данными об интонационном маркировании фокуса, представленными в работе (Meyer and Mleinek 2006). Эксперимент продемонстрировал недоступность просодических средств для выражения фокуса в русском общем вопросе и, напротив, активное их использование для маркирования нейтрального и контрастного фокуса в повествовательных высказываниях. С учетом этих данных, а также принимая во внимание анализ С. Оде (Оде 1992; Odé 1989) и собственный эксперимент по имитации искусственного континуума различающихся по таймингу нисходящих тональных акцентов (Igarashi 2005), Й. Игараси предлагает выделять в русском языке два тональных акцента $H+L^*$ и H^*+L , маркирующих различные типы фокуса (второй из них также используется в частном вопросе). Эти тональные акценты в целом соответствуют центрам ИК-1 и ИК-2 системы Е. А. Брызгуновой.

Представленный выше обзор демонстрирует, что фонетическая реализация контуров, соответствующих ИК-2 и ИК-3/6 модели Е. А. Брызгуновой, к настоящему моменту достаточно хорошо изучена методами экспериментальной фонетики, причем как с точки зрения порождения речи, так и с точки зрения ее восприятия. Можно также заключить, что в литературе, с некоторыми оговорками, достигнут консенсус об их фонологической интерпретации с позиций АМ-модели. В связи с этим появляются первые работы, посвященные реализации этих тональных конфигураций не только в стандартном, но и в унаследованном (эритажном) русском языке (Zerbian, Zuban, and Klotz 2024; Zuban, Rathcke, and Zerbian 2023), а также в интерферированной речи на русском как иностранном (Comstock 2018; Дурягин 2022а).

¹⁹ Автор, однако, допускает возможность анализа тонального акцента общего вопроса как L^*+H и, в сущности, признает произвольность выбора «звездного» тона в данном случае. Затруднительность такого выбора демонстрируют и диалектные данные, представленные в работе (Князев 2024). Обычно в качестве «звездного» выбирается тон, имеющий более стабильный тайминг в рамках просодически выделенного слова. Поскольку в русских диалектах тайминг L и H общего вопроса варьируется в очень широких пределах, С. В. Князев предлагает общую для СРЛЯ и диалектов трактовку этого тонального акцента как $[L+H]^*$, т.е., «восходящий тон на всем протяжении ударного слога словоформы-акцентоносителя».

Напротив, наименее изученной среди базовых русских тональных единиц является ядерная конфигурация, соответствующая ИК-4 модели Е. А. Брызгуновой. Единственным экспериментальным исследованием, специально посвященным этому нисходяще-восходящему контуру, является работа (Князев и Савельева 2021). В ней были проанализированы произнесения фраз, оформленных ИК-4, в типичных контекстах (сопоставительный вопрос с эллипсисом и частный вопрос, обычно оформляемые инициальной частицей *a*; «анкетные» вопросы и проч.). Была проведена манипуляция количеством слогов, следующих после слога – носителя ядерного тонального акцента. Авторы работы обнаружили высокую вариативность формы кривой ЧОТ на заударной части: в данных присутствовали не только примеры постепенного повышения тона к концу фразы, отмеченные также в анализе Е. А. Брызгуновой (1977: 40), но и иные движения ЧОТ: ступенчатое повышение; повышение, превращающееся в плато; точечное повышение на последнем слоге фразы. На основании этих данных авторы пришли к выводу о том, что наблюдаемое разнообразие отражает различные фонетические реализации одного и того же глубинного высокого пограничного тона $H\%$. Ядерный же акцент предлагается анализировать на абстрактном уровне как монотональный L^* . Аналогичная АМ-интерпретация этой тональной конфигурации представлена в работе (Дурягин 2022б), объектом которой стало использование ИК-4 в сопоставительных вопросах и в близких по сегментному составу контекстах перечисления в медленном темпе речи. Проведенный эксперимент показал, что низкая тональная цель центра ИК-4 последовательно отличается более поздним таймингом от тонального минимума в центре ИК-3/6 (L^*+N). Таким образом, в обеих работах (Дурягин 2022б; Князев и Савельева 2021; ср. также Kachkovskaia, Mamushina, and Portnova 2020) ядерная конфигурация, соответствующая ИК-4, анализируется как $L^* N\%$ (с возможностью, при необходимости, включения в описание фразового тона H - или L -), а ранняя высокая тональная цель ИК-4, обычно ассоциированная с одним из предупредительных слогов, интерпретируется как фонетическая реализация факультативного предъядерного акцента (H^* либо $L+H^*$).

В целом можно заключить, что актуальные АМ-исследования русской интонации, обсуждая минимальный базовый набор тональных акцентов СРЯ, в существенной степени подтверждают данные Е. А. Брызгуновой: объединив экспериментальные данные об отдельных элементах системы, мы так или иначе получаем набор из трех – четырех ядерных тональных акцентов: $H+L^*$, H^*+L , L^*+N и L^* . Реже предлагается дополнить их тональными акцентами, не имеющими прямых соответствий в модели ИК, например, H^*M , как в работах С. Оде, или H^{*20} . В то же время практически неизученным остается вопрос о предъядерных акцентах: в то время как необходимость их использования

²⁰ Предложения о введении в описание русской просодии монотонального H^* для контекстов миративного фокуса см. в (Duryagin 2023, 1565-66); ср. примеры маркирования «оттенков удивления» в (Кодзасов 2009, 18).

для адекватного описания абстрактного уровня просодии подчеркивается в АМ-исследованиях, эмпирические данные об их инвентаре и функциях к настоящему моменту отсутствуют в литературе.

1.3.3 АМ-анализ русской интонации. Пограничные тоны и просодические швы

Неотъемлемой частью АМ-описания просодии конкретного языка является указание на границы между уровнями просодической иерархии, а также между тонами, ассоциированными с этими границами. Напомним, в классической АМ-модели тоны, ассоциированные с границей интонационной фразы, носят название пограничных и обозначаются символом %, а тоны, ассоциированные с границей синтагмы, называются фразовыми и обозначаются символом «минус». Правые пограничные тоны постулируются во всех описаниях языков мира, и исследования русской интонации не являются исключением. L% и H% так или иначе используются во всех работах, процитированных выше в разделе 1.3.2, и отражают уровень тона, достигаемый на последнем слоге фразы (низкий в тональных конфигурациях, соответствующих ИК-1, ИК-2 и ИК-3; высокий – в ИК-4 и ИК-6).

Что же касается левых пограничных тонов, конкретные эмпирические данные, подтверждающие необходимость их введения в фонологическое описание интонации СРЛЯ в АМ-литературе, немногочисленны. Исключением является транскрипция *ToRI C. Оде* (2008a; 2008a), в которой для указания на ЧОТ в начале фразы используются три уровня. В настоящей работе мы будем придерживаться той точки зрения, что по крайней мере для фонологического описания русских частных вопросов введение левых пограничных тонов не требуется, а во всех анализируемых примерах, в которых фразы начинаются на высоком уровне ЧОТ (в основном это касается вопросов, оформленных H* L* H-N%), имеет место трункация используемого в русском языке в начале фразы по умолчанию среднего уровня, обусловленная особенностями сегментной структуры слов в начале фразы.

Дискуссионным в автосегментных исследованиях остается вопрос о необходимости включения в описание русской интонации наравне с пограничными тонами тонов фразовых. Й. Игараси в работах (Igarashi 2006; 2009) был первым исследователем, обратившим внимание на возможное отражение в русских тональных контурах фонетической реализации фразовых тонов в классическом понимании АМ-модели – то есть, тонов, допускающих вторичную ассоциацию с одним из слогов в постъядерной части и, следовательно, распространяющихся не на один, а на несколько постъядерных слогов (подробнее о механизме вторичной ассоциации фразовых тонов см. в разделе 1.2.1). Так, он указал на то, что в частном и общем русском вопросах кривая ЧОТ на участке между пиком ядерного тонального акцента и концом фразы включает в себя ярко выраженный «локоть», или точку перелома, после которого ЧОТ имеет скорее форму низкого плато с небольшим постепенным снижением, связанным с деклинацией. Этот «локоть» Й. Игараси предлагал считать фонетическим рефлексом глубинного L-, имеющего ассоциацию, с од-

ной стороны, с концом фразы (совпадающим с концом синтагмы) и, с другой стороны, с одним из ударных слогов. Таким образом, низкое плато русских нисходящих контуров анализировалось бы как реализация комбинации тонов границы L-L%. Следует, впрочем, отметить, что эти данные допускают и альтернативный, более «экономный» анализ, предполагающий возможность вторичной ассоциации пограничных тонов. Если допустить, что русские H% и L% могут распространяться с последнего слога фразы на предшествующие постъядерные слоги, то введение дополнительной тональной единицы не требуется. В связи с этим, для того чтобы с уверенностью постулировать два тона, желательно, чтобы они были разными по качеству – то есть, например, низкое постъядерное плато должно завершаться повышением на одном из постъядерных слогов фразы (L-H%), либо, наоборот, высокое плато должно завершаться падением (H-L%)²¹. Такие контуры, достаточно широко распространенные в языках мира (Grice, Ladd, and Arvaniti 2000), отсутствуют в базовом наборе русских тональных конфигураций, описанных Е. А. Брызгуновой. В связи с этим авторы АМ-исследований русской интонации нередко отказываются от использования фразовых тонов; в частности, так поступает Т. Ратке, последовательно отмечая в своих работах недостаток данных о русских фразовых акцентах (Rathcke 2017, 197-98).

Следует, однако, отметить, что один такой контур, предположительно, демонстрирующий необходимость дифференциации между фразовым H и пограничным L, эпизодически встречается в литературе о русской просодии. Так, в работе (Брызгунова 1984, 25-28) значение, передаваемое сложной нисходяще-восходяще-нисходящей тональной конфигурацией, характеризуется как «отенок настойчивого назидания» («Одевайся ТЕПЛЕЕ! Не ЛЕТО ведь сейчас! Я вам снесу НЕ ПРОСТОЕ яичко[...]!»). Вероятно, этот же контур имеет в виду К. Кейспер (Keijsper 1992, 158), говоря о типе контура 3.7, отсутствующем в данных диссертации С. Оде. Кроме того, С. В. Кодзасов (2009, 20) характеризовал подобный контур как «средство риторического давления на собеседника»: «Рубашка-то – ВЫСОХЛА. А ты беспокоилась». Элицитации и акустическому анализу произнесений фраз, оформленных этой конфигурацией, посвящены работы (Дурягин 2021б; Duryagin 2023). В указанных исследованиях прагматическая функция контура определяется как маркирование «качественной имплицатуры»: говорящий не только сообщает факт, но и косвенно (имплицитно, только за счет просодии) информирует слушающего о том, что объект сообщения обладает исключительными качествами (положительными или отрицательными). Например, в оформленной этой тональной конфигурацией фразе «[Не только мелких сошек уволили.] И Голованову уволили!» (см. Рис. 4 с примерами, о которых более подробно пойдет речь в

²¹ Й. Игараси отмечает, что в его данных периодически встречалось оформление похожими средствами общего вопроса с оттенком удивления (Igarashi 2009, 256), однако не приводит подробного описания фонетических свойств этой конфигурации и сведений о частоте ее использования испытуемыми.

следующем абзаце), даже если собеседник не в курсе, он должен понять, что Голованова является важным сотрудником, увольнение которого противоречит ожиданиям говорящего). В работе (Дурыгин 2021б) было показано, что таким контуром часто оформляются фразы, содержащие конструкции типа *Это/здесь/тут вам не Х*: «*Да, брат, это тебе не Клязьма! Это тебе не мелочь по карманам тырить!*»²². Данная единица представлена в ресурсе «Русский конструктикон» (Bast et al. 2021) под номером 574 с условной записью *NP-Nom NP-Dat Cop не NP-Nom*. Оформляя эту конструкцию комплексным контуром, говорящий не просто указывает на то, что некоторый объект не обладает ожидаемым от него статусом (зачастую различие между двумя сравниваемыми объектами очевидно), но и оказывает риторическое давление (термин С. В. Кодзасова) на собеседника, намекая на важность этого несоответствия для интерпретации ситуации.

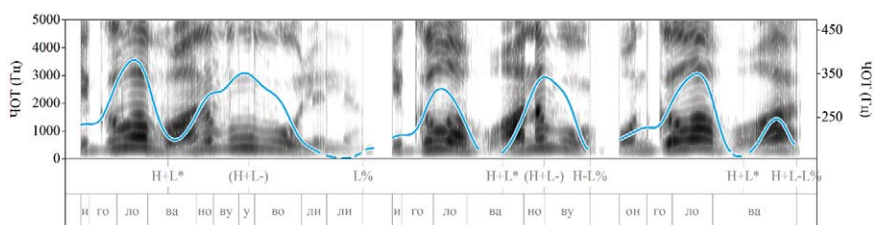

Рисунок 4 – Спектрограммы и интонограммы произнесения фраз «*И Голованову уволили!*»; «*И Голованову!*»; «*Он голова!*»

На Рис. 4 представлены интонограммы из работы (Duryagin 2023), которые содержат фразы, записанные в контексте «качественной имплицатуры». Как видно из иллюстраций, за минимумом ЧОТ, расположенным в центре гласного просодически выделенного слога (его предлагается анализировать как реализацию низкого тона в $H+L^*$)²³, следует повышение, достигающее максимума на одном из заударных слогов. Ключевой характеристикой этого контура является то, что за вторым максимумом следует дополнительное финальное падение. Это падение ЧОТ сохраняется как на безударном последнем слоге (Рис. 4, в центре), так и при полном отсутствии заударных слогов (Рис. 4, справа). Низкий уровень тона в конце фразы, таким образом, предлагается интерпретировать как отражение пограничного тона $L\%$, а предшествующий ему не обладающий просодической выделенностью и не ассоциированный ни

²² Примеры из Мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка (Савчук и др. 2024).

²³ Судя по всему, этот тот же тональный акцент, что маркирует в русском контрастный/корректирующий фокус.

с одной из вершин просодической иерархии пик ЧОТ – как фонетическую реализацию фразового тона Н- (или Н+L-). Высокий фразовый тон получает вторичную ассоциацию с постъядерным ударным слогом (при наличии такового, как на Рис. 4, слева) либо остается ассоциированным с последним слогом фразы при отсутствии доступного для вторичной ассоциации сегментного материала (ср. классические примеры вторичной ассоциации в [Grice, Ladd, and Arvaniti 2000, 174]). Детальное описание фонетической реализации этих комплексных тональных конфигураций еще предстоит осуществить, однако представляется возможным считать их существование аргументом в пользу введения фразовых тонов в инвентарь русских тоном. Добавим, что похожий контур был обнаружен в русских диалектах и подробно описан С. В. Князевым (2023б): его данные показывают, что в некоторых архангельских говорах²⁴ конфигурация L* Н-L% является частотной в повествовательных высказываниях и, вероятно, вопреки интуиции носителей литературной нормы, представляет собой не «ответ с вызовом», а нейтральный способ оформления ответной реплики.

Наконец, в классической версии АМ-модели для фразовых тонов предполагается делимитативная функция: Н- и L- должны маркировать просодические швы между синтагмами; правая граница неконечной синтагмы должна оформляться фразовым тоном без пограничного. Конкретные исследования фонетической реализации фразовых тонов на неконечных синтагмах в настоящий момент отсутствуют, поэтому вопрос об их включении в просодическую фонологию СРЯ следует признать дискуссионным.

Изучению иных акустических показателей просодических швов в русском языке посвящена серия работ О. Ф. Кривновой и ее соавторов (Кривнова 1995; 2015; Князев, Кривнова, и Моисеева 2016). В описанных в этих исследованиях экспериментах испытуемым (студентам-филологам, не знакомым с АМ-моделью) предлагалось размечать звучащие тексты с помощью системы символов, близкой аннотации ToBI (от 1 до 4 или от 1 до 7, где 1 – просодический шов нижнего уровня метрической иерархии, например, между фонетическими словами, а 4 или 7 – граница верхнего уровня, например, между фразами). Проведенные исследования продемонстрировали, что русский язык (по крайней мере, в форме дикторского чтения письменных текстов) характеризуется высокой разреженностью просодических швов: в среднем аудиторы оставляли без индексов по 4 словесных границы подряд (Кривнова 2015). Отмечается также, что уровень границы (воспринимаемая «глубина» шва) в целом соответствует длительности паузы в акустическом сигнале. Наконец, крайне важным для будущих предложений ToBI-транскрипций для русского языка является вывод об оптимальности использования пятибалльной шкалы

²⁴ Также в работе (Князев и Дьяченко 2023), посвященной среднерусским говорам, сходный контур рассматривается как содержащий битональный пограничный контур HL%. В работе, однако, отсутствуют примеры высказываний с ядерным акцентом на последнем слове, что не позволяет судить о возможной вторичной ассоциации фразового тона Н.

индексов границ, основанный на оценке согласованности разметок испытуемых (Смирнова 2017).

1.4 Итоги

В главе 1 был представлен обзор основных направлений теоретических и экспериментальных исследований, ставивших цель описать абстрактную организацию просодического уровня языка на основании данных об изменениях частоты основного тона при порождении звучащей речи, а также данных о восприятии этих акустических параметров. В литературе такие исследования обычно объединяются термином просодическая, или интонационная, фонология. В разделе 1.1 были рассмотрены три наиболее влиятельные ранние модели просодической фонологии, получившие распространение в западной лингвистике в третьей четверти XX века: американская и британская школы, а также модель IPO. В этом же разделе была рассмотрена связь ранних концепций с двумя наиболее известными описаниями русской интонации: моделью интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой (созданной независимо от концепции британской школы, но имеющей с ней ряд типологических совпадений) и перцептивной моделью С. Оде, создававшейся в русле перцептивного подхода IPO. Далее в разделе 1.2 было представлено описание основных положений автосегментной метрической модели интонации – сформировавшейся в 1980-х гг. теоретической концепции, объединившей некоторые элементы ранних моделей и де-факто ставшей стандартом в современной интонологии. Наконец, в разделе 1.3 был проведен краткий обзор основных фонетических исследований в области интонации современного русского языка, созданных к настоящему моменту. Особое внимание во второй части раздела было уделено фрагментам АМ-описания русской просодии. Наш обзор АМ-исследований русской интонации в разделах 1.3.2–1.3.3 был призван показать, что эти, на первый взгляд, разрозненные исследования в действительности дополняют друг друга. Так, с разных точек зрения изучено просодическое оформление русского общего вопроса и его противопоставление повествовательному высказыванию; не вызывает дискуссий вопрос об инвентаре русских правых пограничных тонов; начато обсуждение необходимости использования фразовых тонов; есть данные, позволяющие принять пятиуровневую систему индексов для просодических швов. Собранные вместе, эти элементы описания составляют довольно подробную картину, которая может служить основой для предварительного системного АМ-описания русской просодии и разработки рабочей версии ToBI-аннотации. Проект такого описания, впрочем, по-прежнему не лишен лакун, и следующие главы настоящей монографии направлены на то, чтобы заполнить одну из них.

Интонация частновопросительных предложений

2.1 Синтаксис частного вопроса в типологической перспективе

Формальное определение того, что представляет собой частновопросительное предложение, обычно дается от противного: это вопрос, на который, в отличие от общего, нельзя ответить «да» или «нет». Вместо этого в качестве ответа допускается широкий или неограниченный спектр альтернатив (Onea and Zimmerman 2019, 7); иными словами, ответом на частный вопрос должно служить информативное высказывание (Carnie 2006, 316). Кроме этого, определения частного вопроса часто основываются на наличии в нем специальной грамматической единицы – вопросительного слова (Crystal 2008). При этом многие языки мира дополнительно используют для маркирования частного вопроса специальные частицы (Bruening 2007, 142; Cheng 1991, 21).

Языки различаются в отношении синтаксических стратегий, применяемых для оформления частного вопроса. Первая стратегия, представленная, например, в английском языке, представляет собой явное (то есть отраженное на фонологическом уровне) передвижение вопросительной составляющей из позиции, характерной для ее синтаксической роли, в начало фразы – область типирования клауз, в терминах порождающей грамматики (Cheng 1991). При второй стратегии изменения порядка слов и явного передвижения вопросительной составляющей в левую периферию не происходит. Согласно одной из синтаксических интерпретаций (Huang 1982), в этом случае передвижение осуществляется только на абстрактном уровне логической формы и не отражается

на фонологической форме¹. В результате вопросительное слово остается «на своем месте» – лат. *in situ*. Примерами подробно описанных в синтаксической литературе языков с вопросительными словами *in situ* являются японский и севернокитайский (мандаринский) языки. Во «Всемирном атласе языковых структур» представлены 264 языка с передвижением *wh*-составляющей в начало фразы и 615 языков с *wh-in-situ*; данные о географической дистрибуции этих групп и о языках смешанного типа приведены в (Dryer 2013).

Русский, как и большинство индоевропейских языков, на первый взгляд относится к группе *wh-ex-situ*: вопросительное слово обнаруживается в левой периферии, причем как в канонических вопросах («Что купил Саша?»), так и во множественных («Кто что купил?»). При этом, однако, позиция вопросительного слова более свободна, чем, например, в английском: достаточно, чтобы слово было передвинуто в позицию перед лексическим глаголом: «О чем ты будешь рассказывать? Ты о чем будешь рассказывать? Ты будешь о чем рассказывать?»²; при этом неграмматично, за исключением случаев переспроса нерасслышанного, «*Ты будешь рассказывать о чем?»³ (Дуаконова 2009). Существуют два основных подхода к анализу синтаксической структуры русского частного вопроса с позиций порождающей грамматики. В некоторых работах (Zavitnevich-Beaulac 2005) отстаивается точка зрения о том, что в русском языке представлен нормальный случай передвижения вопросительного слова, аналогичный тому, что имеет место в английском: местоимение передвигается в группу комплементаризера³, чтобы проверить признак [+Q]. С другой стороны, А. Степановым (Stepanov 1998) был предложен анализ, согласно которому дислокация вопросительного слова в русском языке связана с проверкой присущего ему фокусного (а не вопросительного) признака [Foc]; таким образом, предлагается считать *wh*-передвижение в русском обусловленным информационной структурой, а язык – относить к языкам с вопросительным словом *in situ*. Впоследствии в (Strahov 2001) идея была дополнена представлением о том, что такое упреждение (англ. *wh-fronting*, в отличие от передвижения, *wh-movement*) вопросительного слова может быть связано не только с фокализацией, но и с топикализацией *wh*-слова. Наконец, (Дуаконова 2009) предлагает считать, что в дихотомии *ex situ vs. in situ* русский язык нельзя отнести ни к той, ни к другой группе. Согласно ее анализу, канонические русские фразы с вопросительным словом в абсолютном начале представляют собой

¹ Существуют альтернативные способы анализа этого явления, не предполагающие операцию скрытого передвижения и постулирующие наличие в структуре особого оператора, Q-морфемы, связывающей (англ. *binding*) вопросительные слова. Актуальный обзор этого и других альтернативных подходов представлен в (Bayer and Cheng 2017).

² Отметим, что последний пример, вероятно, возможен только в виде эхо-вопроса, оформленного соответствующей тональной конфигурацией L*+H H-N%.

³ В генеративной грамматике комплементаризер – это особая функциональная категория (часть речи), к которой относятся, например, подчинительные союзы. Некоторые фразы, например, частные вопросы в представленных в этой секции описаниях, могут иметь нулевой, не выраженный фонологически комплементаризер.

примеры передвижения, а фразы с вопросительным словом в середине – примеры упреждения. В качестве примера другого языка, также допускающего обе стратегии, в работе М. Дьяконовой приводится французский.

В синтаксической литературе предлагались различные объяснения причин того, почему одни языки передвигают вопросительные слова, в другие нет. Так, в (Cheng 1991) необходимость передвижения *wh*-слова связывается с наличием или отсутствием в языке морфологически выраженной вопросительной частицы, а, например, в работах (Cole and Hermon 1998; Reinhart 1998; Tsai 1994) – с наличием у вопросительного слова определенных семантических свойств (того, может ли оно выступать в роли переменной отдельно от вопросительного оператора, например, в виде неопределенного местоимения, как в китайском языке, или же, как в английском, переменная и оператор объединены в одной лексеме). В рамках настоящего исследования особый интерес представляет гипотеза Н. Ричардса, тесно связанная с просодической фонологией. В работах (Richards 2010; 2016) предлагается считать, что все языки при формировании частного вопроса стремятся создать такую просодическую структуру (*wh*-домен), при которой между комплементаризером (C) и вопросительным словом (*wh*) будет минимальное количество просодических швов. Это может достигаться либо за счет их сохранения *in situ* внутри общего домена просодической иерархии (синтагмы или акцентной группы), либо за счет передвижения вопросительного слова ближе к комплементаризеру, например, в левую периферию. Поскольку, с одной стороны, в зависимости от свойств языка комплементаризер может располагаться как в левой, так и в правой периферии, а с другой стороны, языки могут просодически маркировать как левые, так и правые границы составляющих (например, использовать левые и правые фразовые и пограничные тоны), два этих бинарных признака делят все языки на четыре группы. Согласно гипотезе Н. Ричардса, на основании того, к какой из групп относится тот или иной язык, можно предсказать, как в нем будет оформляться частный вопрос. Например, языки, в которых комплементаризер (и следовательно, например, вопросительная частица) располагается в конце фразы, оставляют вопросительные слова *in situ*. При этом если вопросительное слово *in situ* находится в середине фразы на некотором расстоянии от правого комплементаризера, то на участке после него наблюдается компрессия ЧОТ, свидетельствующая об устранении просодических швов (в качестве примера приводится токийский вариант японского языка, см. подробнее об этом типе просодии ниже в разделе 2.2.2). Напротив, передвижение *wh*-слова влево, согласно этой гипотезе, происходит с целью «улучшить» просодическую структуру фразы и приблизить вопросительное слово к позиции комплементаризера в левой периферии так, чтобы между ними не было границ просодического слова. Наконец, этот анализ также успешно распространяется на эхо-вопросы, в которых даже в языках с обязательным передвижением вопросительное слово может оставаться *in situ* (англ. *John bought a WHAT?*, рус. *Джон купил что?*). Наблюдаемая в таких фразах декацентуация двух первых слов свидетельствует об отсутствии просодических швов; именно за счет нее для всей фразы формируется единый просодический *wh*-домен. Таким обра-

зом, особенность модели Н. Ричардса заключается в том, что она, в отличие от большинства других моделей порождающей грамматики, допускает прямое влияние просодии на синтаксическую структуру, в частности, на наличие или отсутствие передвижения вопросительного слова в частном вопросе.

Литература, посвященная синтаксису частновопросительных предложений, чрезвычайно обширна, причем далеко не всегда ее авторы принимают во внимание фонологические данные. В рамках настоящей монографии не представляется возможным осуществить полный обзор основной проблематики в этой области. В следующих разделах будут обсуждаться только те исследования частных вопросов в языках мира, в которых идет речь о просодическом оформлении этого типа высказываний. Таким образом, далее будут рассмотрены, с одной стороны, дескриптивные фонетические работы и, с другой стороны, интонологические исследования взаимодействия просодии с синтаксисом и прагматикой в языках мира.

2.2 Интонация частного вопроса в языках мира

В литературе, посвященной просодии частных вопросов, можно встретить отдельные типологические обобщения, отражающие функциональный подход к интонации. Прежде всего, некоторые исследователи исходят из того, что, поскольку иллокутивная цель канонического частного вопроса обычно маркируется лексико-синтаксическими средствами (наличием вопросительного слова и, в языках *ex situ*, *wh*-передвижением), просодия в этих случаях не играет ключевой роли для маркирования типа высказывания. В связи с этим предполагается, что интонация частного вопроса может существенно варьироваться в пределах одного и того же языка, кодируя дополнительные элементы значений – прагматических или связанных с информационной структурой (Naan 2002, 116-17; Ladd 2008, 226-30). Другое наблюдение связано с тем, что в частновопросительных предложениях нисходящие тональные движения систематически предпочитают восходящим (Bartels 1997, 9; Büring 2016, 232). В связи с этим в литературе, в особенности в традиционных описаниях отдельных языков, встречаются утверждения о том, что интонация частного вопроса может совпадать с интонацией повествовательных высказываний (Hirst and Di Cristo 1998, 26; Onea and Zimmerman 2019, 7).

В настоящем разделе мы предложим обзор имеющихся в литературе сведений о *wh*-вопросах в языках мира, отталкиваясь от приведенных выше типологических обобщений. Сначала в разделе 2.2.1 будут рассмотрены языки с передвижением *wh*-слова в левую периферию, затем в 2.2.2 речь пойдет о языках с *wh-in-situ*. Далее в разделе 2.3 будет предложен обзор интонологической литературы о частном вопросе в русском языке.

2.2.1 Языки с вопросительным словом *ex situ*

Данные наиболее подробно изученной в интонологии просодической системы – американского варианта английского языка – в целом подтвержда-

ют приведенные выше утверждения о богатейшей вариативности интонации *wh*-вопроса. В серии работ Н. Хедберг и ее коллег на материале звучащих корпусов английской разговорной речи (Hedberg and Sosa 2002; Hedberg et al. 2010; Hedberg and Mameni 2010) были описаны 17 разных тональных конфигураций частного вопроса, обнаруженные в выборке из 200 частновопросительных предложений. При этом соотношение фраз с L% и H% составило 81% к 18%, на основании чего авторы определяют высокий тон в конце английского частного вопроса как неканонический способ его оформления. Исследователями была проведена классификация всех контуров частных вопросов по пяти прагматическим признакам: 1) информативность, 2) желание/нежелание передать слово собеседнику, 3) связанность темы вопроса с контекстом, 4) направленность на перебивание собеседника, 5) новизна/данность невопросительной части. Результаты классификации показали, что неканонической восходящей ядерной тональной конфигурацией чаще всего оформлялись частные вопросы, запрашивающие дополнительную информацию (слушающий перебивает говорящего, но не берет слово; он хочет получить информацию, которая имеет отношение к теме разговора, но не играет ключевой роли в контексте коммуникации) и уточнения (слушающий перебивает говорящего, чтобы уточнить информацию, которую он не расслышал или не понял). Таким образом, делается вывод о том, что выбор контура частного вопроса тесно связан с его дискурсивной функцией: неканонический высокий пограничный тон маркирует относительную «неполноценность» вопроса в том смысле, что спрашивающий рассматривает лишь ограниченное число потенциальных ответов, а не все возможные альтернативы; он перебивает собеседника, но не берет на себя инициативу в диалоге.

Добавим, что преобладание низких пограничных тонов в английских частных вопросах было зафиксировано также в работах Дж. Хиршберг: в качестве факторов, оказывающих влияние на выбор неканонической тональной конфигурации, были названы индивидуальные предпочтения говорящих (Hirschberg 1989, 28) и стиль речи: в то время как в спонтанной разговорной речи 83,8% частных вопросов содержали низкий пограничный тон, при чтении вслух их количество сократилось до 62,2% (Hirschberg 2000, 338).

Наиболее подробное описание вариативности интонации английского вопроса представлено в работе (Bartels 1999). В главе, посвященной *wh*-вопросам, описываются прагматические оттенки значения, выражаемые различными ядерными тональными акцентами, предшествующими L-L%. Наряду с маркирующим канонические собственно вопросительные⁴ высказывания ядерным тональным акцентом H*, отмечается использование вместо него L+H* для выражения эмфазы и повышенной эмоциональной вовлеченности, а также L*+H для маркирования уже актуализированного в контексте эле-

⁴ Здесь и далее мы будем использовать для перевода английского *information-seeking question* термины собственно вопросительное предложение либо информационный вопрос.

мента. Кроме этого, замена предъядерных H^* на L^* описывается как сигнал о «настойчивой контекстуализации» содержимого вопроса. Что же касается дистрибуции нисходящих и восходящих конфигураций на границе фразы, для их прагматической интерпретации Н. Бартелс использует присущий АМ-модели композиционный подход. В частности, в ее анализе фразовому тону L - отводится ассертивная функция (признак [+assertive]). При помощи L -говорящий добавляет в общее с адресатом знание особую пресуппозицию: вопрос «*Куда ты положил мою камеру?*», произнесенный по-английски с нисходящей конфигурацией, предполагает ассерцию «*Ты куда-то положил мою камеру*». Напротив, английские восходящие конфигурации с H -, согласно данным Н. Бартелс, не предполагают ассерции со стороны задающего вопрос. Стоит, однако, оговориться, что отсутствие ассертивности в вопросе может быть связано с тем, что пресуппозиция уже находится в общем знании собеседников и необходимость вводить ее заново отсутствует. Именно с этим, согласно анализу Н. Бартелс, связано частое использование H - в английских *wh*-вопросах: оформленный высокими конечными тонами вопрос «*Куда ты положил мою камеру?*» может произноситься либо в контексте припоминания, либо для уточнения мелких деталей, не играющих ключевой роли для общего содержания беседы. Что же касается пограничных тонов, то для $H\%$ предполагается функция факультативного указания на то, что говорящий ожидает от адресата активной вовлеченности в диалог; напротив, $L\%$ может маркировать предсказуемость вопроса или незаинтересованность говорящего в ответе (Bartels 1999, 218-19).

Широкая вариативность интонации частного вопроса также зафиксирована в работах на материале других германских языков. В частности, детальный разбор формы и функций вариантов просодического оформления немецкого *wh*-вопроса представлен в работах (Braun et al. 2019; Zahner-Ritter et al. 2022). Объектом первого из двух исследований были собственно вопросительные предложения и риторические частные вопросы. Анализ данных показал, что в то время как в собственно вопросительных предложениях наблюдалось разнообразие комбинаций фразовых и пограничных тонов (44% для L -%; 25% для H - $\wedge$ $H\%$; 28% для L - $H\%$; 2% для H -%)⁵, риторические вопросы маркировались почти исключительно низким пограничным тоном (98% L -%). В (Zahner-Ritter et al. 2022) были отдельно проанализированы ядерные тональные акценты, использующиеся в немецком частном вопросе в комбинации с

⁵ Любопытные данные о влиянии пола на распределение указанных немецких пограничных тонов были получены в исследовании (Niebuhr 2015). Анализ корпуса спонтанных диалогических текстов показал, что, вопреки гипотезе, основанной на стереотипном представлении о гендерных ролях в коммуникации, мужчины использовали «вежливые/заинтересованные» восходящие тональные конфигурации чаще, чем женщины. Данные об использовании высоких пограничных тонов в детской речи представлены в работе (Leó 2016): анализ частных вопросов в речи монолингвов и билингвов (немецкой и испанский языки) трехлетнего возраста показал, что дети последовательно предпочитают восходящие контуры нисходящим.

L-%: L+N*, (LH)⁶ и L*+H. Эти тональные акценты характеризуются соответственно ранним, средним и поздним таймингом высокой тональной цели. В качестве материала эксперимента использовались краткие частные вопросы наподобие *Wer heißt denn MELANIE?* (рус. «Кого зовут МЕЛАНИ?») с ядерным тональным акцентом на последнем слове фразы. Первый эксперимент, основанный на имитации искусственно синтезированных контуров, подтвердил, что в произношении носителей немецкого языка три восходящих тональных акцента последовательно различаются. В рамках второго эксперимента три контура были предложены для прослушивания испытуемым, которые должны были описать в свободной форме оттенки значения, заложенный в услышанном частном вопросе. Анализ данных показал, что как собственно вопросительные чаще воспринимались конфигурации с ранним и поздним таймингом – то есть, с тональными акцентами L+N* и L*+H. При этом, вопреки ожиданиям авторов, участники эксперимента оказались неспособны сформулировать разницу в значении между этими двумя контурами в вопросительных предложениях. Что же касается акцента с «промежуточным» таймингом (LH)*, то носители немецкого языка последовательно отличали его по значению от двух других и формулировали его значение как «неприятель», «удивление», «негативное отношение», а также «риторический вопрос». На основании этих данных в работе предлагается ввести в описания немецкой просодической фонологии тройное противопоставление восходящих битональных акцентов. В целом актуальные экспериментальные данные о просодии немецкого языка соответствуют приведенным выше типологическим обобщениям о широком разнообразии контуров частного вопроса, причем как в ядре, так и на левой границе высказывания.

Экспериментальные исследования просодии частного вопроса в нидерландском языке демонстрируют схожую картину: (Naan 2002) отмечает, что в ее данных *wh*-вопросы являлись единственным типом вопросительного предложения, допускавшим относительную свободу выбора пограничного тона. Следует, однако, отметить, что в данных ее эксперимента в речи испытуемых высокий пограничный тон встречался чаще, чем низкий. Другое направление вариативности интонации нидерландского частного вопроса – закономерности расстановки тональных акцентов – было изучено экспериментально в работе (Chen 2012). Исследование продемонстрировало, что наличие тонального акцента на *wh*-слове может быть связано с его категориальной принадлежностью (нид. *waarom* 'почему' значительно чаще выделялось просодически, чем нид. *wat* 'что'), а также с информационной структурой высказывания – *wh*-слово чаще получало акцент в тех случаях, когда следующая за ним часть вопроса выступала в качестве темы.

⁶ Авторы этого исследования не используют символ «плюс» для обозначения сочетания тонов, формирующих тональный акцент, в том случае, если оба тона имеют стабильный тайминг в рамках просодически выделенного слога.

В связи с данными (Chen 2012) нельзя обойти вниманием вопрос о том, являются ли вопросительные слова носителями ядерного тонального акцента «по умолчанию», то есть, в отсутствие эффектов, связанных с информационной структурой высказывания. В литературе преобладает мнение о том, что в английском, немецком и нидерландском тональный акцент на вопросительных словах либо отсутствует, либо является предъядерным, то есть не самым выделенным во фразе (Chen 2012; Ladd 2008; Lambrecht and Michaelis 1998; Truckenbrodt 2013a; 2013b)⁷. В этом отношении германские вопросительные слова *ex situ* ведут себя подобно личным, указательным и неопределенным местоимениям, которые также «избегают» присвоения ядерного акцента, за исключением тех случаев, когда им присваивается фокусный признак. Такое поведение, однако, с точки зрения типологии скорее является редкостью, и, напротив, существует множество языков, в которых ядерный тональный акцент по умолчанию расположен на вопросительном слове. Прежде всего к этой группе относятся языки с *wh-in-situ* (бенгальский, китайский, японский)⁸. Кроме этого, согласно данным (Ladd 2008, 228-30), ядерный акцент регулярно присваивается вопросительным словам и в некоторых языках, передвигающих *wh*-слова в левую периферию, в частности, в румынском, венгерском и греческом.

Интонация греческого частного вопроса подробно описана в АМ-литературе благодаря серии работ А. Арванити и ее соавторов (Arvaniti and Baltazani 2005; Arvaniti and Ladd 2009). В частности, в связи с тем, что канонический контур греческого частного вопроса содержит низкое постъядерное плато и повышение тона на последнем слоге фразы, он часто приводится в качестве примера тональной конфигурации, которая содержит отчетливо наблюдаемый низкий фразовый тон, отделимый от высокого пограничного ($L^*+HL-!N\%$, в АМ-нотации). Отдельное внимание в работах исследователей греческого языка уделялось и вариативности контура частного вопроса. В греческом, как и в других ранее перечисленных в настоящем обзоре языках, говорящему доступен выбор между высоким и низким пограничными тонами: наряду с более распространенным $!N\%$ встречается и альтернативный $L\%$. Исследованию распределения этих пограничных тонов в частных вопросах посвящены работы (Baltazani, Gryllia, and Arvaniti 2020; Gryllia, Baltazani, and Arvaniti 2018). Эксперимент по порождению греческих частных вопросов продемонстрировал, что два контура различаются не только пограничными тонами, но и ядерными акцентами. Для маркирования заданного контекстом собственно вопросительного высказывания носители греческого языка последовательно использовали конфигурацию $L^*+HL-!N\%$, в

⁷ Подробное обсуждение особых прагматических условий, при которых вопросительное слово все же обладает наибольшей просодической выделенностью в английской фразе, см. в (Bolinger 1990).

⁸ В этих языках вопросительные слова имеют ряд общих просодических и синтаксических характеристик с фокусированными составляющими, подробнее см. раздел 2.2.2 настоящей работы.

то время как для маркирования раздраженного вопроса, не предполагающего ответа собеседника, – L+H* L-L%. Далее в рамках перцептивного эксперимента оценивалось то, как носители языка воспринимают эти контуры вне контекста. Например, греческий вопрос, который можно буквально перевести на русский как «*Кто такой МАНОЛОПУЛОС?*», в зависимости от просодии мог восприниматься либо как запрос информации о персоне, либо как косвенное утверждение о незначительности этой персоны, нечто вроде «*Да кто такой этот МАНОЛОПУЛОС?*». В соответствии с гипотезой исследователей, канонический греческий контур *wh*-вопроса с высоким пограничным тоном чаще воспринимался испытуемыми как собственно вопросительный, а также оценивался как более вежливый. Обнаруженные различия в восприятии греческих контуров авторы предлагают интерпретировать с точки зрения присущей классической АМ-модели идеи о композициональности прагматических значений, выражаемых просодией. Так, использование в неканоническом контуре частного вопроса тональных единиц, свойственных повествовательным высказываниям (ядерный акцент L+H*, характерный для узкого или контрастного фокуса; конфигурация границы L-L%, характерная для невопросительных фраз), может свидетельствовать о том, что эти единицы являются не только средствами маркирования риторического вопроса, но и носителями прагматических значений более абстрактного уровня. Так, например, низкому фразовому тону присваивается выражение приверженности (англ. *commitment*) говорящего пропозициональному содержанию повествовательного высказывания (а в случае риторического вопроса – приверженности ограниченному набору альтернатив, возможных в качестве ответа).

Сравнительный обзор просодии романских языков, в том числе в отношении интонации частных вопросов, представлен в коллективной монографии (Frota and Prieto 2015). В работе отмечается, что большинство романских языков используют в *wh*-вопросах тональные единицы, характерные для повествовательных высказываний; исключения составляют каталанский (большинство его вариантов) и фриульский, где частные вопросы маркируются особыми тональными конфигурациями. С точки зрения распределения ядерных тональных акцентов внутри фразы среди романских языков выделяются румынский (Dascălu Jinga 1998; Jitcă et al. 2015) и сардинский (Vanrell et al. 2015). В этих языках в коротких собственно вопросительных фразах *wh*-слово регулярно выступает носителем ядерного тонального акцента, и только в относительно протяженных вопросах ядерное выделение передвигается вправо, ближе к концу фразы. Остальные же романские языки в целом демонстрируют тенденцию реализовывать ядерный тональный акцент вблизи правой границы составляющей в большинстве типов фраз, в том числе в частном вопросе. Отмечается также, что в целом в романских языках наблюдается преобладание низких пограничных тонов для маркирования частного вопроса, при этом для большинства языков также зафиксирована внутренняя вариативность, имеющая, предположительно, прагматическую функцию (выражение тех или иных аспектов лингвистической вежливости).

Существующие экспериментальные исследования вариативности просодии частного вопроса на материале отдельных романских языков в основном касаются различий между собственно вопросительными предложениями и эхо-вопросами. В частности, в работе (Ortico and D'Imperio 2020) на материале одного из южных региональных вариантов итальянского языка (г. Салерно, область Кампания) были обнаружены три ядерные тональные конфигурации, маркирующие информационный *wh*-вопрос: $H+L^*L-L\%$, $H+L^*L-N\%$ и $L^*+HN-N\%$. Эти конфигурации использовались испытуемыми в собственно вопросительных предложениях примерно с одинаковой частотой; исследователям не удалось установить конкретные прагматические значения, стоящие за выбором того или иного ядерного акцента и пограничного тона в информационных частных вопросах. При этом в эхо-вопросах наблюдалась значительно меньшая вариативность: испытуемые всегда использовали один и тот же ядерный акцент L^*+H , хотя и в комбинации с разными пограничными тонами.

Интонации информационного и эхо-вопроса в другом фрагменте итальянского диалектного континуума – региональном варианте, используемом в г. Эсте в области Венеция – посвящены работы (Badan and Crocco 2019; 2021). В этих исследованиях существенная вариативность была зафиксирована даже на материале данных, записанных от малого количества испытуемых. Как и в (Ortico and D'Imperio 2020), были обнаружены три разные конфигурации фразовых и пограничных тонов ($L^*+HN\%$ ⁹, $L^*L\%$, $L^*LN\%$). При этом вынесенное в левую периферию вопросительное слово *dove* 'где' не воспринимается как носитель тонального акцента (ср. приведенные выше данные германских языков). Что же касается эхо-вопросов с *wh-in-situ*, то в них отсутствует просодическая вариативность, а на вопросительном слове последовательно используется особый тональный акцент $\uparrow L^*+H$ ¹⁰. В целом в работах отстаивается точка зрения о том, что этим акцентом просодически маркируется признак миративного фокуса (указание говорящего на то, что содержание высказывания является неожиданным для него самого), присутствующий *wh-in-situ* в эхо-вопросах в итальянском языке.

Еще одно направление исследований итальянского частного вопроса представлено в работах на материале вариантов итальянского языка, используемых в области Тоскана. Эти исследования касаются в первую очередь ассоциации тональных акцентов с различными составляющими синтаксической структуры частного вопроса. Во-первых, в (Bianchi, Bocci, and Cruschina 2017; 2021; Marotta and Sorianello 1999) на основании фонетических данных проводится различие между вопросительными словами, неспособными принимать ядерный тональный акцент (к ним относится большинство итальянских *wh*-слов), и группой *wh*-элементов, допускающих факультативную ассоциа-

⁹ Фразовые акценты используются в предлагаемых авторами нотациях непоследовательно.

¹⁰ Перевернутым восклицательным знаком авторы отмечают акценты с апстепом – увеличением диапазона ЧОТ (в противоположность даунстепу).

цию тональных акцентов (к ним относятся *perché/come mai* 'почему', а также дискурсивно связанные составляющие). Кроме этого, некоторые северные итало-романские диалекты демонстрируют существенно более сложную, по сравнению со стандартным итальянским, систему вопросительных слов, которые могут быть «сильными» или «слабыми» в зависимости от их просодических свойств (Cardinaletti and Starke 1999). Например, в ломбардском диалекте г. Менбризио (Швейцария) отмечены три местоимения, которые можно перевести как 'что': просодически «сильное» *cusè*, клитика *sa/se* и «слабое» *cusa* (Poletto and Pollock 2009). Авторы работы (Vocci, Bianchi, and Cruschina 2022) предлагают считать, что в стандартном итальянском языке также существуют пары «сильных» и «слабых» *wh*-слов, однако они являются омофонами и различаются только своими синтаксическими и просодическими свойствами. Не несущие ядерного тонального акцента «слабые» вопросительные слова используются при нормальном *wh*-передвижении в частном вопросе, состоящем из нескольких слов, а «сильные» версии слов встречаются в изоляции в однословных вопросах, где они неизбежно становятся носителями ядерного тонального акцента. Только два вопросительных слова всегда ведут себя одинаково: *perché* 'почему' выступает всегда в сильной форме, а *che* 'что' – всегда в слабой (в отличие от синонимичного ему факультативно «сильного» *che cosa*).

Наконец, серия фонетических исследований, представленных в (Bianchi, Vocci, and Cruschina 2017; 2021; Vocci and Cruschina 2018), посвящена выбору места расположения ядерного тонального акцента в случаях, когда он не ассоциирован с *wh*-словом. Объектом изучения стала типологически редкая характерная для итальянского языка закономерность, представленная ниже в примерах (1)-(2):

(1) ит. *Che cosa DIRAI a Luca?*

*Что ты СКАЖЕШЬ Луке?

(2) ит. *Mi scusi, dove posso TROVARE un ufficio postale?*

*Простите, где я могу НАЙТИ почту?

В обоих примерах глагол не несет на себе признака фокуса, а последнее слово фразы может содержать новую информацию; тем не менее, начиная с (Calabrese 1982) исследователи отмечали, что в итальянском языке в таких случаях ядерный тональный акцент реализуется именно на глаголе, а не на следующем за ним актанте (как это происходит, например, в английском или русском). При этом в соответствующих косвенных вопросах ядерный тональный акцент последовательно передвигается с глагола на последнее слово фразы (Vocci and Cruschina 2018). Серия экспериментов, описанная в (Vocci, Bianchi, and Cruschina 2021), показала, что по крайней мере в тосканском варианте итальянского в прямых информационных частных вопросах такая акцентуация глагола используется очень последовательно и сохраняется даже в тех случаях, когда вопросительное слово перемещается из придаточного предложения в левую периферию перед главным:

(3) ит. *Chi pensi che dovrei PRESENTARE al direttore?*

*Кого ты думаешь, что я должен ПРЕДСТАВИТЬ директору?¹¹

Интересно, что в данных эксперимента также были отмечены колебания между употреблением пограничных H% и L%, встретившихся в 24% и 76% случаев соответственно. При этом авторам не удалось обнаружить корреляций употребления того или иного пограничного тона ни с одним из факторов дизайна эксперимента¹².

Завершая обзор романских языков, обратимся к данным испанского частного вопроса. В (Hualde and Prieto 2015) отмечается общее преобладание нисходящих контуров над восходящими, зафиксированное как в европейских, так и в американских вариантах этого языка. «Неканонические» высокие пограничные тоны также зафиксированы во всех описаниях, однако интерпретации их функций неодинаковы. Помимо выражения оттенков лингвистической вежливости, им приписывается значение уточнения или поиска подтверждения (Sosa 2003), а также указание на то, что задающий вопрос уже знает на него ответ (то есть, в контекстах загадок, викторин, экзаменов, наводящих вопросов и проч. [Escandell-Vidal 1998, 193-96]). Кроме этого, в (Henriksen 2009; Sosa 2003) было отмечено влияние метода элицитации на выбор испытываемыми тональных конфигураций: в данных этих экспериментов восходящие контуры значительно чаще встречались при чтении стимулов вслух, чем в интерактивных заданиях, направленных на элицитацию спонтанной речи (ср. выше данные [Hirschberg 1989] для английского).

Высокая степень вариативности в испанском частном вопросе свойственна не только пограничным тонам, но и тональным акцентам. Закономерностям их распределения в европейском испанском (регион Кастилия-Ла-Манча) посвящена серия исследований (Henriksen 2014; 2015; 2016). Данные экспериментов показали, что для испанских частных вопросов характерны тональные конфигурации с одним из двух ядерных акцентов на последнем слове фразы: либо H+L*, либо ;L+H*. Автор высказывает предположение о том, что первый ядерный тональный акцент, отмеченный также в португальском и каталанском языках, может представлять собой наследие прото-испано-романского единства, в то время как второй тональный акцент может быть кастильским нововведением. Что же касается предъядерного тонального акцента, ассоциированного с вопросительным словом, то (Henriksen 2016) на основании акустических данных интерпретирует его как битональную единицу L+<H*, в которой низкий тон подвергается градуальной трункации, если фраза начинается с ударного гласного. Высокий тон этого акцента имеет сверхпоздний тайминг, что и отмечается в транскрипции символом «<<». Этот акцент

¹¹ Возможен также вариант с ядерным тональным акцентом на глаголе в главном предложении и последующей деакцентуацией.

¹² Аналогичный результат – отсутствие очевидной связи между прагматикой частного вопроса и выбором пограничного тона – отмечен также в небольшом исследовании спонтанной речи на генуэзском варианте итальянского языка (Garassino, Dipino, and Cangemi 2021).

совпадает по своим характеристикам с другими предъядерными акцентами, используемыми в утверждениях с широким фокусом и общих вопросах.

Фонетические описания просодии большинства славянских языков уступают по объему работам на материале языков германских и романских (Malisz and Żygis 2017). Единственная попытка типологического обобщения данных о славянском частном вопросе представлена в работе (Николаева 1977)¹³, где крупнейшие по числу носителей славянские языки были охарактеризованы по двум признакам: наличию подъема тона в конце фразы (*да* – белорусский, украинский, польский, словацкий, болгарский; *нет* – русский, чешский, словенский, сербохорватский, македонский) и характеру движения тона в районе вопросительного слова (инициальный подъем к ударному слогу *wh*-слова был отмечен в восточно- и южнославянских языках, в отличие от западнославянских). Лишь часть этих данных удастся верифицировать на материале доступных к настоящему моменту экспериментальных исследований. Так, сведения о преобладании высоких пограничных тонов в польском частном вопросе подтверждаются в работе (Karpiński and Szalkowska-Kim 2012); там же, а также в (Grabe and Karpiński 2003) отмечается, что в польском вынесенное в левую периферию вопросительное слово всегда является носителем просодической выделенности. Современные описания чешской интонации также подтверждают данные Т. М. Николаевой: в (Pešková 2017; Volín and Šturm 2019) указано, что в чешском языке для *wh*-вопросов характерны контуры с L%.

Среди южнославянских языков к настоящему моменту наиболее изученным интонологами является сербохорватский, ToBI-аннотация для которого была представлена в работах (Godjevac 2000; 2005). В этих исследованиях отдельно не обсуждается просодия частных вопросов, однако сообщается, что они оформляются пограничным тоном L% (Godjevac 2005, 153). Аналогичное свидетельство обнаруживается для словенского языка в работе (Volk 2012, 180). Для болгарского языка в описании (Misheva and Nikov 1998, 283) отмечается вариативность: наряду с «нейтральным» низким пограничным тоном наблюдается часто встречающееся повышение тона на последнем слоге фразы, «обычно выражающее вежливость без изменения коммуникативной функции высказывания».

Наконец, что касается восточнославянских языков, Т. М. Николаева (1977, 87) указывает, что в украинском и белорусском, в отличие от русского, наблюдается факультативное конечное повышение тона в частном вопросе. Согласно (Борисюк 1975, цит. по Николаева 1977), в украинском частный вопрос может оформляться как нисходящим, так и восходящим пограничным тоном, при этом в качестве прагматической функции Н% предполагается выражение

¹³ См. также аналогичные данные о просодии языков Балканского языкового союза в более поздней работе (Николаева 2000, 246), где исследовательница приходит к выводу, что «тенденция к высокому подъему в конце специального вопроса» характерна для всех языков этой балканской группы, кроме неславянского румынского.

«повышенной заинтересованности говорящего». Отмечается, что повышение может иметь место на неударном абсолютном конечном слоге – таким образом, судя по приведенным данным, в украинском может быть представлена комбинация фразового тона L- и пограничного H%. Информационный частный вопрос с повышением тона в конце фразы также приводится в качестве примера в (Плющ 2010, 260); при этом пример украинского риторического вопроса с вопросительным словом в той же работе, напротив, оформлен контуром с L%.

В заключение настоящего раздела рассмотрим данные о частном вопросе в иврите – примере языка с *wh-ex-situ*, не относящегося к индоевропейской семье. Согласно представленному в (Ozerov 2013) обзору, в литературе преобладает мнение о том, что в иврите вопросительное слово регулярно является носителем тонального акцента, а в качестве основного пограничного тона, оформляющего информационный частный вопрос, используется H%. Эти сведения были проверены на материале корпуса спонтанной речи в работе (Ozerov 2019). Анализ данных показал, что вопросительное слово являлось носителем тонального акцента только в 68% случаев. Отсутствие акцента на *wh*-слове, по мнению П. Озерова, может маркировать отсутствие заинтересованности говорящего. Что же касается пограничного тона, то, несмотря на преобладание H% в собственно вопросительных предложениях и L% в риторических вопросах, не было обнаружено полного однозначного соответствия между формой и функцией этих просодических средств. В частности, повышение тона в конце фразы также наблюдалось в непрототипических вопросах, и наоборот. Автор исследования приходит к выводу, что пограничный тон H% в иврите не является сам по себе показателем информационного вопроса, но имеет более общее прагматическое значение – призыв собеседника к немедленному коммуникативному действию (например, заполнению лакуны в общем знании, на которую указывает вопрос). Аналогичную функцию высокий пограничный тон выполняет, например, также в повелительных предложениях и приветствиях, предполагающих немедленную ответную реплику собеседника. L% же предлагается считать немаркированным членом оппозиции, выражающим отсутствие такого «призыва». Таким образом, вариативность интонации частного вопроса в иврите предлагается рассматривать как логическое следствие композициональности прагматического значения, выражаемого комбинаторикой двух просодических средств: наличия/отсутствия тонального акцента на вопросительном слове и типа пограничного тона.

2.2.2 Языки с вопросительным словом *in situ*

В настоящем разделе будут кратко представлены имеющиеся в фонетической литературе данные о некоторых наиболее подробно описанных языках, в которых вопросительное слово сохраняет позицию *in situ*. Интонация частного вопроса в этих языках традиционно привлекает внимание специалистов по синтаксису, которые ищут в просодических характеристиках *wh*-слова отражение его синтаксической роли.

В частности, серия исследований на материале токийского варианта японского языка показала, что в этом варианте японского частный вопрос последовательно оформляется особой «фокусной просодией», представляющей собой комбинацию из двух признаков. Во-первых, с вопросительным словом ассоциируется высокий тональный акцент (не понижающийся в результате даунстепа, в отличие от находящихся в аналогичной позиции аргументов в повествовательном предложении), а во-вторых, после *wh*-слова происходит компрессия диапазона всех движений тона вплоть до правой границы синтагмы (Deguchi and Kitagawa 2002; Ishihara 2011; Kitagawa and Hirose, 2012). В дополнение к «фокусной просодии» японские вопросы маркируются восходящим пограничным акцентом LH% (Igarashi 2015; Maekawa et al. 2002; Venditti 2005), или, в другой интерпретации, H% (Ishihara 2017; Pierrehumbert and Beckman 1988), отличающим вопрос от повествовательного высказывания.

Что же касается данных о вариативности просодии японского частного вопроса, то отдельные указания на нее обнаруживаются в работе (Kawahara et al. 2022), направленной на экспериментальную проверку обсуждавшейся выше в 2.1 гипотезы Н. Ричардса о просодических причинах *wh*-передвижения. Данные исследования продемонстрировали существенные различия в степени компрессии постъядерных лексических тонов, причем различия были обнаружены как между испытуемыми, так и в речи одного и того же информанта. Вопрос о том, какие факторы, помимо особенностей идиолектов, обуславливают наблюдаемую вариативность, оставлен в работе без ответа. Как отмечают сами авторы, в их исследовании вопросы были представлены вне контекста, а следовательно, испытуемые могли самостоятельно представлять себе информационную структуру порождаемых высказываний. В связи с этим предлагается тщательнее контролировать в будущих экспериментах факторы, связанные с информационной структурой высказывания (Kawahara et al. 2022, 119).

В отличие от японского, корейский является примером языка, в котором *wh*-слова могут самостоятельно, без специальных морфологических показателей, выполнять функцию не только вопросительного слова, но и неопределенного местоимения, используемого в общем вопросе. В связи с этим просодия играет роль в различении омонимичных по сегментному составу вопросов разных типов. Экспериментальные исследования интонационных средств маркирования корейского вопроса (Jun and Oh 1996; Yun 2019; Yun and Lee 2022) продемонстрировали, что для различения информационных частных вопросов, общих вопросов и выражающих удивление частных эхо-вопросов используется комплекс просодических средств. Во-первых, различные правые пограничные тоны (подробнее о них см. в следующем абзаце) встречаются в этих типах фраз с неодинаковой частотой. Во-вторых, обнаруживаются различия в фонетической реализации высоких пограничных тонов: пики ЧОТ, соответствующие тону H из H% и LH%, в эхо-вопросах выше, чем в общих вопросах, а в общих вопросах выше, чем в информационных частных. В-третьих, пик ЧОТ, соответствующий ядерному тону H на *wh*-слове, имеет большую частоту в тех случаях, когда это слово выступает в роли вопросительного

слова, чем в тех случаях, когда оно является неопределенным местоимением. Наконец, исследования показывают, что ключевую роль в противопоставлении между корейскими общими и частными вопросами играет наличие или отсутствие границы акцентной фразы¹⁴ после *wh*-слова. В общих вопросах между неопределенным местоимением и следующим за ним глаголом располагается обязательная просодическая граница, таким образом, эти слова относятся к разным акцентным фразам. Напротив, в информационном частном вопросе *wh*-слово формирует с идущим за ним глаголом единую акцентную фразу.

Отдельного обсуждения заслуживают пограничные тоны, маркирующие в корейских вопросах конец интонационной фразы. В работе (Yun 2023) отмечается, что на протяжении долгого времени в описаниях корейского языка преобладало традиционное представление о том, что общие вопросы маркируются только высокими пограничными тонами, а частные вопросы и повествовательные высказывания – только низкими. Однако уже самые ранние экспериментальные исследования просодии (Jun and Oh 1996) показали, что в корейском частном вопросе возможны разнообразные пограничные тоны, в том числе восходящие (Н%, LH%, HL%, HLН% и L%). С.-А. Джун (2005) в своем предложении системы ToBI для корейского указывает на то, что пограничные тоны могут выполнять различные прагматические функции, однако отмечает недостаточную исследованность этой темы. Попытка описать прагматические значения корейских пограничных тонов представлена в работе (Yun 2023). Автор связывает выбор пограничного тона с распределением морфологических показателей, используемых в конце высказывания в корейском языке, выделяя три группы: нейтральное, вопросительное и выражающее приверженность (англ. *committal*) оформление фразы. Каждое из этих значений имеет один наиболее частотный просодический показатель (LH%, HL% и Н%, соответственно), однако соответствия между тонами и прагматическими значениями не являются однозначными и осложнены взаимодействием с частицами¹⁵.

Подобно корейскому языку, совпадение вопросительных и неопределенных местоимений в одной лексеме наблюдается и в севернокитайском (мандринском). В связи с этим ряд исследований на материале китайского языка был посвящен сравнению просодии идентичных по сегментному составу *wh*-вопросов и повествовательных высказываний (Gryllia et al. 2020; Liu, Li, and Jia 2016; Yang 2018; Yang et al. 2020). Эксперименты по порождению вопросительных фраз продемонстрировали, что для разрешения неоднозначности в таких высказываниях используется комплекс средств фразовой просодии.

¹⁴ Акцентная фраза (англ. *accentual phrase*, AP) – используемая для описания корейского языка единица просодической иерархии, средний уровень между просодическим словом и синтагмой (Jun 2005).

¹⁵ Особая роль частиц в прагматике корейского частного вопроса детально обсуждается также в работе (Kwon et al., 2021). Поскольку в этой статье речь идет о нефонетических средствах выражения прагматического значения, мы не будем обсуждать их здесь и вернемся к ним позднее в посвященном прагматике разделе 4.1.

Во-первых, динамический лексический тон на вопросительном слове реализуется с большим диапазоном изменения ЧОТ по сравнению с соответствующим неопределенным местоимением. Во-вторых, вопросительные слова характеризуются большей длительностью и интенсивностью. В-третьих, на слогах, следующих за вопросительным словом, наблюдается компрессия тональных движений. В этом отношении просодическое маркирование *wh*-слов в вопросах сближается с фокусной просодией (Yang et al. 2020). Наконец, в-четвертых, предшествующая вопросительному слову последовательность слогов произносится в более медленном темпе, причем эти различия воспринимаются носителями языка и позволяют им предсказывать модальность высказывания на основании начального отрывка фразы (Gryllia et al. 2020). Таким образом, в китайском языке вопросительность модифицирует просодию высказывания целиком, а не только ЧОТ в районе *wh*-слова и после него.

Персидский – это еще один язык с *wh-in-situ*, на материале которого проводились исследования с целью описать различия в просодическом оформлении повествовательных высказываний и частных вопросов. Эксперимент в (Shiamizadeh, Caspers, and Schiller 2019) показал, что в фарси вопросы последовательно произносятся с большим диапазоном движений ЧОТ по сравнению с утверждениями, а также имеют меньшую длительность сегментов. При этом акустические различия в основном были обнаружены в части фразы, предшествующей *wh*-слову; напротив, на участке, следующем за вопросительным словом, два типа высказываний различались только по одному признаку – значению ЧОТ в абсолютном конце фразы. Перцептивные эксперименты (Shiamizadeh, Caspers, and Schiller 2018) подтвердили, что носители языка могут успешно пользоваться акустическими «ключами» в предъядерной зоне, определяя тип высказывания уже по его первым двум слогам. Исследователями была предложена функциональная интерпретация обнаруженных различий между «предцентром» и «постцентром»: согласно их гипотезе, поскольку, в отличие от языков с *wh-ex-situ*, в фарси в начале фразы отсутствуют лексико-синтаксические указания на иллокутивную цель высказывания, возникает необходимость немедленно, уже в левой периферии, маркировать вопросительность, не оставляя слушающего «в неведении» вплоть до вопросительного слова. С другой стороны, после произнесения *wh*-слова потенциальная неоднозначность снимается и необходимость просодически маркировать вопрос отпадает. Добавим, что в процитированных работах отсутствуют подробные сведения о разных вариантах интонационного оформления персидского частного вопроса; только в (Shiamizadeh et al. 2019) отмечается, что наряду с преобладающим L% в отдельных случаях в данных эксперимента встречался пограничный тон H%.

Некоторые сведения о вариативности просодии частного вопроса обнаруживаются в описаниях интонации бенгальского языка¹⁶. Согласно данным

¹⁶ Бенгальский традиционно считается языком с *wh-in-situ* (Bayer and Cheng, 2017), однако альтернативная точка зрения представлена, например, в (Simpson and Bhattacharya,

(Hayes and Lahiri 1991; Mусock, Xu, and Lahiri 2021), вопросительное слово в бенгали оформляется тональным акцентом L^* , за которым следует пограничный тон H_p , маркирующий границу фонетического слова. Интонационное оформление *wh*-слова совпадает с фокусной просодией: вопросительное слово произносится с повышенным диапазоном движения тона, а следующие за ним слова деакцентуируются (Khan 2014). «Нейтральным» пограничным тоном традиционно считается $L\%$, однако возможны альтернативы. Так, в работе (Khan 2014) выделяются два основных способа просодического оформления *wh*-вопроса в бенгали, выбор между которыми, согласно наблюдениям автора описания, не всегда предсказуем и обычно обусловлен тем, как говорящий расценивает содержание вопроса с точки зрения противопоставления «данное/новое». Низким тоном $L\%$ оформляется вопрос, в котором содержится существенное количество данной информации, а при отсутствии общей с собеседником информации вопрос оформляется восходящим пограничным тоном $LH\%$. Особой просодией характеризуются эхо-вопросы о нерасслышанной информации; в них используется пограничный акцент $H\%$, совпадающий с просодическим оформлением общих вопросов.

Подводя итог этой части обзора, отметим, что исследования интонации частного вопроса в языках без передвижения вопросительного слова обладают рядом общих черт. В основном они сосредоточены на идентификации особых просодических средств оформления частного вопроса, отличающих его от других типов высказываний, в особенности при наличии локальной или полной омонимии на сегментном уровне. В большей части рассмотренных языков *wh*-вопросы характеризуются особой «фокусной просодией» (повышением тона или расширением диапазона ЧОТ в районе вопросительного слова в сочетании с деакцентуацией постъядерной части фразы). При этом, по сравнению с описаниями языков с *wh*-передвижением, пограничным тонам и их функциональной нагрузке в описаниях языков с *in situ* уделяется значительно меньше внимания.

2.3 Частный вопрос в описаниях русской интонации

Как уже было сказано выше в разделе 3.1, русский язык относится к группе языков, перемещающих вопросительные слова в левую часть фразы, однако допускает для *wh*-слов и неинициальные позиции. Вопросительные слова *in situ* в русском языке возможны в эхо-вопросах и в вопросах, намекающих на конкретный ответ (Логвинова 2024). Лексические средства, оформляющие русский частный вопрос, разнообразны: помимо форм вопросительных местоимений (*кто, что, какой, каков, чей, который, сколько, как, где, куда, от-*

2003). Следует отметить, однако, что факультативное передвижение *wh*-слова происходит не в позицию абсолютного начала фразы, а в позицию после субъекта перед предикатом. Таким образом, вне зависимости от конкретного синтаксического анализа, по просодическим характеристикам бенгали сближается с языками с *wh-in-situ*.

куда, докуда, козда, почему, отчего, зачем, насколько [Святогор 1980]), к ним относятся идиоматические сочетания с предлогами (*на что, к чему, при чем*), инвективами (*на кой + X, какого + X* и др.) и другими существительными (*с какой стати, на каком основании, каким образом* и др.) – см. полный список конструкций в (Логвинова 2024). Дополнительные прагматические значения могут выражаться в этом типе фраз постпозитивными частицами и местоимениями *бишь, еще, это, -то, там, такой, только* (Левонтина 2011; Логвинова 2024; Пекелис 2019; Yerbalanov and Philippova 2023).

Наиболее ранние сведения об интонации частного вопроса обнаруживаются в первом научном описании русской просодии, «Теории русской речевой интонации» В. Н. Всеволодского-Гернгросса. В работе представлен традиционный функциональный подход к интонации частновопросительных предложений: согласно автору, при наличии вопросительного слова «смысловое значение интонации падает, так как и без нее вопросительное значение ясно благодаря специальному члену» (Всеволодский-Гернгросс 1922, 51). Конкретные примеры интонации частного вопроса в работе отсутствуют, однако сообщается, что этот вид фразы в русском языке произносится с подъемом тона на вопросительном слове и падением тона в «логическом центре» высказывания (в терминах АМ-модели, на слове – носителе ядерного тонального акцента).

Аналогичный функциональный подход в своих работах использовал и А. М. Пешковский, называя его «принципом замены»: «чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот [...]» (Пешковский 1959, 181). В качестве примера в работе приводится вопрос «*Который час?*», который, по мнению А. М. Пешковского, в разговорной речи может «лишаться вопросительной интонации»; при этом отмечается, что в большинстве случаев «микроскопические признаки» вопроса все же сохраняются. В «Русском синтаксисе в научном освещении» (Пешковский 1928, 562) представлен, вероятно, первый в литературе стилизованный тональный контур интонации русского частного вопроса. На нем изображены два варианта падения тона в вопросе «*Что именно находилось в куче?*»: один с постепенным понижением от начала к концу фразы и второй с резким падением в начале фразы.

Еще одним ценным свидетельством об интонации русского частного вопроса первой половины XX века являются работы С. К. Боянуса (Boyanus 1935a; 1935b). В обширной главе о просодии, включенной в опубликованный на английском языке «Учебник русского произношения», исследователь выделил четыре «основных типа» русской интонации. Для описания тональных контуров в работе используются схемы с точками и линиями, напоминающие «диаграммы с головастиками» британской школы. Нейтральный частный вопрос, согласно наблюдениям С. К. Боянуса, произносится с интонацией первого типа, характеризующейся сильным падением тона на одном из последних слогов фразы. В примерах, состоящих из одного-двух слов, это падение является единственным тональным движением. Важно отметить, однако,

что исследователь не ограничивается короткими вопросами и приводит целый ряд примеров с тремя-четырьмя ударными слогами: «Сколько еще станций до Москвы? Где вы думаете встретиться с ним? Почему мы не сделали это сейчас же?» (Воянус 1935а, 60). Приведенная в тексте диаграмма однозначно указывает на то, что, с точки зрения С. К. Боянуса, подобные вопросы произносятся с несколькими тональными движениями, ассоциированными как минимум со всеми знаменательными словами. Автор характеризует нефинальные движения как «слегка восходящие» (англ. *slightly rising*), противопоставляя их типичным, по его мнению, английским градуальным падениям (Воянус 1935а, 59-60). Приводятся в работе и примеры фраз с особым выделением расположенного в левой периферии вопросительного слова и деакцентуацией следующих за ним слов: «Почему он не приходит? Где его найти?» Такое оформление частного вопроса, однако, рассматривается только как «интонация эмфазы», способ выражения контраста (Воянус 1935а, 75-77).

Кроме этого, говоря о третьем типе интонации, представляющем собой низкий тон на последнем ударном слоге фразы и финальное повышение тона¹⁷, С. К. Боянус отмечает, что им могут оформляться предложения, которые обычно произносятся с интонацией первого типа. Данное замечание, насколько нам известно, является первым в русской интонологии свидетельством об использовании восходящего пограничного акцента в вопросах с вопросительным словом. Отмечается, что вопросы, оформленные такой интонацией, приобретают новые оттенки значения в зависимости от контекста. В работе, однако, приводится только один пример такого оттенка значения в сочетании с контекстом: покровительственный (англ. *patronising*) тон врача, разговаривающего с пациентом: «Как себя чувствуем? Как живем? Как дела?» (Воянус 1935а, 69).

Первое экспериментальное исследование русской интонации, затрагивающее вопрос о просодическом маркировании частного вопроса, было проведено М. Петером (1955). С целью проверки уже упоминавшегося выше «принципа замены» А. М. Пешковского венгерский ученый записал и проанализировал в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета более 200 фраз, среди которых 20% составляли короткие частные вопросы со словом *кто*: «Кто прочтет это? Кто ходит туда? Кто напишет отчет?» В данных М. Петера отсутствует обсуждение вариативности контуров частного вопроса и фиксируются только конфигурации с «нисходящими тенденциями», которые «не отличаются от мелодического рисунка повествовательной фразы» (Петер 1955, 250). Отмечается, что «логическое ударение» частного вопроса может располагаться как на сказуемом¹⁸, так и на вопросительном слове. Также отмечается большой диапазон нисходящего

¹⁷ Впоследствии в системе Е. А. Брызгуновой этот контур получил название ИК-4.

¹⁸ Расположение ядерного акцента на сказуемом, вероятно, наблюдалось только во фразах с указательными местоимениями после глагола, поскольку оно вряд ли возможно во фразе с существительным в позиции прямого дополнения: «*Кто **НАПИШЕТ** отчет?».

движения тона в частновопросительных высказываниях по сравнению с повествовательными, но только во фразах с «сильным логическим ударением» на вопросительном слове. В целом в статье делается вывод о том, что в частных вопросах «вопросительная мелодика очень слаба и может совсем отсутствовать», поскольку максимум тона достигается уже в начале фразы и за ним не следует дальнейших повышений.

Похожим образом описывается интонация частного вопроса и в работе М. И. Матусевич (1976)¹⁹. Автор выделяет два основных типа русских тональных контуров: с восходящим и с восходяще-нисходящим тоном. Фразы с вопросительными словами имеют контур второго типа; для них предполагается сильное повышение тона на ударном слоге вопросительного слова и постепенное снижение тона вплоть до конца фразы. Отдельно в тексте обсуждаются частные вопросы с «выделительным ударением», или «переносом смыслового центра» («Куда он пошел?»). В них отмечается деакцентуация вопросительного слова (оно «несколько понижается и произносится на ровном тоне»), и последующее выделение конечного слова фразы средствами длительности и интенсивности.

В целом обзор ранних независимых от «модели ИК» описаний просодии русского частного вопроса показывает, во-первых, что их авторы рассматривали нисходящий контур как основной, если не единственно возможный, способ оформления местоименного вопроса. Исключение составляет описание С. К. Боянуса, фиксирующее частные вопросы с высоким пограничным тоном. Во-вторых, исследователи отчетливо воспринимали вопросительное слово как носитель просодической выделенности (кроме случаев деакцентуации при маркирующем фокус «сдвиге логического ударения»). В-третьих, все перечисленные описания допускали, что дополнительное движение тона может реализовываться на одном из следующих за вопросительным местоимением слов. Третье наблюдение, однако, как будет показано ниже, плохо соотносилось с теоретическими положениями доминировавшей в русистике во второй половине XX века модели интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой, в которой при анализе частных вопросов отдавалось предпочтение конфигурациям с единственным интонационным центром.

Интересно, что в первом описании русской интонации, созданном Е. А. Брызгуновой, «Практической фонетике и интонации русского языка» (Брызгунова 1963), строгое представление об одноцентровости отсутствует. В этой работе тональный контур частного вопроса носит название «третьего типа вопросительной интонации» и противопоставляется контурам общего вопроса и неполного вопроса с частицей *а*. Исследовательница использует традиционное понятие логического ударения; отмечается, что оно «выделяет вопросительное слово» и может «передвигаться с одного слова на другое,

¹⁹ Эта существенно более поздняя работа цитируется здесь в одном ряду с более ранними в связи с тем, что ее автор эксплицитно постулировала независимость своего подхода от системы ИК Е. А. Брызгуновой (Матусевич 1976, 244).

придавая различные смысловые оттенки предикату вопроса» (Брызгунова 1963, 255). В отличие от предшественников, Е. А. Брызгунова приравнивает частновпросительную интонацию не к повествовательной вообще, а только к просодии тех повествовательных фраз, в которых отдельное слово выделено логическим ударением (как правило, в качестве примеров приводятся фразы с различными типами узкого фокуса). Отмечается, что подлинная повествовательная интонация возможна во фразах с вопросительными словами, только если они выступают в функции заголовков («*Что такое северное сияние*»).

Важнее всего для настоящей работы то, что в ранней работе Е. А. Брызгуновой были зафиксированы сразу два направления вариативности интонации русского частного вопроса, впоследствии оказавшиеся на периферии в модели ИК. Во-первых, исследовательницей было отмечено регулярное наличие дополнительных тональных акцентов в пределах односитагменных частных вопросов: «...во многих [...] распространенных вопросительных предложениях возможно дополнительное логическое ударение» (Брызгунова 1963, 255-56). Во-вторых, в работе приводится указание на возможность оформления частного вопроса с инициальной *a* конфигурацией с восходящим пограничным тоном. Отмечается, что фраза «может иметь два варианта интонации: или такую, как в полном предложении, или такую, как в неполном вопросительном с союзом *a*» (Брызгунова 1963, 257). Ниже будут подробнее рассмотрены оба этих наблюдения о вариативности просодии частного вопроса, обсуждение которых в русской интонологической литературе впоследствии вылилось в содержательную дискуссию о «каноническом» контуре частного вопроса.

2.3.1 «Двухцентровость» мелодии русского частного вопроса

Итак, с выходом в свет статьи «Интонация и смысл предложения» (Брызгунова 1967), впервые представившей модель интонационных конструкций, «двухцентровый» анализ просодии русского частного вопроса был отодвинут на второй план как не соответствовавший теоретическим основам концепции Е. А. Брызгуновой, а точнее, ее принципу «одна синтагма – один центр ИК – (и одно исключение из этого правила)». В качестве нейтрального способа оформления частного вопроса в работе была указана ИК-2 (средний тон или незначительное повышение в предцентре, понижение тона в центре не ниже среднего уровня, понижение тона ниже среднего уровня в постцентре): «*Како²й у нее голос?*»²⁰. Для ИК-2 допускалось передвижение центра, но не его дублирование. Двухцентровость в модели Е. А. Брызгуновой является прерогативой особого контура ИК-5, используемого для «выражения восхищения в предложениях с местоименными словами» и характеризующегося повышением тона выше среднего на местоимении, дальнейшем сохране-

²⁰ Здесь и далее мы будем пользоваться надстрочными цифровыми индексами для указания на тип ИК в модели Е. А. Брызгуновой. Позиция индекса указывает на гласный в просодически выделенном слове – центре ИК.

нии тона выше среднего на слогах заударной части и понижения тона ниже среднего на одном из последних слогов: «*Како⁵й у нее го⁵лос!*». Поскольку основной аргументации для определения списка ИК являлся критерий «совместимости» (наличие омонимичных на сегментном уровне минимальных пар высказываний, различающихся только интонацией), примерам противопоставления между частными вопросами с ИК-2 и восклицаниями с ИК-5 уделяется особое внимание, приводятся подробные контексты их употребления (Брызгунова 1967, 38).

Важно, что допущение о существовании двухцентровых частных вопросов привело бы к размыванию этого противопоставления. Возможность оформления информационных частных вопросов наподобие «*Какой у нее голос?*» двумя разными конструкциями потребовало бы определения статуса смыслового различия между вопросами, оформленными ИК-2, с одной стороны, и двухцентрового контура частного вопроса, с другой. Различие это, однако, далеко не очевидно для носителей русского языка. Следующим шагом такого анализа должна была бы стать проверка фонетической идентичности между двухцентровыми контурами восклицания и вопроса. В том случае, если бы было установлено, что вопрос и восклицание последовательно различаются не только на семантическом, но и на фонетическом уровне (см., в частности, указания на особые темпоральные характеристики местоименных восклицаний в [Брызгунова 1967]), неизбежно встал бы вопрос о выделении еще одной «двухцентровой ИК» в дополнение к ИК-5.

Следует заметить, что в своих следующих работах Е. А. Брызгунова затрагивает вопрос о связи между интонацией нейтрального частного вопроса и ИК-5, причем решает его по-разному. Так, в статье «О смысловозначительных возможностях русской интонации» предлагается считать, что ИК-5 может оформлять частный «вопрос с досадой», и приводится пример «*Заче⁵м ты мне это сказа⁵л?!*» (Брызгунова 1971, 45) Остается без комментариев, однако, соотношение между потенциальными омонимичными «вопросами с досадой» («*Хватит мне лапшу на уши вешать, говори по делу. Како⁵й у нее го⁵лос?!*») и прототипическими для ИК-5 восхищенными восклицаниями. Далее, в «Звуках и интонации устной речи» двухцентровый частный вопрос (пример приведен в виде стилизованной иллюстрации контура с отчетливо заметными двумя движениями ЧОТ «*Что⁷ вы говори⁷те?*») и вовсе был охарактеризован как одна из «наиболее употребительных реализаций» ИК-2, которая «максимально сближается с ИК-5» (Брызгунова 1977, 197), но от которой ИК-5 отличается «большой длительностью центров». В качестве «нейтрального» частного вопроса при этом по-прежнему приводится пример с центром ИК-2 на вопросительном слове: «*Что² вы делаете?*». Сведения о том, как распределены в речи нейтральные и ненейтральные реализации ИК-2, не приводятся; отмечается только, что «близкое к ИК-5» оформление частного вопроса «снимает смысловую расчлененность предложения, создаваемую выделением одного слова».

В статье «Интонация» «Русской грамматики» (Брызгунова 1980а) сохраняется указание на прототипичность частного вопроса с центром ИК-2

на вопросительном слове: «*Когда² он приехал?*» (с. 100), «*Где² Павел будет жить?*» (с. 111), «*Кто² говорит?*» (с. 112)²¹. Что же касается двухцентрковой ИК-5, то ее использование в частном вопросе вновь допускается только в качестве «средства выражения нетерпения, досады» (Брызгунова 1980а, 116). Впоследствии эмоционально окрашенные «двухвершинные конструкции» и конструкции с «вершиной на предцентре» отмечаются в работе (Брызгунова 1984), однако не в связи с частными вопросами.

Таким образом, модель Е. А. Брызгуновой с ее подходом «одна синтагма – одна ИК» в целом игнорировала проблему неоднородного распределения просодической выделенности в пределах односинтагменного частного вопроса. Такое представление в существенной мере противоречило тому, как позиции тональных акцентов в этом типе фраз воспринимали другие исследователи русской интонации. В частности, Т. М. Николаева, не используя термины ИК, в сущности, описывает контур русского «собственно вопроса с вопросительным словом» как ИК-5: пик на ударном слоге вопросительного слова и резкое понижение тона на последнем ударном слоге предложения (Николаева 1977, 86-87). Более развернутая критика анализа частновопросительных предложений в модели Е. А. Брызгуновой представлена в работах Н. Д. Светозаровой, в частности, в статье «Интонация частного вопроса в русском языке и проблема протяженности релевантной зоны интонационного контура» (1978). Позволим себе привести развернутые цитаты из этой работы: «...в классификации Е. А. Брызгуновой [...] отражена лишь одна из возможностей интонирования вопросительных предложений с вопросительным словом – та, которая реализуется при особом подчеркивании вопросительного слова. [...] В русском языке широко распространен и другой тип интонирования частных вопросов, при котором отсутствует особое выделение вопросительного слова. Такое интонирование представляется нейтральным, в то время как подчеркивание вопросительного слова, уместное, например, при одном из видов переспроса, при первом произнесении вопроса нередко кажется резким, даже грубым». Это суждение впоследствии повторяется и в других работах Н. Д. Светозаровой (Светозарова 1982, 92; Svetozarova 1998, 272). Отметим, однако, что двухцентрковый контур частного вопроса не идентифицируется в работах исследовательницы как ИК-5: отмечается, что он «лишен свойственной ИК-5 восклицательности» (Светозарова 1982, 92).

Согласно анализу, представленному в (Светозарова 1978), нейтральный частный вопрос отличается от повествовательного предложения по четырем просодическим признакам: 1) убыстрение общего темпа произнесения; 2) отсутствие мелодических пиков, совпадающих с отдельными словами; 3) более высокий уровень тона в центральной части; 4) сложность опреде-

²¹ В основной статье об интонации обнаруживается только один пример с центром ИК не на вопросительном слове в нейтральном частном вопросе: «*Что идет в кинотеатрах?*» (Брызгунова 1980а, 112). При этом в написанных тем же автором главах раздела «Вопросительные предложения», включенного в том о синтаксисе, такие примеры встречаются довольно часто; см. (Брызгунова 1980б, 398).

ления места интонационного центра. В последнем различии и заключается собственно «проблема протяженности релевантной зоны интонационного контура», вынесенная в название работы: согласно Н. Д. Светозаровой, «в частном вопросе [...] интонационный центр как бы раздваивается между вопросительным словом [...] и последним словом». Таким образом, общая неприменимость инструментов модели ИК к анализу интонации частных вопросов приводит Н. Д. Светозарову к выводу о целесообразности введения в описание интонации «новых признаков, характеризующих, в частности, поведение отдельных слов внутри интонационного контура и протяженность зоны интонационного центра» (Светозарова 1978, 176-78). Одним из таких признаков является предлагаемое исследовательницей деление всех контуров на «сильно центрированные» (например, контур общего вопроса) и «слабо центрированные» (контур повествовательного высказывания и частного вопроса) – см. (Светозарова 1982, 111-12).

Восприятие полицентричности просодии частного вопроса наглядно отражено и в работах С. В. Кодзасова. Так, уже в работах 1980-х гг. исследователь отмечает, что для этого типа фраз характерны прежде всего «композиции акцентов», причем не только сочетание подъема и падения, похожее на ИК-5, но и последовательность из двух падений: «*Кому\ ты опять отдала *Булга\кова?»²² (цит. по Кодзасов 2009, 180). Другим примером композиции акцентов являются фразы с вопросительным словом *какой*, которое не только само несет акцент, но и требует акцента на определяемой им составляющей: «В како/=м бло=\ке его поселили?». В статье «Комбинаторная модель фразовой просодии» автор критикует представление о нейтральности вопросов с единственным во фразе усиленным падением тона на вопросительном слове. В отличие от Н. Д. Светозаровой, определявшей такие вопросы вне особого контекста как грубые и резкие, С. В. Кодзасов дает им определение «экзаменационных» (Кодзасов 2009, 21) – то есть, допустимых только при наличии у собеседников особых ролей, характерных для ситуации экзамена. Наконец, в работе «Фазовая символика тона» выдвигается предположение о прагматической основе дистрибуции между восходяще-нисходящим контуром и контуром с двумя падениями (/=\ и \=\ соответственно, в нотации автора). Предполагается, что выбор между двумя конфигурациями определяется «ролевыми отношениями участников дискурса»: нисходящий тон на вопросительном слове в начале фразы маркирует доминирующую позицию спрашивающего, его выступление с позиции «хозяина» ситуации: «Ты опять уходишь. Когда ты верне\шься?» (Кодзасов 2009, 108).

Наконец, отказ подходить к частному вопросу с мерилем одноцентральной ИК-2 характерен и для работ Т. Е. Янко. Акцентирование вопросительного слова (с деакцентуацией всех следующих за ним слов) трактуется в (Янко

²² При цитировании работ С. В. Кодзасова мы используем без изменений его транскрипцию, в которой символы «/» и «\» обозначают подъемы и падения ЧОТ соответственно; «=» – плато, участки ровного тона; «*» – просодически выделенное слово (факультативно).

2008, 42) как маргинальный инструмент просодии, используемый в первую очередь для выражения вторичной иллокуции, например, сетования и упрека: «Ну когда же придет Наташа?!». Кроме этого, исследовательница выделяет три случая, когда просодическое выделение вопросительного слова или соседних с ним слов связано с наличием признака контраста: использование слова именно («КТО ИМЕННО пришел?»), вопросы с *который* («КОТОРЫЙ из них пришел?») и собственно контрастное выделение вопросительного слова, обусловленное особой коммуникативной структурой высказывания («КТО пришел?» в том случае, если говорящий знает, что могли прийти разные люди, но пришли только некоторые из них [Янко 2001, 50]). Что же касается проблемы фонологической трактовки двухцентровости канонического частного вопроса, то она решается за счет отказа от холистического подхода Е. А. Брызгуновой. По сути, в работах Т. Е. Янко используются просодические единицы (акценты), близкие к тональным акцентам АМ-модели: в частности, ИК-5 рассматривается как последовательность восходящего и нисходящего акцентов (Янко 2001, 97-98), кроме того, «сосуществование» двух или трех акцентов допускается и в пределах односинтагменной повествовательной фразы. Такое «комбинаторное» (в отличие от «интегрального», см. [Янко 2001, 90]) описание позволяет успешно описывать также примеры частных вопросов с правой дислокацией темы, частотные в разговорной речи: «Серийно-но́ завод «Продмаш» какое́ оборудование производит?» (Янко 2001, 50).

В целом обзор литературы о «синтагматическом» (то есть, предполагающем разные варианты ассоциации акцентов с фонетическими словами внутри синтагмы) измерении вариативности русского частного вопроса демонстрирует, что в рамках системы Е. А. Брызгуновой ИК-2 с центром на вопросительном слове стала для русского частного вопроса своего рода прокрустовым ложем. Целая серия авторитетных описаний русской просодии содержит импрессионистические указания на несоответствие одноцентрового анализа Е. А. Брызгуновой эмпирическим данным, однако специальные экспериментальные исследования на эту тему до недавнего времени отсутствовали в литературе. Нам представляется, что композиционный подход АМ-модели, допускающий сосуществование предъядерных и ядерных тональных акцентов в пределах одной синтагмы, успешно решает проблему полицентричности частного вопроса; подробнее об этом пойдет речь ниже в главе 3.

2.3.2 Высокие пограничные тоны

В этом разделе будут рассмотрены имеющиеся в литературе свидетельства о «парадигматическом» измерении вариативности русского частного вопроса – то есть, о наличии у говорящего выбора между разными ядерными акцентами и пограничными тонами в одних и тех же контекстах, в первую очередь, о возможности оформления информационного частного вопроса восходящими тональными конфигурациями.

Как отмечалось выше, впервые данные об использовании высоких пограничных тонов в русском вопросе с *wh*-словом были приведены С. К. Боянусом;

исследователь интерпретировал этот тип просодии как способ выражения покровительственного тона (Voynus 1935a, 69). В ранней работе Е. А. Брызгуновой (1963, 256) также допускается оформление предложения с вопросительным словом при помощи нисходяще-восходящего контура, однако только для неполных вопросов с союзом *а*. Что касается полных частных вопросов, то в работах Е. А. Брызгуновой (1967, 1977, 1980а, 1980б) последовательно приводятся только указания на фразы с центром ИК-4 на вопросительном слове (а не на других словах фразы). Сообщается, что предложение с ИК-4 на вопросительном слове в полном частном вопросе воспринимается как «отчитывание», усиливает «оттенки недовольства и назидания»: «*Почему⁴ ты пришла так поздно?*».

При внимательном рассмотрении примеров из работ Е. А. Брызгуновой все же можно обнаружить, что примеры полных вопросов с центром ИК-4 в правой периферии фразы периодически приводятся исследовательницей: «*А куда вы собираетесь в э⁴том году?*» (Брызгунова 1977, 139); «*А на кого ты оставляешь ма⁴му?*» (Брызгунова 1977, 202); «*И большой был ко⁴нкурс тогда?*» (Брызгунова 1980а, 114). При этом во всех случаях прямо или косвенно указывается на то, что вопрос «связан сопоставительными отношениями с предыдущим предложением»; таким образом, оформление частного вопроса ИК-4 с центром не на *wh*-слове, видимо, рассматривалось Е. А. Брызгуновой только как обусловленное контекстом и служащее для маркирования особой информационной структуры фразы. Добавим, что аналогичной точки зрения в своих работах придерживался и С. В. Кодзасов, интерпретировавший ИК-4 в частном вопросе как «специальный показатель текстовой связности», используемый в цепочке реплик: «*[– Можно Ивана Ивановича? – Он только что ушел.] – А когда/ он придет\-е/т?*» (Кодзасов 2009, 108-09).

Другую группу частновопросительных предложений, оформление которых высоким пограничным тоном (но не ИК-4, а ИК-6) зафиксировано в описаниях русской просодии, составляют переспросы. Следует, однако, оговориться, что фразы, подпадающие под это определение в литературе, весьма разнообразны, и лишь некоторые из них принадлежат к частным вопросам. В настоящем разделе отметим, что к собственно вопросительным можно отнести, в первую очередь, уточняющие переспросы, касающиеся единственного «недостающего» элемента информации в общем знании собеседников: «*В како⁶й аудитории будет лекция?*» (Брызгунова 1980а, 118); «*Когда⁶, ты говоришь, отходит поезд?*» (Брызгунова 1980б, 399). К той же группе относятся и краткие вопросы о нерасслышанной информации: «*[– Эта книга стоит два рубля.] – Ско⁶лько?*»; а также проясняющие референцию местоимений: «*[– Антон придет туда в четыре часа.] – Куда⁶ Антон придет в четыре часа?*»²³. Не являются частными вопросы, полностью или частично повторяющие вопрос собеседника: с точки зрения просодии, они устроены как общие

²³ Последний тип фраз является наиболее частотным и естественным контекстом для русских вопросов с *wh-in-situ*: «*Антон придет куда⁶ в четыре часа?*».

(Брызгунова 1980б; Ок 1998, 14): *«Прости, я не расслышала твой вопрос. Куда поехала Голова³нова? В Москву, конечно».*

Особое внимание русским частным вопросам с ИК-6 уделено в работе М. Г. Безяевой (Безяева 2006). Отталкиваясь от выделенного ей инвариантного, то есть общего для всех употреблений, значения ИК-6, заключающегося в «привлечении внимания к [...] “закадровой информации”», исследовательница приводит ряд примеров использования этой восходящей конфигурации в вопросах, не являющихся классическими переспросами: говорящий может так оформлять свой частный вопрос ИК-6 не только в ситуации «знал, но забыл», но и в «этикетном вопросе», когда говорящий не хочет или стесняется признаваться в своей неинформированности: *«Когда⁶ у Ани день рождения? Сколько⁶ лет твоему сыну?»* (Безяева 2006, 27-28)

Наконец, на периферии класса частновопросительных предложений находятся регулярно упоминающиеся в работах русских интонологов (Брызгунова 1977, 206; Брызгунова 1980а, 118; Вольская и Скредин 2009, 38; Кодзасов 2009, 109; Янко 2008, 111) вопросы, выражающие недоумение и сожаление: *«И почему он не поехал?.. Куда я положил ключ?..»* По своей функции они приближаются к восклицаниям: задавая этот вопрос, говорящий не ожидает ответа собеседника; такие вопросы скорее характерны для внутреннего монолога или его имитации. Недоумение и сожаление связаны, по выражению С. В. Кодзасова, с «продолжающимися попытками говорящего преодолеть интеллектуальные трудности» (Кодзасов 2009, 116). В некоторых из процитированных выше исследований этот контур идентифицирован как ИК-6 или ее модальная реализация. Согласно нашим данным, его следует интерпретировать как тональную конфигурацию, соответствующую ИК-4 модели Е. А. Брызгуновой. Если бы этот тип вопроса был оформлен тональной конфигурацией типа ИК-6, потенциально омонимичными стали бы вопросы в примерах (1) и (2):

- (1) *Ума не приложу... Для кого он купил так много игрушек?.. Может быть, по ошибке...*
- (2) *Напомни, пожалуйста. Для кого он купил так много игрушек? Ты мне говорил, но я забыла.*

Фонетические данные о реализации контура, маркирующего этот тип прагматического значения, показывают, что для контура недоумения могут быть характерны типичные свойства ИК-4 Е. А. Брызгуновой: низкое плато в районе ударного гласного просодически выделенного слова и нестабильный поздний тайминг конца восходящего движения. Вопрос о том, как распределены ИК-4 и ИК-6 в описанном контексте, требует дальнейших исследований.

Итак, имеющиеся в литературе данные об использовании восходящих контуров для маркирования частного вопроса в русском языке многочисленны, однако во всех случаях оформленные таким образом фразы характеризуются как «ненейтральные», маргинальные: согласно оценкам русских интонологов, выбор высокого пограничного тона в *wh*-вопросе должен быть либо обусловлен содержанием предыдущих высказываний («цепочка реплик»;

«сопоставительные отношения»; переспрос о нерасслышанной информации; уточнение референции местоимения), либо желанием говорящего выразить дополнительный прагматический элемент значения («покровительственный тон», «отчитывание/недовольство/назидание», «недоумение/сожаление»). Нам представляется, что спектр этих значений может быть систематизирован с учетом новых экспериментальных данных и представлен в виде единой модели интонационных средств маркирования прагматики частного вопроса. Первая версия такой модели будет предложена ниже в главе 4.

2.4 Итоги

В главе 2 был представлен обзор литературы, посвященной интонации частного вопроса. Были кратко рассмотрены основные направления фонетических исследований на материале языков с вопросительным словом *ex situ* и *in situ*. Обзора нескольких наиболее подробно описанных просодических систем достаточно, чтобы убедиться, что типологические обобщения, приведенные в начале раздела 2.2, в целом не могут претендовать на универсальность. Так, в рассмотренных выше языках низкие пограничные тоны действительно чаще являются основным способом оформления информационных частных вопросов, однако Н% как прототипический маркер границы частного вопроса вовсе не редкость: он отмечен, например, в греческом, нескольких региональных вариантах итальянского и японском. Что же касается совпадений между просодией частного вопроса и повествовательных предложений, они наблюдаются в отдельных случаях, особенно при маркировании узкого фокуса, однако все экспериментальные исследования на эту тему демонстрируют, что омонимия избегается за счет комплекса дополнительных просодических средств (темп, фонация, регистр).

Особое внимание в обзоре было уделено тому, как исследователи различных языков интерпретируют функции вариантов интонационного оформления частного вопроса. В литературе об английском и немецком языках встречаются отдельные попытки дать интерпретацию вариативности с точки зрения прагматики и информационной структуры высказывания, однако в большинстве описаний авторы лишь ограничиваются указанием на то, что «непрототипические» контуры обычно маркируют элементы значения, связанные с лингвистической вежливостью. Следует, однако, отметить, что конкретные механизмы, по которым та или иная часть просодического оформления контура частного вопроса становится в восприятии носителей языка грубой или вежливой, предлагаются лишь в отдельных работах (в частности, в процитированных исследованиях на материале английского, греческого и иврита).

Наконец, специфика описаний просодии русского частного вопроса, рассмотренных в разделе 2.3, заключается в том, что наблюдаемые варианты интонации этого типа фразы в силу ограничений, накладываемых теоретическими основами модели ИК, часто либо игнорировались, либо рассматривались исключительно как показатели маргинальных прагматических оттенков

значения. Несмотря на богатство дескриптивной литературы о русской интонации, в русистике до недавнего времени отсутствовали экспериментально-фонетические исследования, посвященные просодии этого типа фразы. Новые экспериментальные и корпусные данные об интонации русского информационного частного вопроса будут представлены в следующей главе.

Вариативность просодии русского частного вопроса

3.1 Экспериментальные и корпусные данные

Настоящая глава является центральной частью исследования и преследует в первую очередь дескриптивные цели. В ней будут представлены имеющиеся в нашем распоряжении данные о просодическом маркировании информационного частного вопроса в русском языке. Под информационным вопросом, или собственно вопросительным предложением, мы здесь понимаем такие оформленные специальной просодией высказывания, «цель которых – выяснить неизвестное в ситуации» (Брызгунова 1977). Таким образом, в настоящей главе не будут рассматриваться не способные иметь даже потенциального ответа восклицания с вопросительным словом («*Какой прекрасный день! А где я побывала! Куда ему в университет!*»), а также два типа вопросов, имеющих потенциальный ответ, но не предполагающих активного участия собеседника: риторические вопросы и недоуменные вопросы, свойственные внутреннему монологу. Эти и другие «периферийные» вопросы будут обсуждаться в главе 4.

В отличие от большинства существующих описаний интонации русского частного вопроса (см. обзор в разделе 2.3), в настоящем исследовании сведения о просодии в этом типе высказывания будут представлены на основе эмпирических данных двух типов: экспериментальных и корпусных. Нам представляется, что именно комбинация этих методов изучения интонации позволяет компенсировать отдельные недостатки каждого из них и приблизиться к объективному описанию наблюдаемых просодических явлений.

Экспериментально-фонетический метод широко используется в интонологии и имеет ряд неоспоримых достоинств. Прежде всего, он позволяет исследователям контролировать сегментный состав стимулов, используемых в эксперименте, что особенно важно при изучении интонации. Как известно, с артикуляционной точки зрения изменения ЧОТ достигаются за счет изменений частоты вибрации голосовых связок. В связи с этим на участках интонограммы, соответствующих гласным и звонким (в особенности сонорным) согласным, мелодическая кривая представляет собой ровную непрерывную линию, формальное описание которой при помощи акустических параметров высоты и тайминга является тривиальной с технической точки зрения задачей. Напротив, при произнесении глухих согласных голосовые связки находятся в неподвижном состоянии, в связи с чем на соответствующих участках кривая ЧОТ либо прерывается, либо ненадежно отслеживается компьютерными алгоритмами. Несмотря на то, что просодия в речи, характеризующейся особыми типами фонации, в частности при шепоте, становилась объектом экспериментальных исследований (на материале русского языка опубликована работа [Petrushin et al. 2010], см. также [Zygis et al. 2017] на материале польского), задача моделирования интонации на основе спектральных и связанных с интенсивностью параметров, компенсирующих отсутствие ЧОТ, к настоящему моменту не решена. В связи с этим в экспериментах обычно используются стимулы, содержащие как можно большее количество гласных и звонких согласных.

Экспериментальный метод также дает инструменты для того, чтобы контролировать иные факторы, способные оказать влияние на просодию фразы: информационную структуру высказывания, левый контекст, роли собеседников и отношения между ними, индивидуальные социолингвистические характеристики говорящего (пол, возраст, территориальная разновидность используемого им языкового варианта и др.). Слово «контролировать» в данном случае может иметь два значения. С одной стороны, исследователи интонации могут намеренно исключать влияние того или иного фактора: например, выбирать только носителей русского литературного произношения или записывать только определенные типы переспросов, строго заданные левым контекстом. С другой стороны, часто бывает так, что в экспериментах именно такие факторы становятся объектом исследования: например, сопоставляются стратегии просодического маркирования того или иного типа фразы в речи носителей двух региональных вариантов одного и того же языка, либо же сравнивается просодия в одинаковых по сегментному составу прототипических вопросах и переспросах.

В связи с тем, что экспериментальный метод сбора данных о просодии обычно предполагает работу с относительно большим количеством информантов, полученные данные позволяют проводить статистический анализ. Наконец, ключевым преимуществом экспериментального метода является воспроизводимость исследований: предполагается, что полученные результаты могут быть в той или иной степени повторены, или реплицированы, при проведении нового эксперимента с использованием идентичной методологии.

В настоящей работе будут использоваться данные трех опубликованных или находящихся в печати экспериментальных исследований, посвященных интонации русских частных вопросов.

Первым источником экспериментальных данных послужит работа (Дурягин 2021a), посвященная факторам, влияющим на вариативность просодии русского частного вопроса. В рамках исследования от двадцати носителей литературного произношения (15 женщин и 5 мужчин, средний возраст – 26,5 лет, $\sigma^1 = 5,7$) были записаны в общей сложности 360 произнесений вопросов с вопросительными словами *где*, *когда* и *почему*, см. примеры (1) – (3).

- (1) *Где она работает?*
- (2) *Когда он приехал?*
- (3) *Почему вы ему не позвонили?*

Все стимулы были записаны в диалогах на бытовые темы, состоявших из четырех-пяти реплик. Участники эксперимента сначала знакомились с текстом диалога на экране компьютера, а потом разыгрывали диалоги «по ролям» вместе с экспериментатором. Целевой стимул (частный вопрос) всегда содержался во второй фразе испытуемого и предварялся повествовательным предложением. Единственное знаменательное слово в частных вопросах – глагол – во всех случаях отсутствовало в левом контексте и было «новым» (точнее, не было лексически данным) в информационной структуре фразы.

Далее все стимулы были модифицированы по двум параметрам. Во-первых, были записаны аналогичные диалоги, в которых второе или последнее слово фразы (субъект или предикат, соответственно) являлось носителем контрастного или корректирующего фокуса, см. примеры со словом *почему* в (4) – (5):

- (4) Испытуемый: *Вы Сереже сказали, что мы в парк идем?*
 Экспериментатор: *Мы ему записку на столе оставили. И еще сообщение на «Фейсбуке» написали.*
 Испытуемый: *Да он же эти сообщения никогда не читает! Почему вы ему не позвонили?*
 Экспериментатор: *Он что, читать не умеет? Ладно, давай сейчас позвоним.*
 Испытуемый: *Звоните скорее, а то он обидится.*
- (5) Испытуемый: *У Саши сегодня день рождения. Вы не забыли ему позвонить?*
 Экспериментатор: *Кажется, ему звонила моя сестра. И Вова его точно поздравлял.*
 Испытуемый: *Я не сомневалась, что Вова позвонил. Почему вы ему не позвонили?*
 Экспериментатор: *У нас не было времени.*
 Испытуемый: *Ну тогда звоните сейчас. Лучше поздно, чем никогда.*

¹ Здесь и далее этим символом мы будем обозначать среднеквадратичное, или стандартное, отклонение от среднего значения.

Помимо манипулирования информационной структурой высказывания, в дизайне эксперимента был предусмотрен еще один фактор: наличие/отсутствие в тексте вопроса инициальной частицы *а*. Включение в дизайн эксперимента этого параметра было связано с гипотезой о том, что он может влиять на выбор носителями русского языка того или иного контура оформления, а именно что наличие частицы может значительно увеличивать вероятность использования тональных конфигураций, завершающихся высоким пограничным тоном. Таким образом, все стимулы, включая примеры, представленные в (1) – (5), были дополнительно записаны с частицей *а* с сохранением диалогического контекста.

Вторым источником экспериментальных данных в настоящей главе станет материал исследования (Duryagin and Knyazev 2022). Этот эксперимент был посвящен сравнению фонетической реализации нисходящих ядерных тональных акцентов в речи носителей двух региональных вариантов современного русского языка: центрального (московского), соответствующего литературному произношению, и северного, характеризующего речь городских жителей крупных городов Вологодской области – Вологды и Череповца. Одним из контекстов, использовавшихся для элицитации тональных акцентов, был частный вопрос с двусложными вопросительными словами *кому, кого, когда, за что, на чем и за кем* в позиции после субъекта перед предикатом:

- (6) Экспериментатор²: *Алена уже позвонила и попросила помочь ей с переездом.*
 Испытуемый: *Понятно. Она кому позвонила? Антону?*
 Экспериментатор: *Нет, как всегда, Никите.*

Выбор стимулов с такой позицией вопросительного слова был связан с необходимостью записать как можно большее количество произнесений частного вопроса с нисходящими акцентами типа ИК-2 системы Е. А. Брызгуновой. В общей сложности от 14 носителей литературного произношения, проживавших в Москве и Московской области с рождения или с двухлетнего возраста (11 женщин, 3 мужчины; средний возраст 21,9 лет, $\sigma = 2,3$), было записано 84 произнесения частных вопросов. Поскольку объектом настоящего исследования является современный русский литературный язык, для его целей мы не будем использовать данные о просодии в речи носителей северного варианта.

Наконец, третья часть базы экспериментальных данных о русском частном вопросе была собрана в рамках исследования (Duryagin and Stepanov in preparation). Это исследование является продолжением пилотного эксперимента, представленного в (Duryagin and Stepanov 2021). Оно посвящено просодии множественных частных вопросов (англ. *multiple wh-questions*) – вопросов, содержащих более одного вопросительного слова. В рамках этого экспери-

² В рамках этого эксперимента, в связи с необходимостью исключить влияние региональной разновидности речи собеседника на информантов, в качестве речи экспериментатора использовались синтезированные фразы.

мента стимулы предварялись короткой историей, описывающей контекст коммуникации; кроме того, все вопросы произносились не в изоляции, а в паре с повествовательным предложением.

Прежде всего, в материалы эксперимента были включены «одиночные» (то есть, с одним *wh*-словом *кого*, *кому*, *когда* или *куда*) вопросы, состоящие из трех слов: за начальным вопросительным словом следовало близкое по сегментному составу личное или указательное местоимение (*его*, *ему*, *тогда* или *туда*):

- (7) Контекст: Твой знакомый рассказывает, что его сын ездил с классом на экскурсию на ферму. Мальчик остался в полном восторге и теперь хочет стать ветеринарным врачом. Тебе интересно, каких животных ребенок видел на ферме. Ты спрашиваешь у своего знакомого:
Ты сказал, что Вове очень понравились животные на ферме. Кого ему показали?

Кроме этого, в материалы эксперимента были включены множественные частные вопросы, включающие те же перечисленные выше *wh*-слова в двух возможных порядках, а также с сочинительным союзом *и* и без него. Таким образом, например, в материалах эксперимента были представлены близкие по сегментному составу к (7) вопросы (8) и (9), а также соответствующие им вопросы с переменной мест *wh*-слов (10) и (11):

- (8) *Кого кому подарили?*
(9) *Кого и кому подарили?*
(10) *Кому кого подарили?*
(11) *Кому и кого подарили?*

Следует оговориться, что в эксперименте похожие стимулы были распределены по нескольким наборам таким образом, чтобы каждый испытуемый произносил только один из четырех вариантов с одними и теми же вопросительными словами. Например, из четырех похожих фраз с комбинацией слов *кому* и *кого*, приведенных выше в (8)-(11), каждому испытуемому могла достаться только одна. В результате распределения стимулов по наборам в общей сложности от 32 носителей литературного произношения (24 женщины, 8 мужчин; средний возраст 23 года, $\sigma = 3,0$) были записаны 368 частных вопросов: 192 «одиночных» и 176 множественных.

Таким образом, общий объем экспериментальных данных о русском частном вопросе, на которые мы будем опираться в настоящей главе, составляет 793 наблюдения³, собранные в рамках трех разных экспериментов в Москве в 2019-2021 гг.

³ Небольшое количество наблюдений было исключено в каждом из исследований либо в связи техническими недостатками записей, не позволяющими отследить ЧОТ, либо в связи с ошибками при прочтении стимулов информантами: 9 в (Дурягин 2021a) и 10 в

Безусловно, данные фонетических экспериментов имеют свои ограничения. Основные претензии к экспериментальным исследованиям в области вопросительной просодии заключаются в том, что используемые в них искусственно подобранные стимулы могут быть нетипичны для естественной коммуникации. Так, в работе (Sangemi et al. 2023) были проанализированы вопросы, собранные в результате двухчасового общения двух носителей британского варианта английского языка, обсуждавших по онлайн-связи правила настольной игры. Проведенный авторами анализ показал, что в их корпусе, состоявшем из 140 вопросов, только 39 были оценены разметчиками как прототипические или скорее прототипические (получили от разметчиков по этому критерию оценки от 7 до 9 по девятибалльной шкале Ликерта). Таким образом, авторы исследования указывают на относительную редкость «классических» информационных вопросов в спонтанной речи по сравнению с иными вопросительными высказываниями (переспросами, вопросами-утверждениями и проч.).

Далее следует обратить внимание на то, что в описанных в этом разделе экспериментальных данных о русском частном вопросе преобладают токены с вопросительными словами, содержащими звонкие согласные (*кому, кого, когда, куда*), и отсутствуют иные частотные *wh*-слова, не столь удобные для отслеживания тональной кривой (*кто, что, как, какой* и проч.). Безусловно, такой перекоп не отражает реальную частотность лексем. Наконец, метод элицитации, применявшийся в трех описанных выше экспериментах, имеет свои особенности. Во всех случаях испытуемые читали вслух представленные на экране компьютера примеры. Им эксплицитно предлагалось произносить фразы «в естественной манере», так, как они бы делали это «в обычной жизни». Хотя такой традиционный метод по-прежнему является основным в экспериментальной фонетике (см. подробную аргументацию в защиту «лабораторной» речи в [Ху 2010]), его использование в качестве источника выводов о том или ином фонетическом явлении рискует оставить без внимания явления, который могут случайно или закономерно не встретиться при чтении носителями языка подготовленных текстов. Поэтому с целью сбалансировать характеристики экспериментальных материалов было принято решение дополнить описание интонации русского частного вопроса, представленное в настоящей главе, данными корпуса звучащей речи.

Каким мог бы быть идеальный источник корпусной информации для исследований просодии вопросительных предложений? Представляется, что такой корпус должен не только содержать записи спонтанной звучащей речи носителей литературного произношения, но и иметь преимущественно диалогический характер, поскольку информационные вопросы, очевидно, нехарактерны для монологов. В идеале этот корпус также должен содержать серии похожих ситуаций, позволяя сравнивать стратегии просодического

(Duryagin and Stepanov in preparation). Сведения приводятся без учета данных о множественных частных вопросах, о которых см. раздел 3.3.

маркирования элементов значения разных носителей языка, преследующих одинаковые коммуникативные цели на одинаковом лексическом материале. Например, для сбора таких данных хорошо подходят интерактивные игры, основанные на описании маршрута по карте одним собеседником другому (англ. *map task*). Классическим примером корпуса звучащей речи такого типа является англоязычный *HCRC Map Task Corpus* (Anderson et al. 1991), впоследствии эта методология неоднократно применялась для создания корпусов на различных языках мира, см., например, обзор в (Lemmenmeier-Batinić, Batinić, and Escher 2023, 1609-10).

Мы вынуждены констатировать, что в настоящее время в общем доступе отсутствуют источники корпусных данных о русском языке, удовлетворяющие перечисленным выше критериям. Интернет-ресурсы «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (Кибрик и др. 2024) и «Корпус русской устной речи» (Слепокурова и Риехакайнен 2024) содержат ценный просодически размеченный материал, но подавляющее большинство текстов в них монологические. Напротив, Мультимедийный русский корпус, входящий в состав Национального корпуса русского языка (Савчук и др. 2024), является богатейшим источником диалогической речи. По состоянию на начало 2024 года он содержит более 5 млн словоупотреблений, в основном из советских и российских кинофильмов 1930–2000-х годов⁴. В настоящем исследовании было принято решение привлечь для анализа данные одного фрагмента этого ресурса – Мультимедийного параллельного корпуса (далее – МультиПарК), а точнее его русской части, которая содержит различные кино- и театральные адаптации трех классических произведений русской литературы: «Ревизора» Н. В. Гоголя (9 постановок), «Вишневого сада» и «Дяди Вани» А. П. Чехова (4 и 5 постановок соответственно). Важнейшее преимущество этого ресурса для целей фонетических исследований заключается в том, что большая часть⁵ вхождений повторяются в нем несколько раз в произнесении разных актеров. Это особенно важно для исследования лингвистических явлений, характеризующихся вариативностью, таких как, например, интонация частного вопроса. Добавим, что использование кино- и театральных постановок при изучении интонации, безусловно, должно основываться на допущении о том, что профессионализм актеров позволяет им при произнесении вслух выученных наизусть текстов приблизиться к характеристикам, свойственным спонтанной речи, порождаемой в контекстах реальной коммуникации – допущении, которое мы считаем возможным сделать применительно к классическим и современным постановкам, представленным в МультиПарКе.

Итак, содержащиеся в русском МультиПарКе частные вопросы были проанализированы с помощью программы *Praat* (Boersma and Weenink, 2024).

⁴ Кроме фильмов и театральных постановок, в корпусе представлены записи устной публичной и непубличной речи, а также художественного чтения.

⁵ Поскольку многие адаптации сокращают или меняют оригинальный текст пьес, некоторые вхождения могут отсутствовать или встречаться в корпусе однократно.

Драматические произведения включают большое количество фраз указанного типа: в тексте «Ревизора» удалось обнаружить не менее 237 примеров, в «Дяде Ване» – не менее 102, в «Вишневом саде» – не менее 103. Нецелесообразность полного анализа всех токенов МультиПарКа связана в первую очередь с техническими причинами: в значительной части вхождений не представляется возможным отследить ЧОТ в *Praat* либо в связи с низким качеством записи и сильным фоновым шумом, либо в связи с наличием музыкального сопровождения. В первую очередь эти ограничения касаются театральных постановок. Тем не менее, многократное прослушивание позволяет часто определить тип тональной конфигурации даже в этих примерах, и при дальнейшем изложении мы будем последовательно дополнять записи из экспериментов теми корпусными данными, в которых оказался возможен не только акустический, но и аудиальный анализ.

3.2 Интонационное оформление частного вопроса

В разделах 3.2.1–3.2.3 будут представлены данные об основных способах оформления русского частного вопроса, сгруппированных по типу ядерной тональной конфигурации. Под этим термином мы понимаем совокупность ядерного тонального акцента и тонов границы. Напомним, в АМ-модели ядерным тональным акцентом называется тон или совокупность тонов, ассоциированных с вершиной просодической иерархии интонационной фразы – ударным слогом слова, обладающего наибольшей просодической выделенностью в синтагме. Как правило, наиболее выделенным (и, следовательно, ядерным) является последний тональный акцент синтагмы. Эта закономерность, однако, не считается абсолютной, и в некоторых описаниях также присутствуют постъядерные тональные акценты, выделяющие то или иное слово, но слабее, чем одно из слов, предшествующих ему в синтагме. Следует, однако, сразу оговориться, что в проанализированных нами данных о русских частных вопросах очевидные кандидаты на роль постъядерных тональных акцентов отсутствуют – таким образом, во всех рассмотренных ниже случаях мы будем рассматривать последний тональный акцент фразы как ядерный, за которым следуют только тоны границы: фразовый и пограничный⁶.

Важно отметить, что, хотя ядерный тональный акцент всегда является последним во фразе, он совершенно необязательно является единственным. Часто во фразах, состоящих из нескольких слов, ядерному акценту предшествуют предъядерные тональные акценты. Одному и тому же ядерному акценту могут предшествовать разные предъядерные; в этой главе, однако, такие ядерные конфигурации будут объединены в одну группу: например, конфигурации $H+L^* L-L\%$ могут предшествовать предъядерные H^* или $H+L^*$, либо же предъядерного акцента может не быть. В результате фразы, оформленные мелодиями $H+L^* L-L\%$, $H+L^* !H+L^* L-L\%$ и $H^* H+L^* L-L\%$, попада-

⁶ О причинах введения в описание русской просодии фразовых тонов см. раздел 1.3.3.

ют в одну и ту же группу, описанную в разделе 3.2.1; туда же следует отнести конфигурации с двумя предъядерными акцентами, возможные, например, во множественных частных вопросах (отдельно о них см. раздел 3.3). Наконец, при дальнейшем изложении к одной и той же группе будут отнесены токены с разной ассоциацией ядерного тонального акцента при условии, что они оформлены одной и той же конфигурацией (например, оформленные $H+L^*$ $L-L\%$ вопросы с узким фокусом «Почему вы ему не позвонили?» и «Почему вы ему не позвонили?»).

Следует также особо оговориться, что в настоящей главе мы будем намеренно ограничиваться фонетическим описанием контуров и предложениями по их фонологическому анализу, избегая при этом прагматических интерпретаций использования той или иной мелодии информационного частного вопроса; к вопросам прагматики основных ядерных конфигураций русского частного вопроса мы вернемся далее в главе 4.

3.2.1 Ядерная конфигурация $H+L^*$ $L-L\%$

Наиболее часто встречающимся способом интонационного оформления частного вопроса как в экспериментальных, так и в корпусных данных является тональная конфигурация, характеризующаяся понижением тона с высокого уровня до низкого в пределах ударного слога наиболее выделенного слова фразы и последующим сохранением низкого уровня ЧОТ вплоть до конца фразы. Она была зафиксирована в 73,2% (257 из 351) токенов в (Дурягин 2021a), в 95,2% (80 из 84) токенов в (Duryagin and Knyazev 2022)⁷ и в 62,6% (224 из 358) токенов в (Duryagin and Stepanov in preparation). Ядерный тональный акцент автоматически остается единственным во фразе в том случае, если фраза состоит только из вопросительного слова либо из *wh*-слова в сочетании с местоимениями или служебными частями речи, которые обычно не принимают тональных акцентов и составляют «интонационное целое» (ср. Ковтунова 2002, 54-55) с соседними знаменательными словами (см. многочисленные примеры такого типа из текста «Ревизора» в МультиПарКе: «Как это? Сколько там? Где ж они? Да на что мне она?»). Примеры оформления единственным тональным акцентом фраз, включающих более одного знаменательного слова, немногочисленны, хотя и встречаются в экспериментальных данных. Так, на Рис. 5 представлен информационный частный вопрос «Когда он приехал?» из (Дурягин 2021a), в котором глагол деакцентуирован, несмотря на то, что он не является лексически данным (непосредственно эта лексема не активируется в предыдущих фразах диалога, хотя ситуация появления человека и обсуждается в контексте). Напомним, именно такое оформление частного вопроса признается основным немаркированным в модели ИК.

⁷ Такое преобладание связано с синтаксической структурой стимулов, составленных специально для того, чтобы записать как можно большее число фраз с нисходящим контуром – основным объектом исследования.

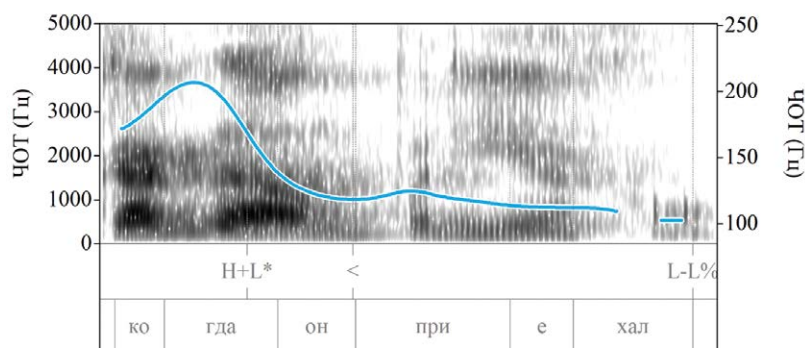

Рисунок 5 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Когда он приехал?»

Далее важно отметить, что в том случае, если вопросительное слово перемещается из инициальной позиции в позицию после субъекта, оно регулярно становится носителем ядерного акцента, а следующие за ним слова обычно деакцентуируются. Большое количество фраз такого типа было записано в рамках исследования (Duryagin and Knyazev 2022), см. один из таких примеров на Рис. 6⁸. Отдельное внимание в работе (Duryagin and Knyazev 2022) было уделено сравнению фонетических характеристик нисходящего движения тона в частных вопросах с перемещением вопросительного слова и в невопросительных высказываниях с узким (корректирующим) фокусом (ср. «Они кому позвонили?» и «[Они не Сашу], они Фому пригласили!»). Статистический анализ измерений тайминга и диапазона падения ЧОТ с использованием смешанных линейных моделей регрессии⁹ не обнаружил значимых различий между двумя синтаксическими контекстами; таким образом, данные о фонетической реализации подтверждают преобладающее в литературе мнение о том, что частный вопрос и узкий фокус повествовательных высказываний в русском языке маркируются одним и тем же тональным акцентом.

Данные эксперимента (Дурягин 2021а) демонстрируют, что аналогичным способом узкий (в данном случае контрастный) фокус оформляется и в частновопросительных предложениях. В рамках исследования были записаны вопросы с корректирующим фокусом на субъекте и предикате (например, «[А] Где жена работает? (А не муж)» и «[А] Где она РАБОТАЕТ? (А не живет)»). Падение тона на ударном слове – носителя фокуса (без

⁸ Аналогичным способом оформляются вопросы этого типа и в данных МультиПарКа, ср. например, оформление вопроса «Вы куда ж теперь, Варвара Михайловна?» в трех постановках «Вишневого сада».

⁹ Читатель может ознакомиться с детальными описаниями процедур статистического анализа в тексте процитированных статей, а также в онлайн-приложениях к ним.

предъядерных акцентов) оказалось преобладающим (хотя и не единственным¹⁰) способом просодического маркирования фокуса в этих фразах. Оно было чаще всего зафиксировано во фразах с небольшим количеством слогов и с фокусом на субъекте.

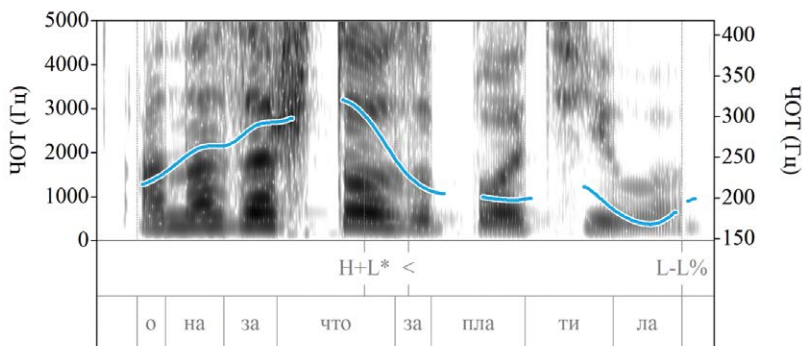

Рисунок 6 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Она за что заплатила?»

Анализ фонетической реализации рассматриваемого в этом разделе тонального акцента в изоляции (то есть, исключено возможное влияние предъядерных акцентов) позволяет предложить его предварительную фонологическую интерпретацию в рамках АМ-модели. Прежде всего, не вызывает сомнения наличие высокой тональной цели кривой ЧОТ, которая должна соответствовать абстрактному тону Н фонологической репрезентации. Данные эксперимента (Duryagin and Knyazev 2022, 67-68) свидетельствуют о том, что тайминг этой тональной цели в литературном произношении нестабилен. В основном пик ЧОТ, соответствующий Н, реализуется в районе левой границы ударного слога или на первой его четверти. При этом в литературном произношении наблюдается факультативное передвижение пика ЧОТ на первый предударный слог выделенного слова – явление, часто называемое в русской интонологической литературе заносом (Всеволодский-Гернгросс 1922, 47; Касаткин 2007; Касаткина 2005; Кузнецова 1960; Николаева 1977; Keijsper 1992; Odé 1989). Таким образом, абсолютный тайминг Н может варьироваться в пределах нескольких десятков миллисекунд до и после левой границы ударного слога, при этом в подавляющем большинстве случаев он равен нулю (пик совпадает с границей слога).

Далее, понижение ЧОТ после Н может быть интерпретировано двумя способами: либо как наличие второго тона L в ядре, либо как переход от одиночного ядерного Н* непосредственно к фразовому тону L- (то есть, ли-

¹⁰ В отдельных случаях со словом – носителем фокуса были ассоциированы нисходяще-восходящее или восходящее движения тона; подробнее об этом см. следующие секции.

бо как $H^{(*)}+L^{(*)}$, либо как $H^{*}L^{-}$). В этой связи важно отметить, что низкая тональная цель описываемого нисходящего движения имеет сравнительно стабильный тайминг: она может сдвигаться вправо, однако это происходит преимущественно в тех случаях, когда местоимения и служебные слова, идущие за носителем ядерного акцента, образуют с ним единую тональную группу («[Куда ЕГО] посадили?», см. Рис. 7¹¹). Основываясь на данных о меньшей стабильности H по сравнению с L , в настоящей работе мы вслед за (Duryagin and Knyazev 2022) будем интерпретировать нисходящий тональный акцент русского частного вопроса как $H+L^{*}$, где «слабый» с точки зрения просодической иерархии ведущий H сочетается с «сильным» L , ассоциированным с ударным слогом. Особо оговоримся, однако, что вопрос об окончательном выборе «звездного» тона в данном случае нельзя считать решенным и он требует дальнейших исследований. В частности, мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что альтернативный анализ этого акцента как $H^{*}+L$ имеет под собой серьезные эмпирические основания и может конкурировать с предлагаемым в настоящей работе выбором.

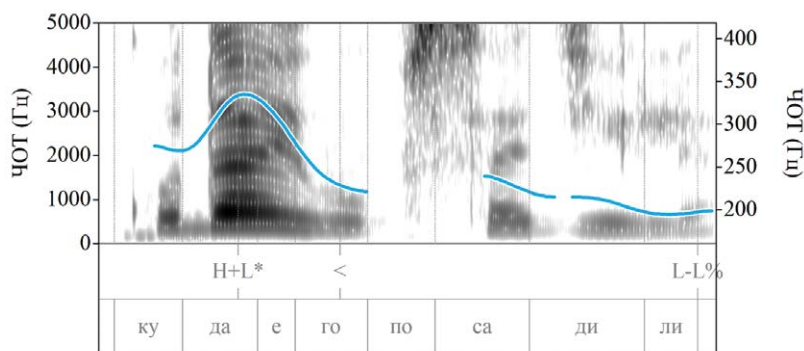

Рисунок 7 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фраз «Куда его посадили?»

Подробного рассмотрения заслуживают многочисленные примеры использования акцента $H+L^{*}$ в сочетании с предъядерными тональными акцентами. Прежде всего, многоакцентные мелодии характерны для частных вопросов, содержащих по крайней мере еще одно знаменательное слово помимо вопросительного. Так, например, в данных (Дурягин 2021a) во фразах с многосложными словами и фокусом на предикате («[А] Почему вы ему НЕ позвонили?») ядерному тональному акценту на последнем слове фразы регулярно предшествовало дополнительное движение тона на ударном слове

¹¹ Следует обратить внимание на то, что на Рис. 6-7 дополнительные нисходящие движения ЧОТ малого диапазона наблюдаются также в районе ударного слога последнего слова фразы, не воспринимающегося как просодическое выделение. Эти движения, вероятно, могут отражать вторичную ассоциацию фразового тона L^{-} .

вопросительного слова *почему*. На Рис. 8 представлена интонограмма одной из таких записей. На иллюстрации видны два нисходящих движения ЧОТ. Падение на последнем слове фразы по своим акустическим характеристикам (ранний тайминг пика, достижение минимума ЧОТ в конце ударного слога или сразу после него) соответствует описанному выше ядерному тональному акценту $H+L^*$.

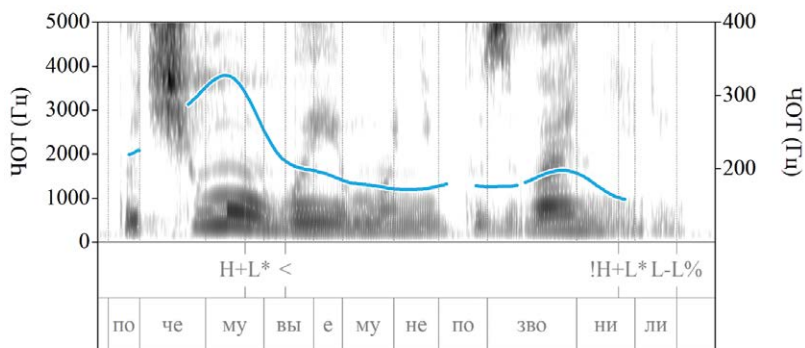

Рисунок 8 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Почему вы ему не позвонили?»

Падение на первом слове фразы имеет аналогичные фонетические характеристики. Основное различие – поздний тайминг первого H , около 40 мс после границы слога – объясняется близостью левой границы фразы: фраза начинается с нейтрального среднего тона, и для достижения H используется не только начинающий высказывание второй предударный, но и большая часть просодического ядра слова¹², в связи с этим фонетическая реализация предъядерного $H+L^*$ «сдвигается» вправо. Участок ровного тона между L^* первого тонального акцента и «ведущим» H второго тонального акцента представляет собой интерполяцию между двумя тональными целями: он понижается примерно на 30 Гц в связи с деklinацией. Сверххранний H на втором слове слова *позвонили* представляет собой «занос» ЧОТ, по-видимому, отвечающий за придание дополнительной звучности высокой тональной цели. Важно отметить, что второе падение имеет значительно меньший диапазон по сравнению с первым. Это стандартный пример даунстепа – фонетической реализации высокого тона на абсолютной частоте значительно ниже ожидаемой. В данном случае даунстеп обусловлен наличием предшествующего L^* в пределах одного и того же домена (синтагмы или интонационной фразы).

¹² Под просодическим ядром слова в русском языке мы понимаем совокупность первого предударного и ударного слогов, подробнее см., например (Князев 2006).

Здесь и далее мы будем использовать восклицательный знак для обозначения даунстепа высокой тональной цели.

Итак, на основании фонетических данных мы предлагаем интерпретировать описанный выше мелодический контур частного вопроса с двумя падениями тона как $H+L^* !H+L^* L-L\%$. Эта тональная конфигурация достаточно широко распространена в экспериментальных данных: в (Дурягин 2021a) она была отмечена в 60 токенах (17,1% от общего числа записей). Примеры двойных нисходящих акцентов были также зафиксированы в одиночных и множественных частных вопросах (Duryagin and Stepanov in preparation), подробнее о них пойдет речь ниже в разделе 3.4. Что касается корпусных данных, то и здесь этот контур широко используется в неоднословных информационных вопросах, в качестве примера на Рис. 9 приведено одно из произнесений фразы «*На что это похоже?*» с нисходящими акцентами на словах *на что* и *похоже*. Поскольку пример на Рис. 9 записан не в экспериментальных условиях, на интонограмме видны многочисленные ошибки алгоритма отслеживания ЧОТ и эффекты микропросодии (понижения тона на первом, четвертом и пятом слогах); в частности, кажущееся понижение и затем повышение ЧОТ в конце фразы в действительности отражает влияние согласного [ж].

Предъядерный акцент $H+L^*$ не является единственным способом вторичного просодического выделения слов в левой периферии русского частного вопроса. Другой распространенной тональной конфигурацией, зафиксированной как в экспериментальных, так и в корпусных данных, является так называемый «шляпный контур» (подъем + высокое плато + падение). Пример его использования в вопросе «*А почему вы ему не позвонили?*» (Дурягин 2021a) представлен на Рис. 10. На иллюстрации видно, что ядерный тональный акцент на последнем слове фразы имеет обычные фонетические характеристики $H+L^*$: пик ЧОТ достигается в результате «заноса» на гласном предупредительного слога (на расстоянии около 50 мс от начала слога ударного), резкое падение происходит на ударном слоге. Определение точного тайминга низкой тональной цели затруднено в связи с наличием скрипучего голоса, однако можно с уверенностью сказать, что минимум достигается не раньше конца ударного слога. Таким образом, ядерный тональный акцент совпадает с акцентом двух описанных выше конфигураций. Основное отличие заключается в форме предъядерной части контура: он стартует на среднем для говорящего уровне и достигает пика примерно в середине ударного гласного слова *почему* – судя по всему, эта тональная цель является реализацией H^* . После высокой тональной цели резкого понижения тона не происходит: на протяжении следующих пяти слогов наблюдается медленная деклинация ЧОТ на 100 Гц, заканчивающаяся небольшим заносом перед ядерным падением. Еще один пример этой конфигурации, с меньшим количеством слогов между двумя тональными акцентами, представлен на Рис. 11. В этом примере тональная цель, соответствующая H^* , характеризуется сверхпоздним таймингом: максимум ЧОТ достигается только на слоге *он*. Как уже отмечалось выше в разделе 1.2.2, такое поведение высоких тонов в предъядерных акцентах широко распространено типологически.

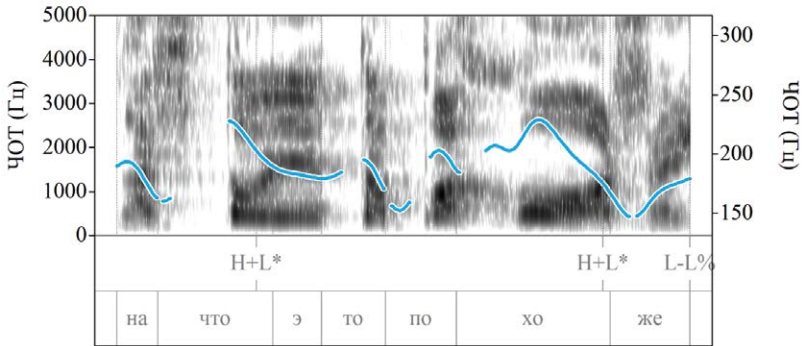

Рисунок 9 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «На что это похоже?»

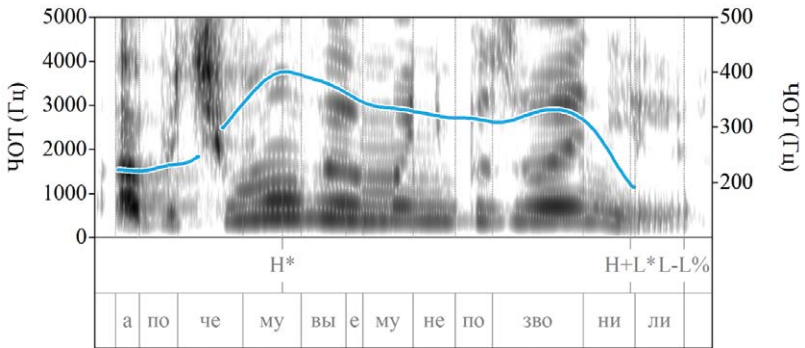

Рисунок 10 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «А почему вы ему не позвонили?»

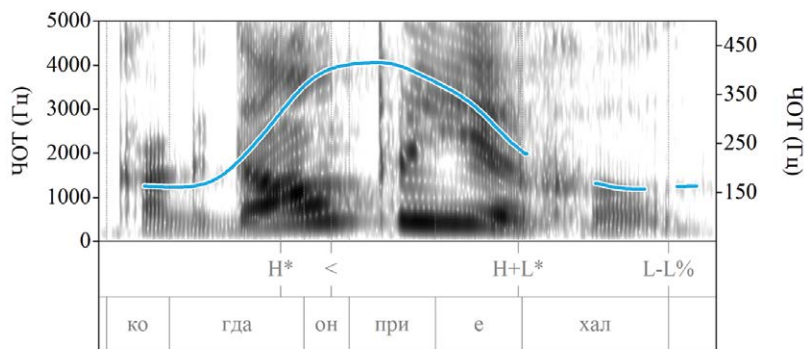

Рисунок 11 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Когда он приехал?»

В то время как присутствие H^* в предъядерной части шляпного контура не вызывает сомнений, интерпретация предшествующей ему части кривой ЧОТ заслуживает отдельного обсуждения. Так, на Рис. 11 первый предупредительный слог произносится скорее не на среднем, а на низком тоне в диапазоне говорящего, что может свидетельствовать о наличии низкой тональной цели и необходимости анализировать этот тональный акцент как $L+H^*$. Чтобы уточнить выбор между H^* и $L+H^*$, необходимо проведение дополнительного эксперимента, содержащего стимулы с большим количеством предупредительных слогов в слове – носителе предъядерного акцента (например, «Около кого вы остановились?»): наличие «нырка» ЧОТ перед повышением тона, подобного тому, что наблюдается в ядерном акценте общего вопроса (Igarashi 2006), стало бы аргументом в пользу битональной интерпретации. В отсутствие этих данных в рамках настоящей работы мы предварительно будем придерживаться более простой монотональной интерпретации предъядерного акцента и, следовательно, «шляпного» контура частного вопроса целиком как $H^* H+L^* L-L\%$.

В заключение приведем сведения о частотности контура $H^* H+L^* L-L\%$. В данных (Дурягин 2021а) это мелодическое оформление частного вопроса было отмечено 58 раз (16,5% от общего числа токенов); в (Duryagin and Stepanov in preparation) в одиночных частных вопросах «шляпный контур» встретился 8 раз (4,3%). Вероятно, такое неоднородное распределение связано с характером стимулов: только в первом эксперименте использовались стимулы с узким фокусом на последнем слове фразы, часто оформляемые этой мелодической конфигурацией. Что касается данных МультиПарКа, то в корпусных данных также встречается описываемая конфигурация. В качестве примера на Рис. 12 приведен раздраженный вопрос «Зачем мне его спрашивать?» с подъемом на вопросительном слове и падением на последнем слове фразы. Важно отметить, однако, что ни в экспериментальных, ни в корпусных данных использование $H^* H+L^* L-L\%$ не ограничивается контекстами маркирования досады, выделенными в (Брызгунова 1971, 45).

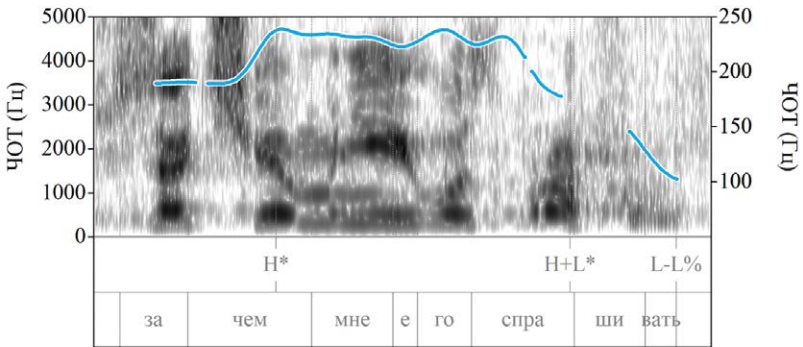

Рисунок 12 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Зачем мне его спрашивать?»

Итак, наиболее частотным способом оформления частного вопроса в проанализированных данных является ядерная конфигурация $H+L^* L-L\%$, которой могут факультативно предшествовать предъядерные акценты: либо $H+L^*$ (в этом случае предъядерный низкий тон L обуславливает даунстеп в ядре $!H+L^*$), либо H^* , напротив, не вызывающий даунстепа и соединенный с ядром участком высокого ровного, с поправкой на деклинацию, тона. $H+L^* L-L\%$ и $H^* H+L^* L-L\%$ соответствуют ИК-2 и ИК-5 модели Е. А. Брызгуновой соответственно. Второй вариант контура, $H+L^* !H+L^* L-L\%$, отсутствует в системе ИК, однако неоднократно отмечался в литературе (Кодзасов 2009, 108).

3.2.2 Ядерная конфигурация $L^* H-N\%$

Выше в разделе 2.3.2, содержащем обзор существующих описаний интонации русского частного вопроса, было показано, что большинство исследований отмечают возможность использования в этом типе высказываний контура ИК-4 Е. А. Брызгуновой только при наличии определенных факторов, связанных с прагматикой или информационной структурой, таких как, например, «оттенки недовольства и назидания», «сопоставительная связь с предыдущим предложением», «показатель текстовой связности». Проанализированные экспериментальные данные, однако, не подтверждают эту информацию.

На Рис. 13-14 представлены примеры использования «нисходяще-восходящего контура» одним и тем же испытуемым в нейтральных информационных вопросах, для которых в левом контексте не были предусмотрены перечисленные выше параметры. Прежде всего следует сказать несколько слов о фонетических характеристиках этого контура и основанной на них АМ-интерпретации, которая будет принята в настоящей работе. Примеры высказываний, в которых слог – носитель ядерного тонального акцента находится на

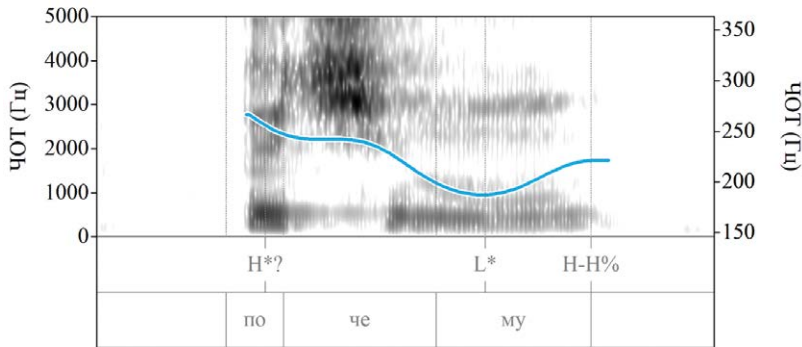

Рисунок 13 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Почему?»

некотором удалении от других выделенных слогов и правой границы фразы, показывают, что кривая ЧОТ в районе ядра представляет собой плато – участок низкого ровного тона, являющийся реализацией фонологического L^* (Рис. 14). Спорным может являться лишь вопрос о том, какой статус имеют высокие тональные цели слева и справа от него. Нам представляется, что оба восходящих движения, которые на короткой фразе (Рис. 13) выглядят ассоциированными с ядерным ударным слогом, в действительности представляют собой интерполяцию от ядерного L^* к предъядерному тональному акценту H^* (влево) и к фразовому тону H - (вправо)¹³.

Вопрос о тонах границы в конфигурации, соответствующей ИК-4 Е. А. Брызгуновой, специально рассматривался в работах (Дурягин 2022б; Князев и Савельева 2021). В обеих работах была отмечена большая вариатив-

¹³ Одна из анонимных рецензий на настоящую работу содержала пожелание уточнить причины того, почему высокая тональная цель в начале короткой фразы с ИК-4 (см. Рис. 13) интерпретируется нами как ассоциированный с безударным слогом предъядерный тональный H^* , а не, например, левый пограничный высокий тон. Действительно, не вызывает сомнений, что вопрос о функции этой тональной единицы требует дополнительных исследований. В рамках настоящей работы, помимо аргументов, приведенных далее в тексте главы, мы ограничимся указанием на то, что для нас важным представляется отразить в фонологической интерпретации тот факт, что, судя по традиционным описаниям ИК-4, в восприятии носителей русского языка фразы на Рис. 13 и 14 имеют одинаковую глубинную фонологическую структуру (ср. также: «Почему?» vs. «Почему она?» vs. «Почему она не позвонца?»). Также в пользу интерпретации H как отдельного предъядерного акцента говорят закономерности его ассоциации с ударными и безударными слогами при невопросительном использовании этой тональной конфигурации, например, в контекстах перечисления с ИК-4: «– А кто придет? – Ну, как кто? (медленно перечисляет, загибая пальцы) Александр Александрович, Сережа, Константин польский, [...]» ; об этом см. также (Duryagin 2021; Дурягин 2022б).

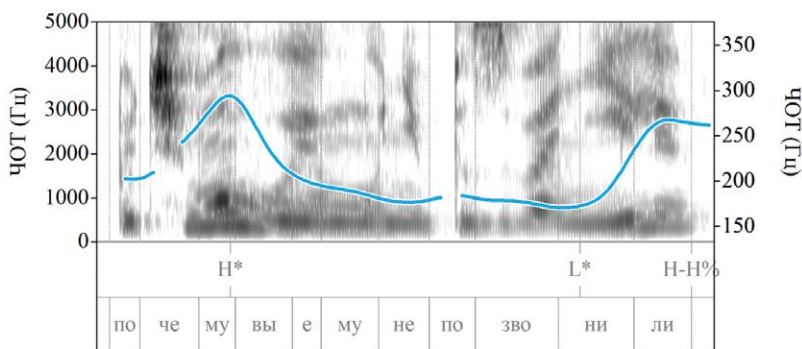

Рисунок 14 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Почему вы ему не позвонили?»

ность тайминга постъядерной тональной цели H. В частности, С. В. Князев и К. А. Савельева обнаружили все возможные варианты повышения тона к концу фразы: ровный высокий и средний тон; постепенное и ступенчатое повышение тона к концу фразы; постепенное повышение, сменяющееся высоким плато. В (Duryagin 2023) была высказана идея о том, что эта вариативность может отражать вторичную ассоциацию фразового тона H- в его комбинации с пограничным H%. В то время как H% всегда ассоциирован с правой границей фразы, H- одновременно ассоциирован с правой границей синтагмы¹⁴ и с еще одной вершиной просодической иерархии – последним ударным слогом фразы. В том случае, если последний ударный слог является носителем ядерного акцента («А ЖЕНА?»), повышение тона от L* к H- может происходить уже на этом слоге, достигая локального максимума в его пределах или сразу после него. Напротив, если после слова – носителя ядерного акцента есть другие ударные слоги, последний из них становится местом вторичной ассоциации фразового тона. Так, на Рис. 15 изображена запись вопроса с узким фокусом «А где ЖЕНА работает?». Ядерный тональный акцент L* реализуется минимумом ЧОТ, достигаемым в середине ударного слога слова *жена* (воспринимающегося как наиболее выделенное во фразе). Далее происходит постепенное повышение тона, завершающееся в районе ударного слога слова *работает*. На заударных слогах этого слова наблюдается высокое плато, которое соответствует «дважды ассоциированному» H- («неровности») на плато объясняются микропросодией [T]).

¹⁴ Которая в рассматриваемых примерах всегда совпадает с границей фразы, поскольку были записаны только односинтагменные вопросы.

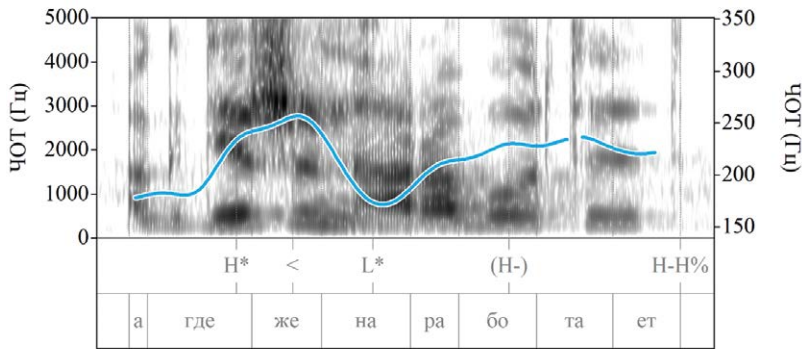

Рисунок 15 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «А где жена работает?»

Что же касается повышения тона слева от ядерного L^* , примеры многосложных высказываний, подобных приведенному на Рис. 14, демонстрируют, что H является отдельным независимым от L^* предъядерным тональным акцентом. При отсутствии давления со стороны левого или правого контекста, как в примере на Рис. 14, высокая тональная цель имеет тайминг в районе конца ударного слога. Напротив, при близости левой границы фразы (см. пример на Рис. 15, в котором носитель предъядерного акцента слог *где* является вторым во фразе и идет сразу после инициальной частицы *а*) для этой тональной цели характерен сверхпоздний тайминг – например, в данном случае пик ЧОТ достигается на первом слоге следующего слова. Судя по интонограммам, стабильные низкие тональные цели до и после H отсутствуют; в связи с этим предлагается анализировать этот тональный акцент аналогично предъядерному акценту «шляпного» контура: как монотональный H^* . Подобно H^* в «шляпном» контуре, H^* перед $L^* H-N\%$ не вызывает даунстепа тонов границы: тональный максимум, соответствующий фразовому тону, обычно имеет несколько более низкие значения по сравнению с H^* , однако эта небольшая разница может объясняться деклинацией.

Предъядерный тональный акцент H^* в конфигурации $H^* L^* H-N\%$ имеет, однако, одну важную особенность: в отличие от других русских предъядерных акцентов, он не факультативен. Иными словами, ядерная тональная конфигурация $L^* H-N\%$ практически не встречается без предъядерного H^* . Даже в однословных вопросах, где отсутствует доступный ударный слог, подходящий для размещения тонального акцента, H^* реализуется на одном из слабых с точки зрения просодической иерархии безударных слогов, чаще всего первом во фразе (ср. H^* на первом слоге слова *почему* ранее на Рис. 13). Аналогичные данные были получены в (Duryagin 2021) при анализе использования ИК-4 в контекстах медленного перечисления при художественном чтении стихотворения «Багаж» С. Я. Маршака («... диван, чемодан, сак-

вож...» – малыми прописными буквами здесь выделены слоги, на которых чтецы обычно реализовывали предъядерный Н*).

Такой «цельный» характер этой тональной конфигурации плохо сочетается с основными положениями АМ-модели, предполагающей композиционный подход к форме и значению фразовой просодии и независимость друг от друга разных единиц абстрактной тональной репрезентации. Наиболее вероятным объяснением для обязательной реализации Н* перед L* Н-Н% представляется стремление избежать омонимии с ядерной тональной конфигурацией: L*+Н Н-Н% (соответствующей ИК-6 модели Е. А. Брызгуновой), речь о которой пойдет в следующем разделе. В качестве примера можно привести встретившийся в экспериментальных данных вопрос с узким фокусом «А где жена работает?», интонограмма которого представлена на Рис. 16. На иллюстрации видно, что в начале фразы имеет место небольшой подъем ЧОТ диапазоном всего лишь около 20 Гц, недостаточный для того, чтобы восприниматься как полноценный предъядерный тональный акцент Н* (ср. приведенный выше Рис. 14). В ядерной части наблюдается локальный минимум на первой четверти ударного гласного и последующий подъем, сменяющийся плато в районе ударного слога слова *работает*. Этот вопрос, на котором испытуемая, вероятно, все же планировала реализовать ИК-4, или ядерную конфигурацию L* Н-Н% (ядерная конфигурация L*+Н Н-Н% имеет совершенно иные характеристики тайминга и диапазона, см. ниже раздел 3.2.2, а также [Дурыгин 2022б]), в связи с отсутствием полноценного предъядерного Н* воспринимается как нечто среднее между ИК-4 и ИК-6. Как будет показано ниже в главе 4, выбор между двумя этими конфигурациями в информационном частном вопросе может иметь важные прагматические последствия, связанные с позицией говорящего в ситуации коммуникации. Именно предъядерный Н*, как представляется, наравне с таймингом ядерных тональных целей используется в качестве сигнала о том, что ядерное и постъядерное повышение представляет собой переход от L* к Н-, а не акцент L*+Н.

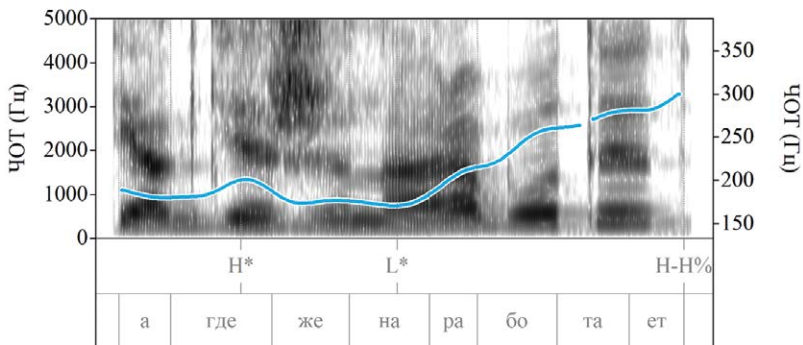

Рисунок 16 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «А где жена работает?»

Подводя итог, можно отметить, что ядерная тональная конфигурация $L^* H-N\%$ является частотной как в экспериментальных, так и в корпусных данных. В работе (Дурягин 2021a) она встретилась в 25,5% токенов (88 из 345). Следует, однако, напомнить, что одной из целей этого эксперимента было как раз изучить факторы, влияющие на использование этой тональной конфигурации в информационном частном вопросе. В связи с этим в дизайн эксперимента были включены факторы, гипотетически способные влиять на выбор между ядерного тона: наличие узкого фокуса на субъекте или предикате, а также наличие инициальной частицы *a*. Представленный в (Дурягин 2021a) статистический анализ с использованием методов смешанной логистической регрессии показал, что испытуемые значительно чаще порождали вопросы с $L^* H-N\%$, когда они начинались с *a*, и, напротив, предпочитали $H+L^* L-L\%$ в комбинации с различными предъядерными акцентами, если вопрос содержал узкий фокус. Таким образом, можно сказать, что частотность вопросов с ИК-4 в (Дурягин 2021a) несколько завышена в связи со структурой эксперимента. Действительно, в одиночных частных вопросах, записанных в рамках эксперимента (Duryagin and Stepanov in preparation), процент таких контуров был несколько ниже и составил только 15,4 (29 из 188)¹⁵. Многочисленные примеры употребления ядерной конфигурации $L^* H-N\%$ отмечены и в корпусе МультиПарК; один из них приведен на Рис. 17.

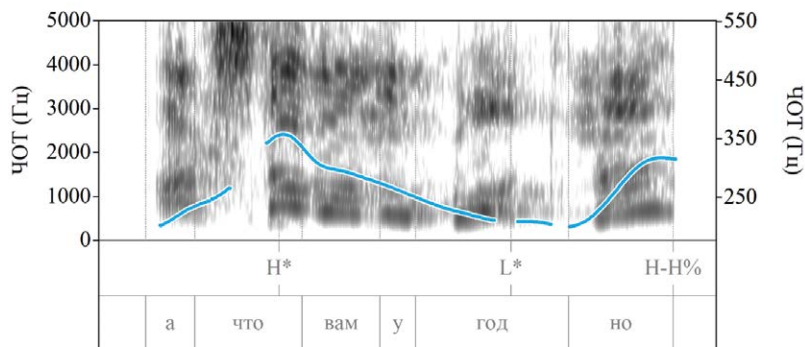

Рисунок 17 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «А что вам угодно?»

3.2.3 Ядерная конфигурация $L^*+H N-N\%$

Третий тип просодического оформления русского частного вопроса, зафиксированный в проанализированных данных, представляет собой аналог

¹⁵ При этом во множественных вопросах ИК-4 была очень частотной: 38,2% (65 из 170); подробнее об этом см. в разделе 3.3.

ИК-6 модели Е. А. Брызгуновой. В целом в русской интонологической литературе преобладает представление о том, что использование этого восходящего контура в *wh*-вопросе маргинально и имеет крайне ограниченную сферу употребления, а именно встречается в переспросах нерасслышанной или забытой информации, а также в удивленных переспросах. Как было отмечено выше в 2.3.2, первый шаг по направлению к расширению спектра значений ИК-6 был сделан в работе (Безяева 2006), где для оформленного этим контуром частного вопроса была предложена функция «этикетного вопроса», который говорящий использует, как бы стесняясь своей неинформированности. Проанализированные данные экспериментов показывают, что функции ИК-6 могут быть еще шире: судя по записям, в речи некоторых носителей русского языка этот восходящий контур может использоваться для оформления вопросов в прототипических «собственно вопросительных» контекстах. Такие примеры, хотя они и немногочисленны, были отмечены в каждом из трех экспериментов: 6 токенов (1,7% от общего числа записей) было отмечено в (Дурягин 2021a), 4 (4,8%) – в (Duryagin and Knyazev 2022) и 23 (12,2%) – в (Duryagin and Stepanov in preparation). Во всех случаях носителем ядерного акцента выступало вопросительное слово; предъядерные акценты отсутствовали.

На Рис. 18 и 19 представлены примеры использования описываемого контура, оба они были отмечены в контекстах, не предполагавших переспроса. В обоих случаях локальный минимум ЧОТ реализуется в районе левой границы ударного гласного (ср. значительно более поздний тайминг L^* из предыдущего раздела; подробный количественный анализ этого различия см. также в [Дурягин 2022б] на материале контекстов перечисления). Далее следует повышение тона, которое, в отличие от ИК-4, почти полностью осуществляется в пределах ударного слога. При близости левой границы фразы высокая тональная цель может иметь поздний тайминг – так, в примере на Рис. 20 максимум ЧОТ достигается только на ударном слоге местоимения *ему*.

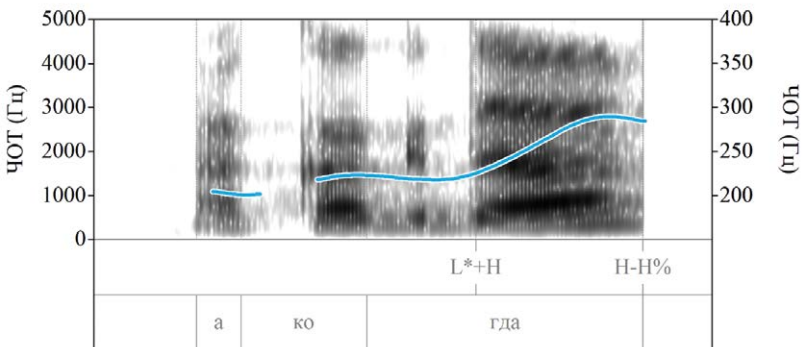

Рисунок 18 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «А когда?»

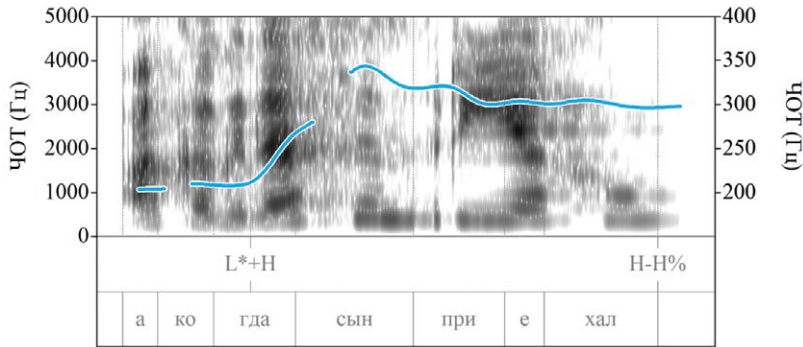

Рисунок 19 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «А когда сын приехал?»

Компактное движение тона в пределах ударного слога, судя по всему, является фонетической реализацией битонального акцента, состоящего из двух абстрактных тонов – L и H. Как и в случае с другими битональными акцентами, в нашем предварительном анализе мы будем использовать критерий стабильности тайминга для определения «звездного» тона; таким образом, рассматриваемый в данном разделе тональный акцент будет далее аннотирован как L*+H. Следующее за локальным максимумом ЧОТ высокое плато будет рассматриваться как фонетическая реализация комбинации тонов границы H-N%.

Каковы закономерности распределения ядерной конфигурации L*+H H-N% в экспериментальных данных? Прежде всего, следует отметить, что ее использование в информационных частных вопросах свойственно носителям русского языка в неодинаковой степени. Большинство испытуемых либо вовсе не использовали ИК-6, либо использовали его спорадически, 1–2 раза на 10–20 экспериментальных стимулов. В числе участников эксперимента выделяются четыре информанта, принимавших участия в исследовании (Duryagin and Stepanov in preparation) – две женщины и два мужчины в возрасте от 21 до 33 лет. В произнесенных ими вопросах восходящий контур встретился как минимум в трети случаев (4–8 из 12 стимулов). Что касается лексического наполнения вопросов с ИК-6 (L*+H H-N%), обращает на себя внимание тот факт, что в (Duryagin 2021a) испытуемые использовали ее исключительно во фразах с вопросительным словом *когда* (6 раз) и, напротив, она ни разу не встретилась в вопросах с *где* и *почему*. Эта тенденция, однако, не подтвердилась в данных (Duryagin and Stepanov in preparation), где распределение токенов с ИК-6 оказалось более равномерным: по 8 примеров с вопросительными словами *когда* и *куда*, 4 примера с *кому* и 3 примера с *кого*.

В корпусных данных примеры использования L*+H H-N% немногочисленны. Особо выделяется одна группа вхождений: знаменитая повторяющаяся фраза персонажа «Вишневого сада» Гаева, который в некомфортных для него ситуациях имеет привычку произносить бессмысленное «Кого?». Фраза встречается в пьесе четыре раза, она сохранена во всех четырех постановках,

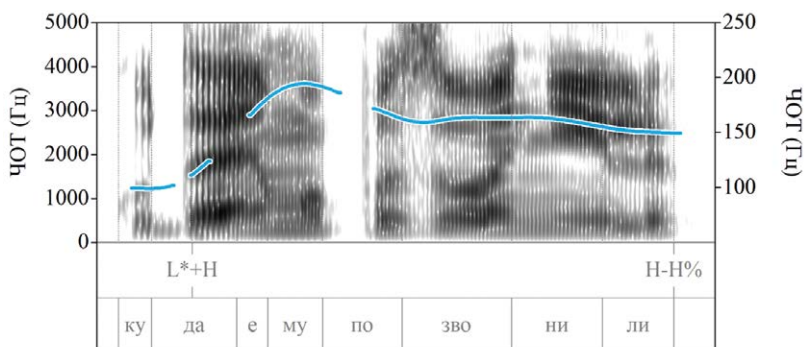

Рисунок 20 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Куда ему позвонили?»

представленных в МультиПарКе. В 15 из 16 раз исполнители роли Гаева произносят ее с ИК-6. На Рис. 21 представлены два примера произнесения этого вопроса: один (слева) – с нормальной длительностью гласных, второй (справа) – с продлением предударного и ударного гласных, позволяющим реализовать ядерный L* в виде полноценного низкого плато длительностью около 120 мс. Второй переспрос воспринимается как более удивленный или недоверчивый. Такое продление гласных просодического ядра¹⁶, видимо, является в русском языке дополнительным средством выражения прагматического значения: аналогичные данные были получены при анализе просодических средств маркирования полисемии в дискурсивной формуле *да ну*, см. подробнее об этом работу (Дурягин 2022в), в которой была обнаружена связь между выражением степени недоверия и длительностью гласных просодического ядра.

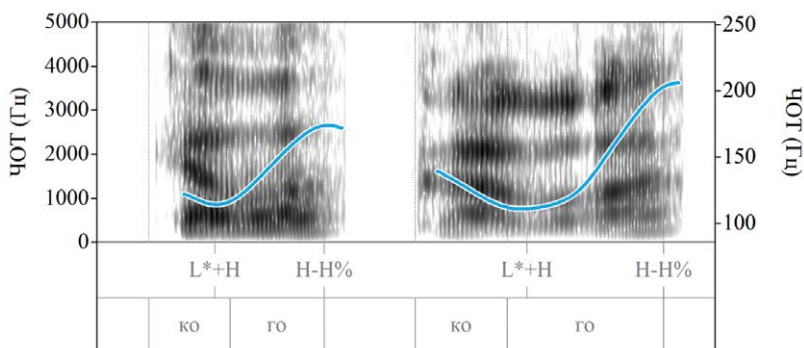

Рисунок 21 – Спектрограммы и интонограммы произнесения фразы «Кого?» в двух разных вхождениях в МультиПарКе

¹⁶ В том числе первого предударного гласного, способного принимать на себя первый тон ядерного тонального акцента.

Один из встретившихся в корпусе примеров использования ИК-6 вне прототипического переспроса представлен на Рис. 22. Исполнительница роли Шарлотты Ивановны из все того же «Вишневого сада», показывая фокусы с картами, дважды подряд спрашивает у присутствующих: «КАКАЯ карта сверху?». Интересно, что восходящая мелодия $L^*+H\ N-N\%$ последовательно используется только одной из актрис; в трех остальных постановках вопрос фокусницы маркируется различными вариантами нисходящей $H+L^* L-L\%$, а также $L^* N-N\%$. Также следует отметить, что в контуре на Рис. 22 отмечается постепенное повышение ЧОТ к концу фразы, нехарактерное для этой тональной конфигурации.

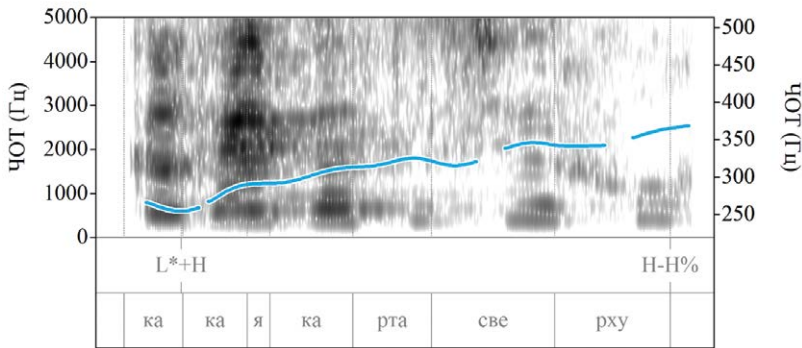

Рисунок 22 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Какая карта сверху?»

В целом можно сказать, что ИК-6 частного вопроса в корпусе встречается реже, чем в данных эксперимента. Даже в прототипических контекстах переспроса актеры порождали иные тональные конфигурации. В качестве примера можно привести вопрос «Как называлась эта рыба?», который в «Ревизоре» произносит Хлестаков. В 9 постановках эта фраза встречается 11 раз (в фильме С. Газарова 1996 г. персонаж повторяет ее трижды по мере опьянения), и только два раза актеры оформили вопрос $L^*+H\ N-N\%$. В остальных случаях на последнем слове вопроса реализуется нисходящий ядерный акцент $H+L^*$.

3.2.4 Краткие сведения об ассоциации тональных акцентов в частном вопросе

Выше в разделах 3.2.1–3.2.3 были выделены три основных варианта интонационного оформления частного вопроса, доступные носителям русского языка при произнесении фраз этого типа. Прежде чем перейти к анализу конкретных элементов прагматического значения, связанных с выбором той или иной тональной конфигурации, представляется необходимым коротко обсудить другое измерение вариативности частновопросительного предло-

жения, которое мы назвали выше «синтагматическим»: то, по каким основным принципам ядерные и предъядерные тональные акценты ассоциируются с фонетическими словами в пределах интонационной фразы. Иными словами, отдельного пояснения требуют вопросы о том, по каким механизмам в рассмотренных выше экспериментальных и корпусных данных одна и та же фраза может произноситься с предъядерным акцентом в левой периферии и без него, а ядерный акцент может как реализовываться на последнем слове фразы, так и передвигаться влево («Кого ему показали?», «Кого ему показали?» и «Кого ему показали?»).

Литература, посвященная параметрам, которые влияют на распределение просодической выделенности в пределах фразы в русском языке, чрезвычайно богата. Среди работ, затрагивающих эту тематику на материале русского языка, можно выделить исследования И. И. Ковтуновой (2002), С. В. Кодзасова (2009), Т. М. Николаевой (1982; 2000), А. В. Павловой (Павлова и Светозарова 2018), Е. В. Падучевой (2009), В. И. Подлесской (2014), Н. Д. Светозаровой (2000; Павлова и Светозарова 2018), И. И. Фужерон (2004), Т. Е. Янко (Янко 2001; 2008; Yanko 2011). Все эти работы в той или иной степени опираются на модель актуального членения (также информационной структуры и коммуникативной структуры) высказывания, включающую в себя различные трактовки понятий темы и ремы, данного и нового, эмфазы и контраста. Именно эти параметры, наряду с синтаксисом и прагматикой высказывания, а также лексическими свойствами его составляющих, рассматриваются как основные факторы, определяющие позицию фразового ударения (интонационного выделения слов во фразе), а также порядок слов. Большое внимание в некоторых работах, в частности в (Кодзасов 1996; Светозарова 2000; Янко 2001; 2008), уделяется не только интонации фразового ударения, но и другим просодическим средствам его маркирования: паузам, интенсивности, темпу и ритмике речи.

Обзор накопленных в литературе сведений о «законах фразовой акцентуации»¹⁷ повествовательных высказываний в русском языке выходит за рамки настоящего исследования. Обращает на себя внимание то, что большая часть примеров из русского языка, анализируемых в этих работах, представляет собой различные виды повествовательных предложений, редко – общие вопросы. Что же касается частных вопросов, конкретные сведения об акцентуации в этом типе высказывания в литературе фрагментарны. В связи с этим А. В. Павлова и Н. Д. Светозарова в своем обзоре литературы прямо включают описание вопросительных предложений (наравне с побудительными) в список проблем, не решенных теорией актуального членения (Павлова и Светозарова 2018, 113-14).

Краткое обсуждение алгоритмов акцентуации вопросительных предложений обнаруживается в главе второго тома «Русской грамматики», написанной И. И. Ковтуновой (1980). Текст посвящен в первую очередь порядку

¹⁷ Выражение С. В. Кодзасова.

слов и написан в русле принятого в грамматике 1980 г. «одноцентрового» ИК-подхода, поэтому единственным указанием на вариативность акцентуации в нем является следующая цитата: «Если в предложении с местоименным вопросительным словом интонационно выделяется глагол-сказуемое, то оно обычно выносится в конец предложения» (Ковтунова 1980, 396). Приводятся примеры передвижения фразового ударения на предикат, которое допускается только при узком фокусе: «*Кто комету ви²дел? (А не слышал)*». Вопрос «*Где живут медве²ди?*» с центром ИК на последнем слове также представлен как возможный только при обусловленности контрастным или корректирующим фокусом.

Обращается к проблематике выбора акцентоносителя в русских частных вопросах и Т. Е. Янко. В работе (Янко 2001, 50-51) кратко обсуждаются примеры интонационного маркирования в частных вопросах, но только для случаев контраста. Приводятся примеры маркируемого тональными акцентами «модифицирующего» (то есть, сочетающегося с иными значениями) значения контраста как на вопросительном (конституирующем), так и на невопросительном (неконституирующем) компонентах высказывания. В дальнейшем, однако, исследовательница выносит частные вопросы за пределы своей модели выбора акцентоносителя, основанной на взаимной дополнительности восходящих и нисходящих акцентов (она действует, например, в общих вопросах). Предполагается, что, поскольку частные вопросы кодируются лексически, действие общих принципов на них не распространяется (Янко 2001, 122).

В модели принципов выбора акцентоносителя, предложенной в более поздних работах исследовательницы (Янко 2008; Янко 2011), частные вопросы обсуждаются вместе с другими типами фраз. В (Янко 2008, 42) приводится сравнение двух высказываний: «*Когда придет НАТАША?*» и «*Ну когда же придет Наташа?*». Различие в акцентуации этих вопросов исследовательница объясняет тем, что говорящий использует разные принципы выбора акцентоносителя. Согласно ее модели, в первом, нейтральном, вопросе действует только базовый принцип, основанный на синтаксической иерархии составляющих внутри фразы и глагольных и именных групп. Во втором же вопросе используется маргинальный иллокутивный принцип: вопросительное слово выделяется просодически, чтобы выразить вторичную иллокуцию высказывания – значение упрека. Другим примером иллокутивного выделения вопросительного слова, согласно данным Т. Е. Янко, является недоуменный вопрос: «*Куда-а мои очки запропастились?*» (Янко 2008, 43).

В настоящем разделе будет предложен схожий подход к акцентуации русского частного вопроса, основанный как на синтаксических свойствах составляющих, так и на характеристиках информационной структуры высказывания. Здесь мы, однако, ограничимся лишь кратким представлением того, как акцентуация русского частного вопроса может быть объединена с терминологическим аппаратом АМ-модели. Прежде всего, следует оговориться, что в АМ-модели термину фразовое ударение (ср. также англ. *sentence stress*) соответствует понятие места ассоциации ядерного тонального акцента. Именно носитель ядерного акцента, как правило, воспринимается как наи-

более выделенное просодически слово фразы. Вместе с ним во фразе могут сосуществовать другие просодически выделенные слова – места ассоциации предъядерных и постъядерных акцентов. Носители языка также воспринимают их как выделенные, но ощущают меньшую степень выделения по сравнению с «ядром». В наших данных о частных вопросах случаев постъядерной просодической выделенности не было обнаружено, поэтому мы будем исходить из того, что последний тональный акцент всегда является ядерным в русском частном вопросе – тенденция, наблюдаемая во множестве языков мира и начиная с классической работы (Chomsky and Halle 1968) обычно называемая в литературе правилом ядерного ударения (англ. *Nuclear Stress Rule*).

Для формулировки приведенного ниже алгоритма расстановки фразовых акцентов в частном вопросе, помимо данных работ на материале русского языка, использовались исследования, предлагающие алгоритмы ассоциации акцентов в других языках. Приведенные ниже правила представляют собой обобщение и адаптацию сведений, которые содержатся в работах (Büring 2016; Chomsky and Halle 1968; Féry and Ishihara 2010; Gussenhoven 1983; Schmerling 1976; Schwarzschild 1999; Truckenbrodt 2013a; 2013b). В частности, следует особо указать, что правила 1–2 представляют собой адаптацию правила SAAR (англ. *Sentence Accent Assignment Rule*, правило присвоения фразового ударения), впервые предложенного в (Gussenhoven 1983) и впоследствии дополнительно уточненного специально для случаев частных вопросов в работе (Truckenbrodt 2013a; 2013b). Цель представленной ниже системы правил в том, чтобы в первом приближении описать «степени свободы» акцентуации русского частного вопроса: какие составляющие обязательно или факультативно ассоциируются с тональными акцентами, а какие их, напротив, избегают. Помимо имеющихся теоретических описаний представленных ниже «правил выбора акцентоносителя», при их формулировании принимались во внимание экспериментальные данные, представленные в секциях 3.2.1–3.2.3.

Итак, в примерах (1)–(11), приведенных ниже, представлены некоторые частные вопросы с условным обозначением доступных в них вариантов ассоциации тональных акцентов с составляющими. Двойным подчеркиванием обозначены варианты ассоциации ядерного акцента, а одинарным – варианты ассоциации предъядерных тональных акцентов. Примеры (1)–(4) и (10)–(11) рассматриваются как «нейтральные», не обусловленные контекстом; для остальных примеров контекст приводится в скобках.

- (1) Когда Алена приехала к вам в Москву?
- (2) Когда Алена приехала к вам в Москву?
- (3) Когда Алена приехала к вам в Москву?
- (4) Когда они к вам приехали?
- (5) Когда Алена приехала к вам в Москву? (А не Наташа)
- (6) Когда Алена приехала к вам в Москву? (А не уехала из нее)
- (7) Когда Алена приехала к вам в Москву? (А не к ним)
- (8) Алена когда приехала? (А не Наташа)

- (9) *Когда она приехала в Москву?* (Реакция на сообщение: «А Алёна снова приехала в Москву!»)
- (10) *В Москву Алена когда приехала?*
- (11) *Алена когда приехала в Москву?*

Список правил, описывающий представленные в этих примерах паттерны ассоциации тональных акцентов, приведен ниже под пунктами 1–8. Свойства информационной структуры фразы представлены здесь в упрощенном виде в качестве двух параметров. Параметр [+/-узкий фокус] обозначает наличие или отсутствие одного из типов узкого фокуса (контрастного или корректирующего) на составляющей. Параметр [+/-новое] отражает представление говорящего о том, что денотат соответствующей части высказывания отсутствует или присутствует в общем знании собеседников (например, параметр [-новое] обычно характерен для лексем, которые уже были употреблены в одной из предыдущих фраз). Правило 8 дополнительно использует понятие темы, которая в частном вопросе имеет особый статус, связанный с тем, что стандартное для повествовательных высказываний место темы в левой периферии по умолчанию занято вопросительным словом.

1. **Доступные позиции тональных акцентов при [-узкий фокус] (1–3).** Доступными позициями для ассоциации тональных акцентов являются все знаменательные слова, являющиеся аргументами и адъюнктами при предикате. Ассоциация в этих позициях факультативна: любая такая составляющая с [-узкий фокус], кроме вопросительного слова, может быть реализована без тонального акцента. За счет этого возникает вариативность: варианты акцентуации в примерах 1, 2 и 3 потенциально допустимы для одного и того же нейтрального вопроса.
2. **Тональный акцент на глаголе (пример 4).** Глагольный предикат может факультативно принимать на себя тональный акцент только в том случае, если он соседствует с аргументом, не несущим на себе тонального акцента.
3. **Позиция ядерного акцента (все примеры).** Последний тональный акцент фразы является ядерным. Составляющая, с которой он ассоциирован, воспринимается как наиболее выделенное просодически слово во фразе.
4. **Ядерный акцент при [+узкий фокус] (примеры 5–7).** При наличии одного из типов узкого фокуса на составляющей, она обязательно принимает на себя ядерный тональный акцент. Все последующие слова деакцентуируются.
5. **Ядерный акцент при [+узкий фокус] на просодически «слабых» составляющих (пример 7).** Ядерное выделение при наличии узкого фокуса обязательно в том числе для тех слов, которые обычно избегают ассоциации с тональными акцентами (например, личных и указательных местоимений, а также служебных слов).
6. **Тональный акцент на вопросительном слове (все примеры; случай деакцентуации – пример 8).** В русском частном вопросе вопросительное слово обязательно принимает на себя предъядерный или ядерный тональ-

ный акцент, за исключением случаев деакцентуации после составляющей с [+узкий фокус].

7. **Деакцентуация данного (пример 9)**. Доступные для ассоциации с тональным акцентом составляющие (см. правила 1–2), охарактеризованные в информационной структуре фразы как [-новое], имеют тенденцию не принимать на себя тональный акцент.
8. **Акцентуация темы (примеры 10–11)**. Вынесенная в левую периферию в позицию перед вопросительным словом тема принимает на себя предъядерный тональный акцент (если она не отделена от вопросительного слова границей синтагмы).

Как можно заметить, в правилах 1–8 не описывается распределение акцентов внутри именной группы, состоящей более чем из одного слова. Это связано с тем, что сложные именные группы отсутствуют в наших экспериментальных данных. Представляется, однако, что в этом отношении частные вопросы подчиняются стандартным правилам, детально описанным для русского языка в существующих исследованиях, в частности, в работах И. И. Ковтуновой (2002), С. В. Кодзасова (2009), Т. Е. Янко (2009). Особенностью *wh*-вопросов является акцентуация в словосочетаниях с адъективными вопросительными словами *какой* и *который*, где, по наблюдению С. В. Кодзасова (2009, 180), тональные акценты принимают и определение, и определяемое («*В какой город приехала Алена?*»), в отличие от обычных атрибутивных словосочетаний, которым свойственна деакцентуация прилагательного (Ковтунова 2002, 99; Янко 2009, 41).

Отметим, что описанные правила действуют в русском частном вопросе независимо от того, какую ядерную конфигурацию выбирает говорящий: допускается, что в приведенных выше примерах могут использоваться все ядерные и предъядерные тональные акценты, описанные в разделах 3.2.1–3.2.3. Кроме этого, следует оговориться, что правила действуют только в пределах одной синтагмы, равной фразе: в случае, если вопрос разбивается паузами или фразовыми тонами на две и более синтагмы («*А Алена / в Москву-то она / когда приехала?*»), просодическая выделенность распределяется отдельно в пределах каждой единицы просодической иерархии более низкого уровня. Наконец, ключевым свойством представленной системы правил является высокая степень факультативности правил 1, 2 и 7. Такой подход к алгоритму ассоциации тональных акцентов соответствует разнообразию сценариев акцентуации, зафиксированных в экспериментальных и корпусных данных. Именно эта вариативность, как нам представляется, является основным доступным говорящему инструментом маркирования дополнительных элементов информационной структуры (или, в иной терминологии, актуального членения) высказывания в русском частном вопросе.

Безусловно, представленный в настоящей работе список правил не претендует на законченность. Он лишь призван отразить видение вариативной акцентуации русского частного вопроса с позиций используемой в настоящей работе фонологической модели и с опорой на проанализированные выше эксперимен-

тальные данные. Дальнейшее углубление и расширение сведений об этих правилах, их экспериментальная проверка, а также интеграция правил, характерных для частного вопроса, в общий для всех типов фраз алгоритм должны стать темами будущих исследований, специально посвященных этой проблематике.

3.3 Тональные конфигурации множественного вопроса

В заключительном разделе этой главы будут представлены экспериментальные данные об интонационном оформлении русских множественных вопросов (англ. *multiple questions*) – частных вопросов, содержащих более одного вопросительного слова.

Языки мира делятся на три основных типа по тому, как они оформляют множественные вопросы (Richards 1997): языки, передвигающие оба *wh*-слова в начало фразы (русский, болгарский, польский, чешский, румынский); языки, в которых оба *wh*-слова остаются *in situ* (японский, корейский, китайский); языки, в которых две стратегии комбинируются: одно *wh*-слово передвигается в левую периферию, а другое остается *in situ* (английский). Кроме этого, в (Dayal 2017) также выделяются языки с факультативным передвижением одного из вопросительных слов (французский, венгерский) и языки, в которых множественные вопросы отсутствуют (итальянский, ирландский). Типологическое разнообразие множественных вопросов на протяжении многих лет привлекает внимание синтаксистов, рассматривающих этот тип фраз как продуктивный эвристический инструмент для тестирования гипотез о синтаксической структуре высказывания. Так, среди работ на материале русского языка (часто в сравнении с другими славянскими, также передвигающими влево оба вопросительных слова) можно выделить исследования (Bošković 2002; Chernova 2015; Rojina 2011; Rudin 1996; Scott 2012; Stepanov 1998; Студеникина 2019). Следует заметить, что в подавляющем большинстве случаев исследователи синтаксиса множественных вопросов ограничиваются анализом их грамматичности или неграмматичности (как правило, на основе интроспекции либо суждений носителей языка), а также допустимости тех или иных ответов на них (например, обязательности или факультативности парной интерпретации вопроса). Фонетические данные о просодии множественных вопросов практически отсутствуют в литературе¹⁸.

¹⁸ В качестве исключения можно назвать работу (Mусock, Xu and Lahiri 2021), авторы которой проанализировали интонацию множественных частных вопросов в бенгальском языке (см. об «одиночном» частном вопросе в этом языке выше в разделе 2.2.2). В записанных ими множественных частных вопросах была обнаружена неодинаковая реализация двух идущих подряд вопросительных слов. В то время как первое вопросительное слово регулярно ассоциировалось с обычной для *wh*-слов «фокусной» тональной конфигурацией L* Нр (подстрочный знак здесь обозначает тон, маркирующий границу фонологической фразы), второму была свойственна факультативная деакцентуация. В косвенных же множественных частных вопросах «фокусная» конфигурация «делилась» между двумя вопросительными словами, формируя из них единую фонологическую фразу.

В исследованиях (Duryagin and Stepanov 2021; Duryagin and Stepanov in preparation) была поставлена цель описать интонацию русских вопросов с двумя вопросительными словами на основе экспериментальных данных, а также выяснить, оказывают ли влияние на интонацию различные комбинации *wh*-слов, их порядок и наличие между ними соединительного союза *и*. В рамках настоящей работы мы подробно остановимся только на первой из двух целей: описании фонетической реализации просодического маркирования русских множественных вопросов, а также фонологической интерпретации наблюдаемых контуров. Вопросы, касающиеся взаимодействия между просодией и синтаксисом (англ. *syntax-prosody interface*), выходят за рамки настоящей монографии.

Дизайн эксперимента (Duryagin and Stepanov in preparation) уже был ранее представлен в разделе 3.1: от 32 носителей литературного произношения было записано 192 «одиночных» и 176 множественных частных вопросов. Все множественные вопросы представляли собой неопределенно-личные конструкции, имеющие одинаковую структуру: двусложное вопросительное слово (*кого, кому, когда* или *куда*) + двусложное вопросительное слово + четырехсложный глагол (например, «*Кого кому подарили?*» и «*Кому кого подарили?*»). В половине стимулов вопросительные слова были соединены союзом *и*.

Все записанные токены были вручную размечены и проанализированы в программе *Praat* (Voersma and Weenink, 2024); 6 множественных вопросов были исключены из анализа в связи с ошибками чтения. По итогам анализа во множественных вопросах были обнаружены все ядерные тональные конфигурации, свойственные «одиночным» вопросам и представленные выше в разделах 3.2.1–3.2.3. Основные особенности интонационного оформления множественных вопросов, как и ожидалось, связаны с наличием в этом типе фразы дополнительного потенциального акцентоносителя – второго вопросительного слова, которое, согласно правилам акцентуации, сформулированным в 3.2.4, должно было принимать на себя предъядерный или ядерный акцент. Проанализированные данные показали, что в русском множественном частном вопросе только первое *wh*-слово регулярно выступает носителем тонального акцента (см. правило 8), в то время как акцентуация второго является факультативной.

Итак, наиболее распространенной во множественных вопросах была конструкция с нисходящей ядерной конфигурацией $H+L^* L-L\%$ (97 из 170 токенов; 57,1%) и различными факультативными предъядерными акцентами. Случаи использования нисходящего ядерного тона без предъядерного акцента немногочисленны; один из таких примеров представлен на Рис. 23, где в качестве наиболее просодически выделенного слова фразы воспринимается первое *wh*-слово, а второе *wh*-слово и глагол деакцентуированы (наблюдаемые на интонограмме движения ЧОТ связаны с микропросодией). В данных эксперимента также отмечены отдельные примеры, в которых происходит деакцентуация второго вопросительного слова перед ядерным $H+L^*$. Один из них приведен на Рис. 24, где второе вопросительное слово фразы *кого* не несет собственного тонального акцента и воспринимается как менее выделенное по сравнению с инициальным *кому* и конечным *подарили*.

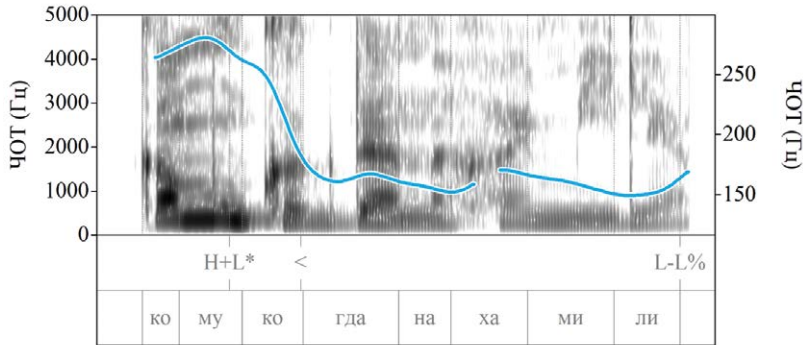

Рисунок 23 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кому когда нами?»

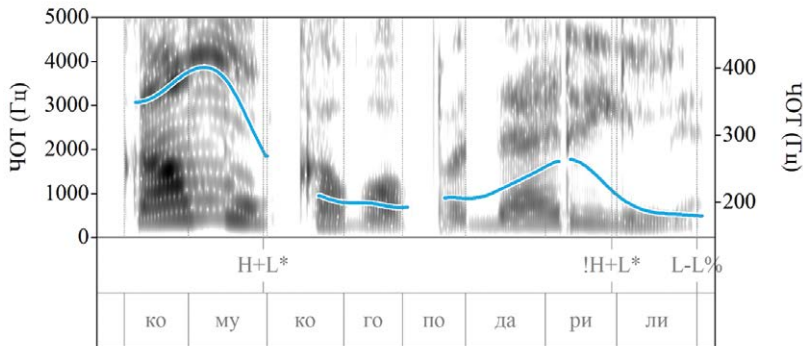

Рисунок 24 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кому кого подарил?»

В подавляющем же большинстве произнесений ядерный акцент H+L* был ассоциирован с глаголом, а дополнительное предъядерное выделение реализовывалось на обоих вопросительных словах. Данные эксперимента показывают, что предъядерные акценты таких множественных вопросов характеризуются разнообразием. Вопреки ожиданиям, конфигурация с повторением падений, имеющих ранний тайминг, и последовательным даунстепом каждого следующего высокого тона (H+L* !H+L* !H+L* L-L%) не встретилась в проанализированных данных. По-видимому, в русском языке существует тенденция к ограниченному использованию одинаковых нисходящих акцентов на соседних (не разделенных деакцентуированной составляющей) фонетических словах внутри одной синтагмы.

Основной стратегией для разрешения проблемы «столкновения» двух нисходящих акцентов H+L* является замена одного из них на восходящий. Чаще всего именно первое слово фразы реализуется с акцентом, имеющим

поздний тайминг. Второе же вопросительное слово характеризуется падением ЧОТ с ранним таймингом, в результате чего образуется единое восходяще-нисходящее движение на всем вопросительном кластере (см. Рис. 25). Другой, более редкий вариант тонального «сандхи» представлен на Рис. 26. Здесь, напротив, первое слово фразы сохраняет акцент $H+L^*$, а пик с поздним таймингом высокой тональной цели реализуется на втором *wh*-слове. Наконец, возможен и третий вариант комбинации предъядерных акцентов: в отличие от двух подряд падений ЧОТ на смежных составляющих, два подряд повышения тона допускаются системой. Такой пример приведен на Рис. 27: первое повышение с отчетливо выделяющимися на интонограмме ранней низкой и поздней высокой тональными целями происходит на ударном слоге слова *кому*; второе повышение, с еще более поздним пиком, переходящим на первый слог следующего слова, происходит на ударном слоге *когда*. Второй подъем имеет меньший диапазон в результате действия правила даунстепа.

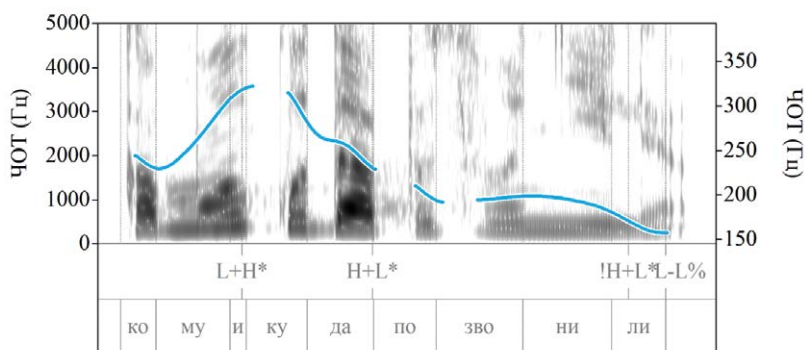

Рисунок 25 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кому и куда позвонили?»

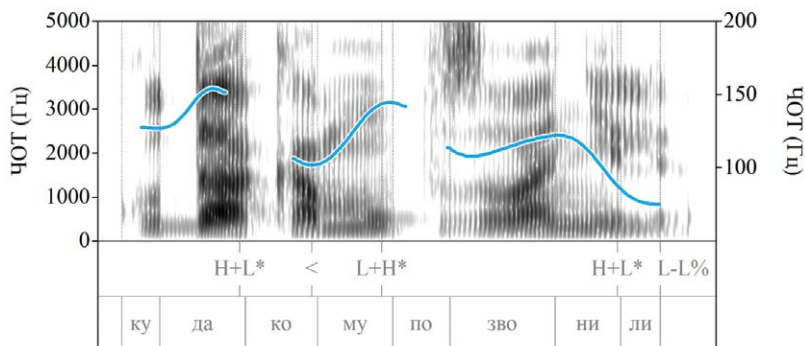

Рисунок 26 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Куда кому позвонили?»

Что представляют собой описанные в предыдущем абзаце предъядерные подъемы и падения ЧОТ с фонологической точки зрения? Для ответа на этот вопрос необходимы дополнительные экспериментальные данные, позволяющие увеличить расстояние между тональными целями и точнее описать их поведение при изменении сегментного материала. На основании имеющихся данных эксперимента (Duryagin and Stepanov in preparation) представляется возможным предложить лишь предварительную интерпретацию наблюдаемых конфигураций: падения тона как $H+L^*$ (по аналогии с «одиночным» частным вопросом), а подъема как $L+H^*$ (см. отчетливые «низкие тональные цели, например, на интонограмме на Рис. 27; мы также допускаем альтернативный анализ этого предъядерного акцента как H^*). Таким образом, мы анализируем тональные конфигурации на Рис. 25, 26 и 27 как $L+H^* H+L^* !H+L^* L-L\%$, $H+L^* L+H^* H+L^* L-L\%$ и $L+H^* L+!H^* H+L^* L-L\%$ соответственно. Вопрос о том, обусловлен ли выбор между комбинациями предъядерных акцентов синтаксическими ролями вопросительных слов, информационной структурой и прагматикой фразы (или же функция русских предъядерных акцентов здесь сугубо «орнаментальная», ритмическая), требует дальнейших исследований.

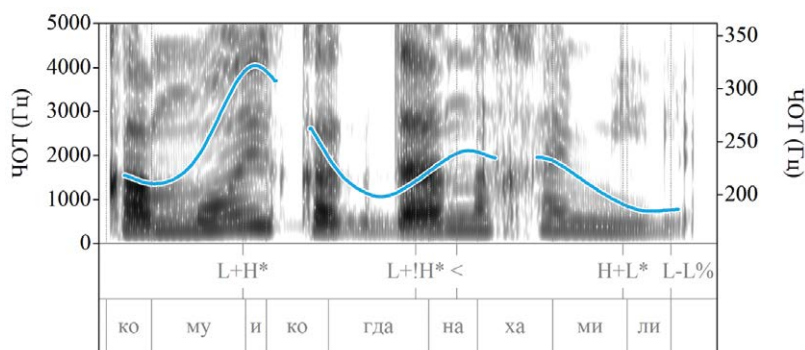

Рисунок 27 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кому и когда нахамили?»

Другой частотной ядерной тональной конфигурацией, которую испытуемые использовали во множественных частных вопросах, является $L^* H-N\%$, соответствующая ИК-4 модели Е. А. Брызгуновой (65 из 170 токенов; 38,2%). В частности, во множественных вопросах без соединительного союза *и* она употреблялась столь же часто, как и $H+L^* L-L\%$.

Как и в «одиночных» вопросах с ИК-4, ядерному L^* множественного вопроса обычно предшествует высокий предъядерный акцент H^* , реализуемый в виде пика ЧОТ в районе ударного слога первого вопросительного слова фразы (см. Рис. 28). Далее происходит понижение тона на протяжении всего второго вопросительного слова; низкий тон сохраняется вплоть до ударного

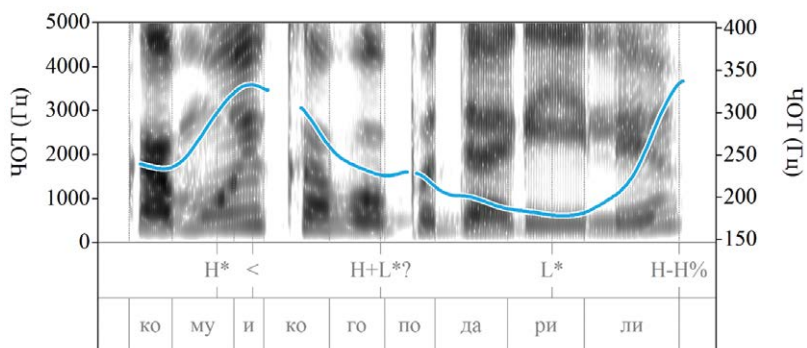

Рисунок 28 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кому кого подарили?»

слога последнего слова фразы, после которого осуществляется пограничный подъем. Предъядерное понижение тона после H^* может интерпретироваться двумя способами: либо как интерполяция между H^* и L^* , либо как изменение ЧОТ, содержащее в себе реализацию дополнительного тонального акцента, например, L^* или $H+L^*$. В первом случае центральное во фразе вопросительное слово следует признать деакцентуированным, а во втором оно является акцентоносителем. В таких спорных случаях, когда движение тона между двумя тональными целями может скрывать дополнительный тональный акцент, главным критерием наличия на слове акцента является восприятие носителями языка степени его просодической выделенности. Нам представляется, что в данном случае возможны оба варианта, однако в большинстве случаев носители языка просодически выделяют это «промежуточное» *wh*-слово. Для уточнения степеней просодической выделенности второго вопросительного слова в контурах типа ИК-4 требуется проведение дополнительных перцептивных экспериментов.

Добавим, что в данных эксперимента встретились случаи, когда ядерной конфигурации $L^* H-N\%$ предшествовали два участка повышения тона, причем в обоих, помимо пика, отчетливо наблюдался «нырок» ЧОТ к низкой тональной цели (см. Рис. 29). По аналогии с примером на Рис. 27 мы анализируем этот контур как отражающий два предъядерных акцента $L+H^*$ (второй – с даунстепом). Таким образом, примеры с предъядерными комбинациями $L+H^* H+L^*$ и $L+H^* L+!H^*$ показывают, что ядерная конфигурация $L^* H-N\%$ может сочетаться не только с H^* ; безусловно, такая комбинаторика в большей степени соответствует композициональному подходу АМ-модели (и представляется проблематичной для холистического подхода конструкционных моделей).

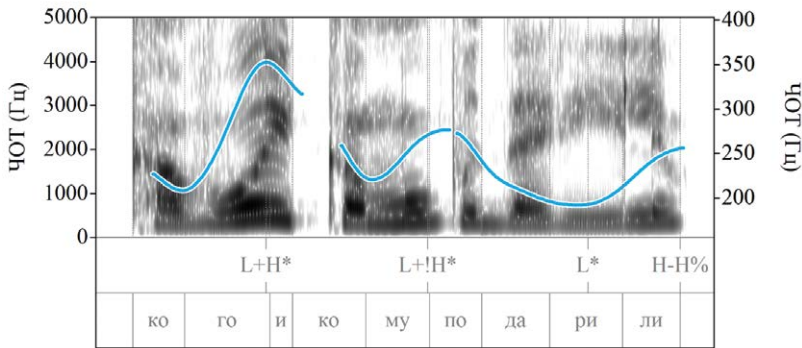

Рисунок 29 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кого и кому подарили?»»

Наконец, ядерная конфигурация L*+H H-N%, соответствующая ИК-6 модели Е. А. Брызгуновой, также использовалась участниками эксперимента во множественных вопросах, хотя и значительно реже по сравнению с вопросами «одиночными». Во множественных вопросах было зафиксировано 8 токенов с ИК-6 (4,7% от общего числа), два из них – в вопросах с соединительным союзом. Во всех примерах, кроме двух, ядерный акцент L*+H был реализован уже на первом слове фразы; второе вопросительное слово и глагол в этих примерах последовательно деакцентуировались (см. Рис. 30). В двух случаях испытуемые произнесли множественные вопросы с восходящими акцентами на каждом вопросительном слове (см. Рис. 31).

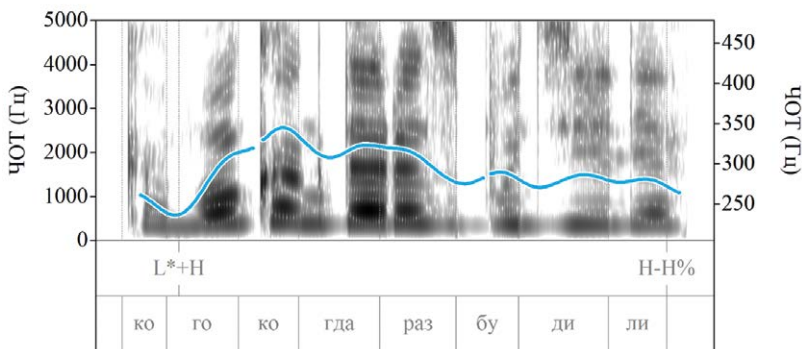

Рисунок 30 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Кого когда разбудили?»»

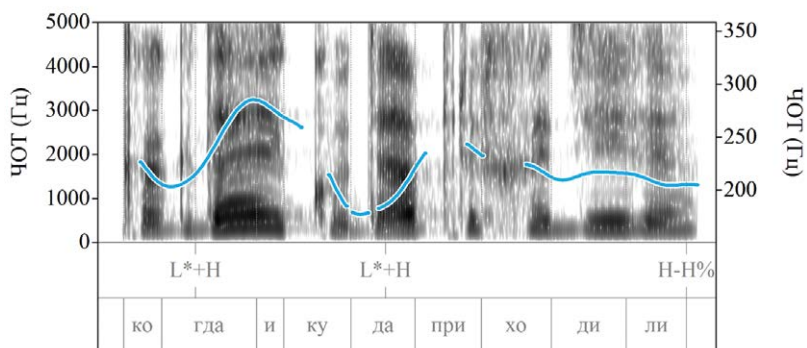

Рисунок 31 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Когда и куда приходили?»

Анализ данных МультиПарКа не позволяет углубить сведения об интонации множественных частных вопросов. Несмотря на то, что этот тип фраз в русском языке безусловно является грамматичным и не вызывает трудностей у носителей языка при их порождении, в речи он встречается редко. Из 442 частных вопросов, насчитывающихся в текстах «Ревизора», «Дяди Вани» и «Вишневого сада», только три являются множественными, все они представлены в пьесе Н. В. Гоголя: «Осмелюсь ли спросить: куда и в какие края ехать изволите?» (Городничий), «Ну рассказывайте: что и как там?», «Ну, расскажите: что и как?» (жена Городничего). Нетрудно заметить, что все эти вопросы являются косвенными, поэтому в некоторых случаях актеры объединяют их в общую интонационную фразу с предшествующим глаголом и деакцентуируют все придаточное («Ну РАССКАЗЫВАЙТЕ, что и как там!»); поскольку такие фразы не являются вопросительными, их обсуждение выходит за пределы настоящего исследования. Что же касается случаев, когда множественный вопрос формирует отдельную интонационную фразу, в них наблюдается все та же вариативность, которая была ранее отмечена в данных эксперимента. Во-первых, наблюдается возможность выбора между ядерными H+L* L-L% (Рис. 32) и L* H-N% (Рис. 33; интонограмма сильно искажена из-за недостаточного качества записи, однако на слух четко воспринимаются три отдельных ядерных тона). Во-вторых, вопросительные слова обычно принимают на себя предъядерные акценты, которые могут быть как восходящими, так и нисходящими. Зачастую фразы произносятся актерами в медленном темпе, в них присутствуют паузы. Такие вопросы следует анализировать как содержащие более одной синтагмы; их анализ должен включать дополнительные фразовые акценты H- и L- на каждой правой границе синтагмы (см. возможный анализ такого типа на Рис. 33).

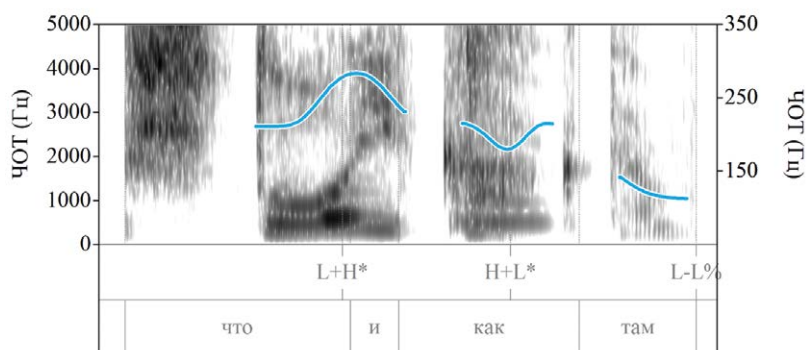

Рисунок 32 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Что и как там?»

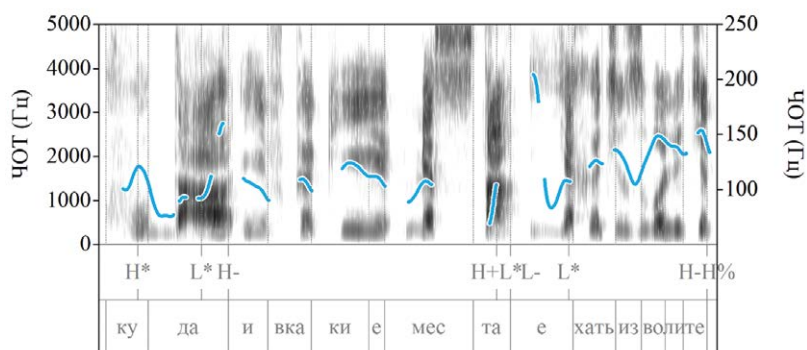

Рисунок 33 – Спектрограмма и интонограмма произнесения фразы «Куда и в какие места ехать изволите?»

В заключение этого раздела отметим, что наше описание интонации множественных частных вопросов представляет собой только первый подход к этому материалу. Многие вопросы, касающиеся просодии этого типа фраз, остаются открытыми. В первую очередь это касается интерпретации предъядерных движений тона, которые в большинстве случаев представляют собой сочетание двух тональных акцентов (причем по крайней мере в трех разных комбинациях восходящих и нисходящих акцентов).

С уверенностью можно сделать три основных вывода. Во-первых, для множественных вопросов характерны все те же ядерные тональные конфигурации, что и для вопросов «одиночных» (аналоги ИК-2, ИК-4 и ИК-6 модели интонационных конструкций). Во-вторых, если ядерное выделение находится в правой периферии фразы, после *wh*-слов, на вопросительном кла-

стере могут реализовываться разнообразные комбинации предъядерных акцентов, которые следуют ограничениям, напоминающим тональные сандхи языков с лексическими тонами (например, запрет на два последовательных $H+L^*$). В-третьих, первое из двух вопросительных слов последовательно сохраняет на себе тональный акцент в соответствии с правилом акцентуации б из раздела 3.2.4. При этом второе вопросительное слово может потенциально деакцентуироваться. В связи с этим правило б может быть уточнено следующим образом:

б.* Тональный акцент на вопросительном слове. В частном вопросе вопросительное слово обязательно принимает на себя предъядерный или ядерный тональный акцент, за исключением случаев деакцентуации после составляющей с [+узкий фокус]. **Вопросительное слово может факультативно не принимать на себя тонального акцента в позиции после другого *wh*-слова.**

3.4 Итоги

В главе 3 были представлены сведения об интонационном оформлении вопросов с вопросительными словами в русском языке. Данные были получены из двух типов источников: экспериментальных и корпусных (Мульти-медийный параллельный корпус в составе Национального корпуса русского языка) – подробно описанных в разделе 3.1.

Фонетический анализ контуров ЧОТ показал, что носители русского языка маркируют частный вопрос тремя основными ядерными тональными акцентами, которые мы анализируем с позиций АМ-модели как $H+L^*$ (в комбинации с $L-L\%$ в широком смысле соответствующий ИК-2 модели Е. А. Брызгуновой), L^* (в комбинации с $H-N\%$ соответствующий ИК-4) и L^*+H (в комбинации с $H-N\%$ соответствующий ИК-6). Безусловно, эти данные сами по себе не претендуют на новизну: в описаниях русской интонации и ранее встречались указания на использование этих ИК в частных вопросах. Тем не менее, нам представляется, что проанализированные в разделе 3.2 данные позволили существенно углубить имеющиеся знания. Прежде всего, различия в оформлении идентичных вопросов в речи разных носителей языка наглядно показывают, что $H+L^* L-L\%$ не является способом маркирования информационного частного вопроса «по умолчанию». Количественная оценка встречаемости ядра $L^* H-N\%$ показывает, что эта конфигурация в некоторых типах частных вопросов приближается по частотности к нисходящему контуру, а ее использование вовсе не обязательно связано с серией вопросов или указанием на связь с предыдущим предложением. Похожие выводы можно сделать и о конфигурации $L^*+H H-N\%$, сфера использования которой, как показывают записи, не ограничивается переспросами. Многие испытуемые спорадически использовали контур типа ИК-6 с ядром на вопросительном слове в контекстах нейтральных вопросов, не предполагающих отсылки к ранее известной или нерасслышанной информации.

Присущий АМ-модели композиционный подход к анализу контуров позволил обратить внимание не только на ядерную часть, но и на предъядерные характеристики мелодии. Здесь наибольший интерес представляют множественные частные вопросы (см. раздел 3.3), в которых начинающие фразу вопросительные слова могут маркироваться разнообразными предъядерными акцентами. Вопрос об инвентаре и функциях предъядерных акцентов является одним из наименее изученных в АМ-модели, и русский язык в этом отношении не является исключением. На материале множественных вопросов нам удалось показать, что предъядерные акценты не только сочетаются с разными ядерными конфигурациями, но и взаимодействуют между собой по особым правилам. Описание этих единиц русской просодии требует дальнейшего подробного изучения, поскольку представляет важность не только в отношении частных вопросов.

Наконец, в разделе 3.2.4 были предложены правила фразовой акцентуации (или, в терминах АМ-модели, правила ассоциации предъядерных и ядерных тональных акцентов) русского частного вопроса. Эти правила в большой степени пересекаются с ранее предлагавшимися в литературе (как на материале русского, так и на материале германских языков), однако их особенность заключается в том, что они содержат конкретные сведения о главной особенности частного вопроса – просодическом статусе русского вопросительного слова. Согласно приведенным данным, вынесенное в левую периферию вопросительное слово в русском языке обязательно принимает на себя ядерный или предъядерный акцент, однако может факультативно деакцентуироваться в соседстве фокусной составляющей или во множественном частном вопросе. В целом круг факторов, определяющих закономерности «синтагматического» измерения вариативности просодии русского частного вопроса (выбора акцентоносителей), можно считать определенным. Напротив, открытым остается вопрос о «парадигматическом» измерении: почему в одних и тех же ситуациях (например, в экспериментальных условиях с идентичным предложенным контекстом или при воспроизведении одних и тех же фрагментов текста пьесы) носители русского языка выбирают разные ядерные тональные конфигурации? Гипотеза о прагматической природе этого выбора будет предложена в заключительной главе работы.

Интонация частного вопроса как показатель позиции говорящего

4.1 Прагматические элементы значения частного вопроса

Структурно в частном вопросе четко выделяются два элемента: невопросительный и вопросительный (или неконституирующий и конституирующий компоненты высказывания, в терминологии Т. Е. Янко [2008]). Невопросительный элемент представляет собой общее знание (англ. *common ground*) собеседников, то есть, пропозицию или набор пропозиций, которые участники ситуации коммуникации считают верными. Так, задавая вопрос «*Когда приехала Алена?*», говорящий указывает на то, что, по его мнению, он разделяет с собеседником знание о том, что Алена приехала¹. Вопросительный элемент, в свою очередь, маркирует разность между знанием адресата вопроса и знанием субъекта, задающего вопрос, при помощи переменной (*wh*-слова) указывая на пробел, или лауну, в знании говорящего. Этот же анализ можно распространить и на частные вопросы в будущем времени, имплицитно предлагающие адресату самому выбрать одну из альтернатив. Спрашивая: «*Когда мы будем смотреть этот фильм?*» – говорящий не обязательно указывает на то, что адресат владеет знанием о моменте похода в кинотеатр в момент во-

¹ При этом мнение говорящего о содержании общего знания может быть ошибочным, и в этом случае адресат вопроса, как правило, незамедлительно указывает на ложность пропозиции: «*Нет, Алена не приехала*».

проса, однако от него требуется сформулировать это знание (выбрать день) и поделиться им с собеседником.

Базовая иллокутивная цель информационного частного вопроса, таким образом, заключается в том, чтобы подтвердить общее знание собеседников и расширить его, заполнив лакуну в знании задающего вопрос (Krifka 2011, 1743). Отметим, что высказывания особых типов, находящиеся на периферии поля частных вопросов, также содержат указание на пробел в знаниях говорящего, однако он может иметь особые характеристики. Например, в риторическом вопросе с очевидным ответом («Кто же ест щи на второе?») эта лакуна мнимая, она искусственно создается, чтобы актуализировать в знании адресата пропозицию «Никто не ест щи на второе». В недоуменном вопросе-припоминании («И куда я положила очки?...») адресатом вопроса является сам говорящий, а лакуна представляет собой разность между его знаниями в два разных момента времени: в настоящем и в прошлом, когда он владел этой забытой информацией. Ее заполнение желательно, хотя и представляет трудность для говорящего. Таким образом, лакуна присутствует во всех частных вопросах, в том числе непрототипических, и в этом заключается их отличие от восклицаний с вопросительными словами, обсуждение которых выходит за рамки настоящего исследования.

Обзор литературы в главе 2, однако, демонстрирует, что акт частного вопроса, как правило, не ограничивается указанием на общее знание собеседников и на необходимость заполнения лакуны в знании говорящего. Исследователи большинства языков мира отмечают, что, задавая частный вопрос в ситуации устной коммуникации, говорящий неизбежно выражает дополнительные прагматические элементы значения. Прежде всего речь идет об информационной структуре высказывания (различные виды фокуса, тема и рема, данное и новое), элементы которой маркируются с помощью ассоциации тональных акцентов, деакцентуации и порядка слов. Помимо информационной структуры, самым распространенным термином, который используется в литературе, чтобы описать прагматику частного вопроса, является лингвистическая вежливость – совокупность стратегий достижения цели коммуникации при сохранении «лица» говорящего. В классической модели (Brown and Levinson 1987) выбор говорящим стратегий лингвистической вежливости основан на оценке трех социальных факторов, включающих в себя относительную социальную «силу», или «власть» (англ. *power*) говорящего, дистанцию между собеседниками, а также специфические для конкретной системы представления о степени потенциальной угрозы того или иного речевого акта «лицу» говорящего. Нетрудно заметить, однако, что описания интонации обычно не устанавливают прямых соответствий между конкретными тональными единицами и параметрами лингвистической вежливости, ограничиваясь указаниями на «большую» или «меньшую» вежливость того или иного мелодического оформления, как правило, непрототипического. Вероятно, эта неопределенность связана с тем, что прагматические значения, маркируемые «парадигматическим» измерением вариативности интонации частного вопроса (выбором

тональных акцентов и/или тонов границы), имеют более общий характер, не ограничивающийся лишь указанием на социальные роли собеседников.

Одним из понятий, используемых в литературе о прагматике для описания значений такого рода, является английский термин *stance*, который мы здесь и далее будем переводить как позиция говорящего. В узком смысле он описывает эксплицитную, обычно выраженную лексически оценку говорящим объекта, о котором идет речь (например, «*Мне это нравится*»), и сравнение его мнения об объекте с мнением собеседника (например, «*Я согласна с тобой*»). В широком смысле *stance*, а точнее *stance taking*, представляет собой совокупность выраженных лингвистическими средствами действий говорящего по взаимодействию с другим субъектом и объектом коммуникации, включающих в себя также «опережающие» (англ. *forward-type*) стратегии, за счет которых говорящий ограничивает возможные реакции собеседника и таким образом определяет дальнейший сценарий развития диалога (Du Bois 2007; Haddington 2004; Wu 2004). Последний аспект особенно важен при анализе прагматики вопросительных высказываний, в которых задающий вопрос может использовать языковые средства, чтобы указать адресату вопроса на его роль в более широком контексте коммуникации (то есть, что именно от него ожидается, помимо заполнения лакуны).

В качестве примера конкретного описания позиции говорящего на материале частных вопросов можно привести работу (Kwon et al. 2021), авторы которой проанализировали использование трех способов грамматического оформления *wh*-вопроса в детской речи на корейском языке. Согласно их анализу, дети успешно используют три разные частицы (маркирующую субъект *ka*, маркирующую тему *nin* и нулевую частицу) для выражения своей позиции в вопросах об объекте («*Что это такое?*»), адресованных взрослым. Употребление частицы *ka* рассматривается как способ «проблематизации» не соответствующего его ожиданиям референта (объекта) вопроса: говорящий выражает негативную аффективную позицию в отношении референта и требует от собеседника немедленного участия. Напротив, при использовании нулевой частицы референт вопроса не проблематизируется, а рассматривается как релевантный элемент ситуации; в результате роль собеседника не предполагает немедленного решения «проблемы», а естественный ход ситуации не прерывается. Наконец, использование тематической частицы имеет в первую очередь дискурсообразующую функцию: говорящий пытается «оживить» или продолжить акт коммуникации, активно вовлекая в него взрослого собеседника за счет отсылки к контексту. Таким образом, корейские частицы могут выступать в качестве ключевого лингвистического ресурса, маркирующего разные аспекты позиции говорящего в *wh*-вопросе. Нам представляется, что в русском частном вопросе аналогичным инструментом, с помощью которого говорящий маркирует собственную позицию по отношению к собеседнику и к объекту вопроса, а также определяет дальнейший ход коммуникации, являются интонационные средства, а именно выбор ядерной тональной конфигурации.

4.2 Позиция говорящего в русском частном вопросе

Прежде чем перейти к анализу прагматики тональных конфигураций русского частного вопроса, кратко обобщим сведения об их дистрибуции. Итак, выше в главе 3 были выделены три ядерные тональные конфигурации², доступные носителям русского языка при маркировании частного вопроса. Данные экспериментов показывают, что некоторые контексты употребления частных вопросов позволяют выбирать любой из трех способов оформления вопроса. Например, при прочтении приведенного в (1) диалога участники эксперимента (Дурягин 2021а) в выделенном вопросе с узким фокусом семь раз использовали $H+L^* L-L\%$ (с разными предъядерными акцентами), десять – $L^* H-N\%$ и три – $L^*+H H-N\%$.

- (1) Испытуемый: *А кто теперь живет над вами, в 45-й квартире?*
 Экспериментатор: *Снова Марина Ивановна. Еще ее сын на каникулы из Питера вернулся.*
 И: *Да, я уже видела Марину Ивановну. А когда сын приехал?*
 Э: *А сын с конца июня здесь, как сессию сдал, так и отдыхает.*
 И: *Ну главное, чтобы они не шумели.*

Кроме этого, на основании данных корпуса можно предположить, что некоторые контексты использования частных вопросов позволяют говорящему выбирать только из двух вариантов, в то время как третий вариант не используется, потому что он не соответствует контексту и может сделать фразу прагматически нерелевантной. В качестве примера можно привести диалог между Раневской и Трофимовым в первом действии «Вишневого сада» («*Что же, Петя? Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?*»). Первый вопрос с вопросительным словом *отчего* две исполнительницы роли Раневской оформили ядерными $H+L^* L-L\%$ (ИК-2) на глаголе и две – $L^* H-N\%$ (ИК-4). Оформление этого вопроса $L^*+H H-N\%$ (ИК-6), вероятно, невозможно в этой конкретной ситуации коммуникации. В качестве другого примера из МультиПарКа можно привести уже процитированную выше в разделе 3.2.3 реплику Хлестакова «*Как называлась эта рыба?*» («Ревизор»), демонстрирующую выбор между $H+L^* L-L\%$ и $L^*+H H-N\%$ (и, вероятно, не допускающую $L^* H-N\%$).

Наконец, описания русской интонации также выделяют типы контекстов, в которых частный вопрос, как правило, допускает использование только одной ядерной конфигурации. В частности, исследователи русской интонации сходятся в том, что преимущественным (если не единственным) способом оформления грубого, нетерпеливого частного вопроса является соответствующая ИК-2 конфигурация $H+L^* L-L\%$ с ядром на вопросительном сло-

² Здесь и далее пойдет речь только о выборе ядерной тонального акцента в комбинации с тонами границы, без учета вариативности предъядерных акцентов, функции которых требуют дальнейших исследований.

ве (Светозарова 1978, 176; Odé 2008b)³, а, например, уточняющий частный вопрос, как правило, маркируется соответствующей ИК-6 конфигурацией $L^*+H\ H-N\%$ (Брызгунова 1980, 118; Вольская и Скредин 2009, 38).

Таким образом, если все грамматические и прагматически релевантные частные вопросы на русском языке представить как элементы универсального множества U , то внутри него можно выделить три пересекающихся подмножества (назовем их A , B и C), которые будут соответствовать частным вопросам, оформленным тремя ядерными конфигурациями. Высказывания, которые могут быть в одном и том же контексте, сохраняя прагматическую релевантность, оформлены одной из двух ядерных конфигураций, находятся на пересечении двух множеств ($A\cap B$; $B\cap C$; $A\cap C$). Высказывания, которые носители языка в одном и том же контексте могут породить с одной из трех ядерных конфигураций, находятся на пересечении трех множеств ($A\cap B\cap C$). Традиционным графическим способом изображения таких логических отношений между множествами является диаграмма Венна, представляющая собой пересекающиеся фигуры, обычно круги (см. ниже).

Чем же руководствуются носители русского языка, делая выбор между ядерными конфигурациями в контекстах, допускающих вариативность? И почему некоторые контексты использования частных вопросов накладывают ограничения на этот выбор? Для окончательного ответа на этот вопрос необходимо проведение тщательных перцептивных исследований, однако на основании проанализированных в главах 2 и 3 данных нам представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что в русском частном вопросе выбор ядерной тональной конфигурации служит средством выражения одного из центральных элементов прагматического значения, а именно занимаемой говорящим позиции в ситуации коммуникации (далее для краткости будет использоваться термин позиция говорящего). Порождая частный вопрос на русском языке, говорящий при помощи интонации маркирует одну из следующих позиций: он либо утверждает свою ведущую роль, устанавливая контроль над ситуацией коммуникации ($H+L^*L-L\%$); либо выражает активную вовлеченность в дальнейшее взаимодействие с собеседником, придавая большое значение контексту ($L^*+H\ H-N\%$); либо подчеркивает высокую степень своей информированности (естественно, за вычетом неизвестной, обозначенной *wh*-словом), основанную на общем с собеседником знании ($L^*+H\ H-N\%$). Схема предлагаемой модели представлена в виде диаграммы Венна на Рис. 34⁴. В следующих разделах главы 4 будут подробнее представлены три позиции задающего частный вопрос, а также обязательные и факультативные контексты их интонационного маркирования.

³ Оговоримся для ясности: все (или почти все) грубые вопросы оформляются $H+L^*L-L\%$, но не все вопросы с $H+L^*L-L\%$ воспринимаются как грубые.

⁴ Диаграммы на Рис. 34 и 35 были созданы с использованием пакета *eulerr* (Larsson 2021) для программы *RStudio* (R Core Team 2020).

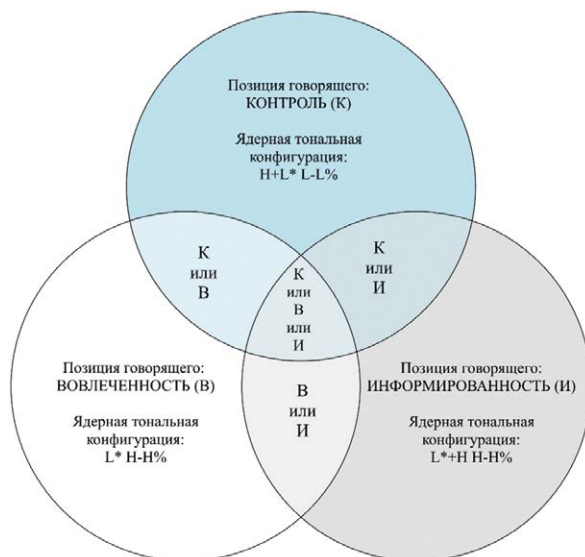

Рисунок 34 – Основные ядерные тональные конфигурации русского частного вопроса и соответствующие им позиции говорящего

4.2.1 Контроль: $H+L^* L-L\%$

Итак, в контекстах, допускающих оформление частного вопроса нисходящей ядерной тональной конфигурацией $H+L^* L-L\%$, говорящий может (обязательно или факультативно) занимать позицию, которую мы далее будем условно обозначать как контроль. Эта позиция предполагает активную ведущую роль самого говорящего, который не только задает вопрос, но и намеревается сам определять дальнейшее развитие диалога. Роль собеседника (по крайней мере в представлении задающего вопрос) в этом случае пассивна: от него требуется заполнить лакуну и ожидать дальнейших указаний. В данном разделе будут обсуждаться только те контексты, в которых $H+L^* L-L\%$ не является взаимозаменяемой с другими двумя конфигурациями (о контекстах, допускающих существенную вариативность, в частности, экспериментальных данных из главы 3, пойдет речь в разделе 4.3).

Анализ интонологической литературы показывает, что основным контекстом, характерным для исключительного использования ядерной конфигурации $H+L^* L-L\%$ в русском частном вопросе, является настойчивый, резкий или даже грубый, невежливый информационный вопрос. Дополнительным средством выражения контролирующей позиции говорящего является перенос ядерного тонального акцента на вопросительное слово⁵. В качестве

⁵ Вероятно, эта стратегия широко распространена типологически. Например, П. Озеров в исследовании интонации частного вопроса в иврите также характеризует ее как способ

«невежливого вопроса» можно привести пример (2), взятый из данных ресурса (Odé 2008b).

- (2) *Какой канал ты включил?*
 Н+L*   L-L%⁶

Следует, однако, отметить, что позиция контроля допускает и сохранение ядерной выделенности в правой периферии фразы. В таком случае с вопросительным словом ассоциируется предъядерный акцент. В частности, С. В. Кодзасов (2009, 108) отмечает, что говорящий выступает с позиции «хозяйина» ситуации, оформляя частный вопрос двумя нисходящими тональными акцентами, как в примере (3)⁷.

- (3) *Ты опять уходишь. Когда ты вернешься?*
 Н+L*   (!)Н+L* L-L%

Похожие характеристики Н+L* L-L%, но уже в сочетании с предъядерным акцентом Н*, содержатся и в работах Е. А. Брызгуновой (Брызгунова 1971, 45; Брызгунова 1980а, 116), которая характеризует употребление ИК-5 в частном вопросе (причем в работе 1971 г. – наравне с ИК-2!) как средство выражения нетерпения и досады. Действительно, в приводимом Е. А. Брызгуновой примере (4) эти значения могут выражаться преимущественно нисходящей конфигурацией.

- (4) *Почему ты не сказала раньше?*
 Н*   Н+L*   L-L%

Таким образом, представляется, что эти характеристики вопроса как грубого, резкого, нетерпеливого, выражающего досаду отражают разные аспекты одного и того же явления – контролирующей позиции говорящего. Если вопросы с Н+L* L-L% «задумываются» говорящим как грубые⁸, это отражает его позицию по отношению к собеседнику, предполагающую ту или иную степень контроля. Когда же частный вопрос воспринимается носителями языка как нетерпеливый, то речь все так же идет о контроле, но объектом контроля становится в первую очередь сценарий дальнейшей коммуникации: задавая

привлечения внимания собеседника к тому, что «пробел» в знаниях является объектом особого интереса задающего вопроса (Ozerov 2019, 32). Об условиях ядерной акцентуации *wh*-слова в английском см. (Bolinger 1990).

⁶ Здесь и далее для примеров, цитируемых из других исследований, будет предлагаться наша собственная АМ-аннотация (естественным образом, она отсутствует в источниках). В том случае, если контекст допускает разные варианты интонационного оформления, они приводятся в отдельных строках один под другим.

⁷ При этом содержащий ту же ядерную конфигурацию акцент Н* Н+L* Н-Н%, по данным С. В. Кодзасова, не предполагает «доминирующей позиции» говорящего. Нам представляется, что в данном случае «контроль» следует рассматривать как более широкое понятие, чем «доминанция».

⁸ Ср. вопросы с инвективами *на кой* + X, *какого* + X и др., которым также, видимо, свойственно регулярное оформление ядерным Н+L*.

вопрос с нетерпением, говорящий настаивает на немедленной реакции собеседника, в сущности не оставляя ему выбора.

Контексты исключительного использования $H+L^* L-L\%$ не ограничиваются грубыми и нетерпеливыми вопросами. Другой группой ситуаций, в которых говорящий маркирует при помощи этой мелодии свою контролируемую позицию, являются различные виды риторических вопросов. Специальные исследования интонации риторических вопросов отсутствуют в русистике, однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предположить, что основным способом их оформления также является ядерная тональная конфигурация $H+L^* L-L\%$.

Прежде всего, некоторые эмоционально окрашенные риторические вопросы обнаруживаются в данных МультиПарКа. В драматических произведениях они характерны для монологов персонажей. Например, в заключительных сценах «Дяди Вани» отчаявшийся Войницкий задает серию вопросов, формально обращенных к Астрову, однако, безусловно, не являющихся информационными («*Что мне делать? ... Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их?*»). Данные корпуса позволяют убедиться, что во всех случаях исполнители роли Войницкого оформляют их ядерной конфигурацией $H+L^* L-L\%$. Риторические вопросы, свойственные монологической речи, необязательно имеют экспрессивную функцию, как в приведенных выше примерах. Они также могут использоваться для организации дискурса. Например, на научной конференции докладчик может задать вопрос: «*Что я хотел сказать всем этим?*» – прежде чем перейти к выводам своей презентации; этот частный вопрос также может быть оформлен только нисходящей ядерной конфигурацией⁹. Добавим, что аналогичным образом оформляются и уже упоминавшиеся выше риторические вопросы, адресованные другим участникам ситуации, но направленные на актуализацию тривиального общего знания, иными словами, предполагающие ответ, очевидный для собеседников («*Ну что вы! Кто ест щи на второе? Несите котлеты*»).

Интонация русских риторических вопросов, безусловно, заслуживает отдельного изучения, однако представляется, что просодическое оформление перечисленных выше их разновидностей в целом однородно и соответствует предлагаемой в этой главе модели. Во всех этих случаях, задавая риторический вопрос, говорящий сохраняет полный контроль над ситуацией, не предполагая активного участия собеседника. Вне зависимости от того, владеет ли адресат информацией (например, о том, что никто не ест щи на второе), или же адресат вовсе отсутствует (как в экспрессивных и дискурсообразующих элементах монологов), его роль пассивна и строго задана позицией говорящего.

⁹ Альтернативным способом оформления этого высказывания может быть интонация общего вопроса (ИК-3): «*(Вы спрашиваете), что я хотел сказать всем этим?*» Такое высказывание, однако, мы не рассматриваем как частновопросительное.

4.2.2 Вовлеченность: L* Н-Н%

Позицию говорящего, который оформляет частный вопрос при помощи ядерной тональной конфигурации L* Н-Н%, можно охарактеризовать условным обозначением вовлеченность. В отличие от контроля, вовлеченность предполагает активную роль не только говорящего, но и собеседника. Задающий вопрос указывает адресату на то, что их коммуникация не ограничивается заполнением лакуны; напротив, он планирует дальнейший продуктивный обмен информацией, который может представлять собой, например, серию дополнительных вопросов. Вовлеченность может иметь и ретроспективный характер: используя L* Н-Н% в частном вопросе, говорящий может подчеркивать важность левого контекста, причем не только вербального, но и ситуативного (предшествующие события имеют значение для интерпретации цели вопроса говорящего).

В главе 3 уже говорилось о том, что первым на использование L* Н-Н% в русском языке обратил внимание С. К. Боянус (Boyanus 1935a, 69). В его описании русской интонации отмечается, что вопросы, оформленные такой интонацией, приобретают новые оттенки значения в зависимости от контекста. Именно слово контекст следует рассматривать как ключевое в этой характеристике. Единственный пример, который приводит исследователь, это серия вопросов врача «*Как себя чувствуем? Как живем? Как дела?*», которые автор называет *patronising* – то есть, дружелюбными, но снисходительными (Boyanus 1935a, 69). Нам представляется, однако, что в современном русском литературном языке оформленные ИК-4 вопросы такого типа не предполагают контролирующую позицию говорящего, а, напротив, скорее характерны для сферы услуг, где статус клиента (в данном случае адресата вопроса) заведомо должен быть не ниже статуса того, кто оказывает услугу (продавца, официанта и т. п.). Приведем уместную, на наш взгляд, историческую параллель: частный вопрос «*Чего ИЗВОЛИТЕ?*», произнесенный с нисходящей ядерной конфигурацией Н+L* L-L%, вполне естественен в устах ведущего себя дерзко по отношению к Хлестакову слуги Осипа в «Ревизоре» (см. данные МультиПарКа), однако в наши дни он вряд ли может быть уместен с точки зрения профессионального этикета в сфере обслуживания.

Безусловно, обращает на себя внимание то, насколько тесно в интуиции исследователей русской интонации использование L* Н-Н% связано с идеей привязанности к контексту. Так, в работах Е. А. Брызгуновой использование ИК-4 в полных вопросах рассматривается исключительно как признак «сопоставительных отношений с предшествующим предложением» (Брызгунова 1973, 48; 1980a, 114), см. ниже пример (5).

- (5) - В прошлом году они были на Байкале.
 - А в этом куда собираются?
 Н* L*   Н-   Н%

С точки зрения предлагаемой в настоящей главе модели, позиция говорящего, использующего ядерную конфигурацию L* Н-Н%, заключается в следующем: он принимает содержащуюся в предыдущем высказывании собеседника информацию о прошлом годе как релевантную, демонстрирует свою вовлечен-

ность в акт коммуникации и заинтересованность в его продолжении. Произнесенный с ИК-4 вопрос может иметь этикетную функцию поддержания беседы, задаваться исключительно в целях *small talk* – непринужденного разговора на отвлеченные темы, основная цель которого – продемонстрировать формальный интерес к собеседнику. Напротив, использование Н+L* на слове *этом* имело бы совершенно другое прагматическое значение («я отрицаю релевантность информации о прошлом годе и требую немедленно предоставить информацию об этом годе») и, вероятно, было бы не вполне уместно в светской беседе. Это наблюдение, однако, требует экспериментальной проверки.

Что касается других описаний русской просодии, С. В. Кодзасов также определяет ИК-4 в частном вопросе как «специальный показатель текстовой связности» (Кодзасов 2009, 108-09). В работах Т. Е. Янко ИК-4 частного вопроса отдельно не обсуждается, однако обсуждаются неполные вопросы, по сути являющиеся частными с опущенным местоимением: «А пирог? А дом? А Вася?». Отличие акцента типа ИК-4 от ИК-2 в таких вопросах также объясняется привязкой к контексту, «соотнесением с релевантным для ситуации множеством, на фоне которого рассматриваются пирог, дом или Вася» (Янко 2008, 203)¹⁰.

Следующим типичным контекстом для занятия позиции вовлеченности является серия вопросов, часто анкетного характера (Брызгунова 1971, 45; Кодзасов 2009, 55; Янко 2008, 203). Интересно, что потребность выразить интонационно связь вопроса с соседними высказываниями может получать приоритет над другими элементами прагматического значения: так, в МультиПарке наблюдается любопытная вариация в том, как исполнительницы роли Раневской оформляют серию риторических вопросов в адрес ее брата Гаева в тексте «Вишневого сада» («Зачем так много пить, Леня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить?»). Из четырех вхождений, в двух актрисы используют последовательно Н+L* L-L% (позиция контроля, собеседник пассивен, цель – актуализировать общее знание пропозицию «ни к чему, это не нужно»), в одном используется последовательно L* Н-Н% (позиция вовлеченности, цель – продемонстрировать серией вопросов свою заинтересованность, указать на связь между вопросами) и еще в одном первый и третий вопрос оформляются Н+L* L-L%, а расположенный между ними как бы «скрепляет» их при помощи L* Н-Н%. И именно в двух последних случаях собеседник активизируется: только в ответ на оформленный ИК-4 вопрос исполнители роли Гаева произносят невнятное междометие.

Наконец, еще одним многократно описанным в литературе контекстом употребления L* Н-Н% является вопрос, выражающий недоумение и сожаление, см. (6)-(7). Выше в разделе 2.3.2 уже была представлена аргументация о необходимости отличать такой вопрос от обычного переспроса о забытой информации, оформленного ИК-6.

¹⁰ Интересная параллель наблюдается в характеристике английского предъядерного L*, который в (Bartels 1999: 173) характеризуется как сигнал о «настойчивой контекстуализации» (англ. *ostensible contextualization*) частного вопроса.

- (6) *Куда мои очки запропастились?..*
 Н* L* Н- Н%
- (7) *И почему он не поехал?..*
 Н* L* Н-Н%

В работах С. В. Кодзасова особенность этого типа контекстов сформулирована в терминологии, очень близкой к используемой в настоящей главе. По сути, исследователь также отталкивается от позиции говорящего и характеризует прагматическое значение, передаваемое интонацией, как «продолжающиеся попытки преодолеть интеллектуальные трудности» (Кодзасов 2009, 116). Иными словами, задающий вопрос вовлечен, активен в своих попытках заполнить лакуну; он верит в возможность получить ответ, но неожиданные затруднения вызывают у него растерянность. В (6) говорящий адресует вопрос самому себе (предполагается, что при его собственном активном участии – вспоминании или переборе вариантов ответа – очки могут быть найдены); вопрос в (7) может быть адресован собеседнику или группе собеседников, от которых ожидается активное участие в устранении неопределенности. В любом случае, представляется, что, желая выразить искреннее недоумение, говорящий не может выбирать позицию контроля (Н+L* L-L%) или информированности (L*+Н Н-Н%, см. ниже).

4.2.3 Информированность: L*+Н Н-Н%

Третий тип позиции, доступный задающему частный вопрос на русском языке, мы предлагаем условно обозначать как информированность. Используя ядерную конфигурацию L*+Н Н-Н%, говорящий обращает особое внимание на общее с собеседником знание: оно существует, оно велико по объему и оно не ограничивается пропозицией, заключенной в невопросительной части высказывания. При выборе ИК-6 роль говорящего более пассивна, чем при контроле (Н+L* L-L%) и вовлеченности (L* Н-Н%): он все так же желает заполнить лакуну («последнюю недостающую деталь головоломки» в его обширном знании), однако на этом его эксплицитно выраженный интерес в акте коммуникации заканчивается: адресат вопроса волен самостоятельно выбирать дальнейшую стратегию поведения в диалоге.

Базовым контекстом преимущественного использования L*+Н Н-Н% (ИК-6) русского частного вопроса считается переспрос. В литературе (Badan and Crocco 2019; Bartels 1999; Biezma et al. 2022) обычно выделяются два типа таких вопросов: с одной стороны, переспрос о забытой, нерасслышанной или непонятой информации (включая прояснение референции местоимений) и, с другой стороны, удивленный переспрос¹¹, см. примеры (8) и (9) соответственно.

¹¹ Удивленный переспрос в примере (9) можно рассматривать как своего рода языковую игру: говорящий только делает вид, что не расслышал или не понял не соответствующую его ожиданиям информацию и таким образом пытается оказать давление на собеседника.

- (8) А: Я приду в [неразборчиво].
 В: Во сколько ты придешь?
 L*+Н Н-Н%
- (9) А: Я приду в пять утра.
 В: Во сколько ты придешь??
 L*+Н Н-Н%

Все типы переспроса объединяет то, что говорящий занимает в них позицию информированного субъекта: «Я обладаю большим количеством общего с тобой фонового знания, за исключением небольшой лакуны, образовавшейся по моей вине (забыл/не расслышал/не понял с первого раза)». В отличие от ситуации вовлеченности, собеседнику не предлагается непременно продолжить обмен информацией: после ликвидации лакуны (ответа «В пять утра») диалог может как зайти в тупик, так и продолжиться по инициативе любого из участников.

В литературе об ИК-6 от переспросов обычно отделяются уточняющие вопросы, в которых говорящий интересуется информацией, не содержащейся в контексте. Уточнение «В како⁶й аудитории будет лекция?» (Брызгунова 1980а, 118) может быть оформлено ИК-6, даже если говорящий никогда не знал и не мог знать номер аудитории. Нам представляется, однако, что такие вопросы могут быть оформлены и ИК-2, и их следует отнести к допускающим вариативность, находящимся на пересечении полей контроля и информированности (о подобных пересечениях см. подробнее далее в разделе 3.4). Выбор интонационного оформления в таком случае может быть продиктован коммуникативными намерениями говорящего.

Напротив, позиция информированности скорее обязательна в тех случаях, когда говорящий не имеет права признаться в своем незнании. Например, сотрудник отдела кадров, который был обязан перед собеседованием ознакомиться с резюме кандидата, вряд ли может оформить ИК-2 или ИК-4 вопрос в (10).

- (10) Где вы заканчивали магистратуру?
 L*+Н Н-Н%

К этой же группе контекстов следует отнести и выделяемые М. Г. Безяевой (2006) этикетные вопросы с ИК-6, в которых говорящий стесняется признаться в своем незнании. Оформляя вопрос (11) конфигурацией L*+Н Н-Н%, говорящий как бы оправдывается перед адресатом вопроса за несоответствие в их общем знании: «Я хорошо информирован о том, что у тебя есть сын, я помню, что его зовут Володя, мне не хватает только информации о его возрасте»¹².

¹² Иная возможная интерпретация «этикетного занятия позиции информированности» была нам предложена автором анонимной рецензии и может звучать так: «Это единственное, что ты должен мне сказать; все остальное о Володе я знаю и больше не буду тебя беспокоить».

(11) *Сколько лет Володе?*

L*+H   H-N%

Таким образом, заняв позицию контроля или вовлеченности в контекстах (10)-(11), говорящий рисковал бы обнаружить свою неподготовленность или невнимательность; напротив, за счет смещения внимания от лакуны к общему с собеседником знанию вопрос смягчается, а пробел в его знании маскируется, уходит на второй план.

В заключение этой секции кратко затронем вопрос о том, почему для фраз, оформленных L*+H H-N%, характерно передвижение ядерной выделенности на вопросительное слово. Вероятным объяснением этого явления является то, что все невопросительные составляющие в вопросах с этой конфигурацией охарактеризованы как [-новое] и, следовательно, потенциально деакцентуированы (см. правило акцентуации 7 выше в разделе 3.2.4). Следует, однако, оговориться, что L*+H может ассоциироваться и с невопросительными составляющими; для этого достаточно, чтобы позиция информированности сочеталась с необходимостью маркировать контрастный фокус, как в примере (12).

(12) *Все Алены подружки приехали во вторник.*

А когда Алена приехала?

L*+H   H-N%

Такие примеры встречались спорадически в данных эксперимента (Дурягин 2021), содержавшего ситуации, требующие маркирования узкого фокуса. Во всех случаях, однако, была отмечена вариативность в выборе одной из трех ядерных конфигураций в речи испытуемых: наравне с L*+H H-N% участники оформляли вопрос с узким фокусом и двумя другими сочетаниями тонов.

4.3 Контексты, допускающие выбор позиции говорящим

В предыдущем разделе была предложена интерпретация прагматического значения трех основных ядерных тональных конфигураций русского частного вопроса. В секциях 4.2.1–4.2.3 речь шла в первую очередь о контекстах, для которых характерно существенное преобладание только одной из позиций. Напротив, в этом разделе будут представлены контексты, попадающие в зоны пересечения кругов на Рис. 34, – ситуации, как правило, оставляющие говорящему выбор и допускающие занятие разных позиций.

Начнем с центра диаграммы. Существуют ли ситуации, в которых говорящий, задавая частный вопрос, может выразить любую из трех базовых позиций: контроля, вовлеченности или информированности? Теоретически, безусловно, да. Об этом говорят данные экспериментов, описанных в главе 3. Выше в разделе 4.2 уже приводился пример стимула «*А когда сын приехал?*», в котором участники эксперимента использовали более одного раза каждую из трех ядерных тональных конфигураций. Приведем пример еще одного такого контекста.

(13) А: *Здравствуйте! Приятно познакомиться.*

В: *Здравствуйте! Мне тоже. Когда Вы приехали в Москву?*

Если диалог в (13) представляет собой первую встречу малознакомых людей, можно допустить, что говорящему В доступны все три позиции. Оформив вопрос тональной конфигурацией $H+L^* L-L\%$ (в комбинации с предъядерными акцентами H^* , или $H+L^*$) с ядерным выделением на составляющей *в Москву*, он может сразу установить контроль над ситуацией, открыто выразив заинтересованность в получении информации, рискуя, однако, показаться прямолинейным или настойчивым. Ассоциация $L^* H-N\%$ с последним словом фразы в комбинации с предъядерным H^* на *когда* является наиболее безопасным вариантом с точки зрения угрозы «лицу» адресата (в терминологии теории лингвистической вежливости [Brown and Levinson 1987]): выбор выражает вовлеченность в акт коммуникации, предлагая адресату роль активного его участника. Наконец, представляется возможным и выбор $L^*+H H-N\%$ с ядерной выделенностью на вопросительном слове или на слове *Москву*. В зависимости от конкретных обстоятельств, информированность задающего вопрос может быть как реальной (*В действительно много знает об А*, потому что они заочно знакомы, потому что он был заранее предупрежден о приезде А и т. п.), так и условной (*В в действительности ничего не знает об А*, кроме того, что тот приехал в Москву, но имитирует наличие общего знания, например, чтобы сократить дистанцию с собеседником).

Представляется, что подобные ситуации все же чаще являются искусственным продуктом экспериментов, в которых контексты намеренно выхолощаются с целью исключить возможное влияние неучтенных в дизайне исследования лингвистических и экстралингвистических факторов. Будучи поставленными перед задачей озвучить стимулы «в естественной манере», испытуемые вынуждены вольно или невольно сами додумывать ситуацию, дополнять контекст недостающими деталями, необходимыми для выбора просодического оформления фразы. Напротив, в реальной коммуникации говорящие, как правило, имеют заранее определенные социальные роли, а частные вопросы не произносятся *out of the blue*, «из ниоткуда»; обычно им предшествует контекст, существенно более богатый по сравнению с тем, что представлен в примере (13). Подобные факторы могут накладывать ограничения на выбор ядерной тональной конфигурации, часто все же допуская вариативность, но только в пределах двух, а не трех доступных говорящему позиций. Ниже будут рассмотрены некоторые такие контексты, ранее обсуждавшиеся в интонологической литературе.

Первым контекстом употребления частного вопроса, представляющим интерес с точки зрения ограничений на выбор позиции говорящего, является перебивание – ситуация, в которой один из участников акта коммуникации нарушает механизм смены ролей говорящих и начинает говорить (например, задает вопрос), не дожидаясь от собеседника сигнала о готовности передать очередь в диалоге (Sacks, Schegloff, and Jefferson 1974; Schegloff 2001; Zimmerman and West 1975). Одним из способов классификации актов переби-

вания в литературе является выделение компетитивных, или интрузивных (англ. *competitive, intrusive*), и кооперативных (англ. *cooperative*) перебиваний (Minchin 2007; Murata 1994; Yang 1999). В первом случае перебивающий придает своим коммуникативным целям приоритет над целями собеседника (пытается взять слово, сменить тему или выразить несогласие), а во втором цель перебивающего в том, чтобы поддержать говорящего или усилить его аргументацию, не принимая на себя ведущей роли. Нам представляется, что эти два типа перебивания соответствуют двум выделенным выше позициям говорящего в частном вопросе, см. приведенный ниже пример (14) с двумя наиболее типичными способами интонационного оформления вопроса.

(14) А: *Мы познакомились с ней в Москве в гостях у...*

В (перебивает): *Когда это было?*

Н+L*	L-L%
L*+Н	Н-Н%

При интрузивном перебивании автор частного вопроса на русском языке, как правило, оформляет его конфигурацией Н+L* L-L% и занимает позицию контроля, не позволяя собеседнику продолжить рассказ о знакомстве, пока не будет выяснена нужная ему информация. Такое оформление частного вопроса вполне естественно, например, в ситуации допроса, когда судья или следователь стремится контролировать процесс коммуникации, а его целям отдается приоритет. После получения ответа перебивающий может не позволить перебиваемому продолжить рассказ, а вместо этого задать новый вопрос.

Напротив, для кооперативного поведения перебивающего характерна позиция информированности, маркируемая L*+Н Н-Н%: при помощи своего частного вопроса он указывает на незначительную лауну в своем знании, но не стремится диктовать собеседнику свою волю («Я прошу тебя кратко устранить эту единственную неопределенность в нашем общем знании, а дальше приоритетом остаются твои намерения, ты можешь продолжать свой рассказ»). Как правило, выбор ИК-б указывает на то, что перебивающий не имеет дальнейших вопросов (достаточно информирован для этого момента коммуникации).

Оформление перебивающего частного вопроса в (14) конфигурацией L* Н-Н% теоретически возможно, однако представляется нетипичным и выражающим специфические, более редкие прагматические значения (например, попытку оживить затухающий диалог). Поскольку позиция вовлеченности предполагает активное участие обоих собеседников, она плохо совместима с перебиванием: интрузивное вмешательство должно остановить перебиваемого, а для кооперативного характерно указание на пассивность перебивающего. Таким образом, представляется, что ситуация перебивания попадает в пересечение полей контроля и информированности.

Похожие ограничения на выбор позиции говорящего в частном вопросе задает ситуация «вопроса знающего», характерная, например, для викторины или экзамена. В сущности, эти ситуации представляют собой лишь имитацию

обмена информацией: лакуны в знании говорящего на самом деле не существует, а поведение собеседников представляет собой идущую по определенным правилам игру (в буквальном или переносном смысле). Таким образом, задающий вопрос одновременно контролирует ситуацию коммуникации и максимально информирован. Наша модель предсказывает в таком случае колебания между выбором $H+L^* L-L\%$ и $L^*+H H-H\%$, см. некоторые варианты оформления¹³ вопроса в (15).

(15) *В каком году была Куликовская битва?*

$H+L^*$	$L-L\%$
$H+L^*$	$!H+L^* L-L\%$
H^*	$H+L^* L-L\%$
L^*+H	$H-H\%$

Безусловно, базовой позицией говорящего в ситуации «вопроса знающего» является контроль: ход экзамена или викторины определяет именно ведущий или экзаменатор. Представляется, однако, что позиция информированности также доступна говорящему: доброжелательный экзаменатор может оформить вопрос о Куликовской битве ИК-6 на вопросительном слове или на последнем слове фразы, солидаризируясь с экзаменуемым, подчеркивая большой объем их общего знания. Как и в случае с перебиванием, «вопрос знающего», как правило, не предполагает занятия позиции вовлеченности: $L^* H-H\%$ предполагает активное взаимодействие обоих собеседников и их заинтересованность в подлинном, а не имитируемом обмене информацией. Конечно, потенциально экзаменатор может надеть маску заинтересованного собеседника, однако она не является типичной для ситуации экзамена, и это несоответствие скорее может быть воспринято как признак иронии.

В рамках предложенной модели отдельный интерес представляет еще один тип вопросов, сближающихся с риторическими. Выше в разделе 4.2.1 уже обсуждались группы риторических вопросов, которые оформляются преимущественно нисходящей конфигурацией $H+L^* L-L\%$: это эмоционально окрашенные и дискурсообразующие вопросы в монологической речи, а также вопросы, ответ на которые отсылает к тривиальному общему знанию. Было показано, что в этих типах фраз адресату отводится пассивная роль. Иное просодическое оформление имеют контексты риторического частного вопроса, которые предполагают активную позицию собеседника. Так, Е. А. Брызгунова в своих работах отмечает, что ИК-4 ($L^* H-H\%$) в русском частном вопросе может маркировать оттенки недовольства, назидания, выполнять функцию отчитывания, восприниматься как «менторский тон»: «*Почему⁴ ты пришла так поздно? Почему не сказала, что заде⁴рживаешься?*» (Брызгунова 1977, 202); «*Неправильно читаете: ка⁴к произносится это слово?*» (Брызгунова

¹³ Многочисленные варианты ассоциации с ядерными акцентами на словах *каком* и *году* опущены здесь для краткости изложения.

1980а, 114). Похожие непрототипические частные вопросы приводятся в работе (Escandell-Vidal 1998, 196) на материале испанского языка¹⁴, см. ниже адаптированный пример с возможным просодическим оформлением в русском языке:

- (16) А (в адрес опоздавшего): *Кто сегодня проспал на работу?*
L*	H-N%
H*	L* H-N%
L*+H	H-N%

В: *Виноват, вчера работал допоздна.*

Такие частные вопросы (назовем их назидательными) требуют расширенного ситуативного контекста, содержащего ошибку адресата и косвенное указание на нее со стороны задающего вопрос. Они выполняют функцию давления на собеседника, их цель – вынудить его принять пропозицию («Я пришла слишком поздно, не сказала, что задерживаюсь, и это плохо»; «Это слово произносится по-другому, я ошибся»; «Это я проспал на работу»), выразив согласие эксплицитно или имплицитно (например, молчанием). Типичной для назидательных вопросов является позиция вовлеченности, маркируемая L* H-N%: напомним, ее основными характеристиками являются активное взаимодействие собеседников (поучающий ожидает встречных шагов от получаемого) и важность контекста (именно контекст содержит импликацию об ошибке и необходимости вынести урок из ситуации). Вероятно, назидательные вопросы также могут быть оформлены L*+H H-N% (см. вариант акцентуации примера [16]): в этом случае говорящий, подобно ситуации экзамена, занимает позицию информированности и переводит внимание слушающего с вопросительной части вопроса на невопросительную: в действительности неважно, *кто* сегодня проспал на работу (это очевидно), важна «общепризнанность» факта того, что *В* проспал. В примере Е. А. Брызгуновой мать, отчитывающая дочь («Почему ты пришла так поздно?»), на самом деле не интересуется реальной причиной, ее цель – активизировать в общем знании пропозицию «ты пришла поздно». Нам представляется, что при использовании H+L* L-L% назидательный, ориентированный на невопросительную часть характер такого высказывания рискует быть утраченным, а вопрос может быть воспринят собеседником как сугубо информационный, направленный на выяснение реальной причины, а не на отчитывание. Исходя из этого, мы предлагаем назидательный вопрос в качестве предварительного кандидата на попадание в пересечение полей вовлеченности и информированности, однако, безусловно, для проверки этого предположения требуются дополнительные экспериментальные и корпусные данные.

¹⁴ См. также упоминание «дразняще-укоризненных» (англ. *teasingly reproachful*) вопросов в (Bartels 1999; Schubiger 1958).

Итак, выше в этом разделе были представлены контексты употребления частного вопроса, потенциально попадающие в пересечения двух пар множеств: «контроль + информированность» (перебывание, «вопрос знающего») и «вовлеченность + информированность» (назидательный вопрос). До настоящего момента не было предложено ни одного типа частного вопроса, допускающего вариативность преимущественно между позициями контроля и вовлеченности (и, соответственно, не располагающими к занятию позиции информированности). Означает ли это, что такие вопросы редки в наших данных? В действительности ситуация обратная: эта группа контекстов является наиболее многочисленной. Экспериментальные и корпусные данные показывают, что именно колебания между $H+L^* L-L\%$ и $L^* H-H\%$ чаще всего отмечаются в речи испытуемых, а также актеров в постановках из МультиПарКа (см. данные о частотности выше в главе 3). Ядерная конфигурация $L^*+H H-H\%$, безусловно, является наиболее редкой в прототипических информационных частных вопросах. Выше при обсуждении условного контекста максимальной вариативности в примере (13) отмечалось, что, как правило, ИК-6 доступна говорящему в том случае, если у него есть предварительное знание о ситуации или если он намерен это знание имитировать. Напротив, вопрос в (17) вряд ли может быть оформлен ИК-6, если задающий его человек ничего не знает об утре собеседника и не заинтересован в том, чтобы демонстрировать какую-либо особую осведомленность о подробностях его завтрака.

- (17) (?) *Что ты ел сегодня на завтрак?*
 L^*+H $H-H\%$

Однако вопрос о завтраке, напротив, может быть оформлен $H+L^* L-L\%$ (контроль), если его задает мать, беспокоящаяся о плохо поевшем ребенке, или $H^* L^* H-H\%$ (вовлеченность), если с него начинается вежливый *small talk* коллег, находящихся вместе в рабочей поездке, но завтракавших по отдельности.

В качестве альтернативы говорящий может имитировать наличие обширного общего знания с целью сократить дистанцию с собеседником. Такая солидаризация, однако, недоступна в большом количестве ситуаций, предполагающих поддержание дистанции между собеседниками (например, малознакомыми или имеющими неравные социальные роли).

Добавим, что крайне низкий процент употреблений $L^*+H H-H\%$ был зафиксирован и в экспериментальных данных о множественных частных вопросах. Вероятно, наличие сразу двух лакун в знании говорящего не располагает к занятию позиции информированности. По тем же причинам ИК-6 нехарактерна и для серий вопросов, следующих подряд (ср. обсуждавшиеся выше последовательные вопросы Раневской в адрес Трофимова и Гаева в постановках «Вишневого сада», в которых были зафиксированы колебания между ядерными $H+L^* L-L\%$ и $L^* H-H\%$, но отсутствие $L^*+H H-H\%$).

Таким образом, пересечение множеств «контроль + информированность» включает в себя наиболее широкий спектр контекстов употребления частных вопросов. В связи с этим в качестве более наглядного схематического изобра-

жения распределения ядерных тональных конфигураций русского частного вопроса можно предложить модифицированную диаграмму Венна с кругами и площадями их пересечений неодинакового размера, приведенную на Рис. 35. Безусловно, представленная на диаграмме классификация функций частных вопросов не является окончательной и требует дальнейшего обсуждения и уточнения.

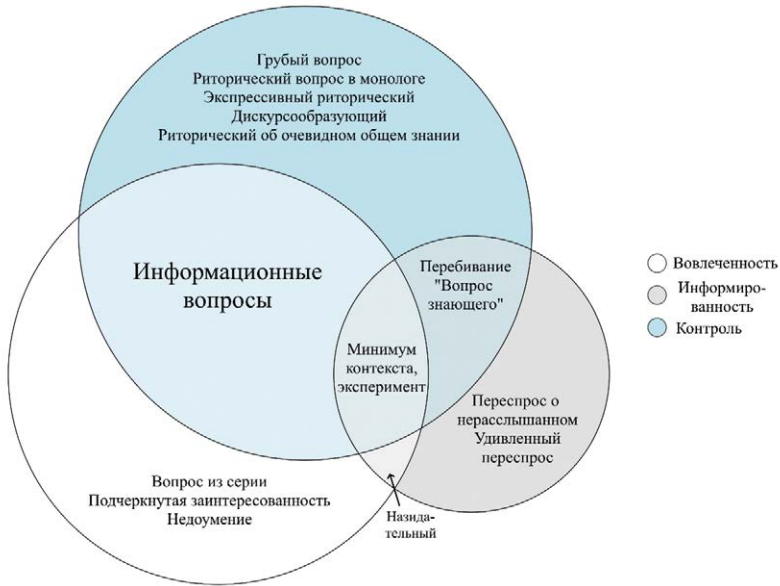

Рисунок 35 – Основные типы частных вопросов, проанализированные в главе 4, и доступные в них позиции говорящего

4.4 Итоги

В главе 4 на основании обзора интонологической литературы, а также экспериментальных и корпусных данных была предложена модель описания элементов прагматического значения, выражаемых выбором ядерной тональной конфигурации в русском частном вопросе. Было выдвинуто предположение о том, что наблюдаемые колебания между ядерными конфигурациями, которые мы предлагаем анализировать как $H+L^*L-L\%$, $L^*H-H\%$ и $L^*+H\ H-H\%$, отражают выбор между тремя наборами элементов прагматического значения. Было предложено использовать для описания этих комплексов значений понятие позиции говорящего по отношению к ситуации; три доступные в русском частном вопросе позиции были условно обозначены как контроль, вовлеченность и информированность.

Позиция контроля предполагает активную ведущую роль для говорящего и пассивную – для адресата вопроса. На первый план выходит конститу-

ирующая часть вопроса (*wh*-слово): лакуна в знании задающего вопрос и необходимость ее заполнения адресатом. Напротив, занимая позицию вовлеченности, говорящий предполагает активную роль не только для самого себя, но и для собеседника: это признак заинтересованности (иногда, впрочем, не искренней, а имитируемой в соответствии с особыми обстоятельствами коммуникации, например, при «менторском тоне»), призыв к активному дальнейшему обмену информацией. При сохранении внимания к собственно вопросительной части особое значение придается связи вопроса с контекстом, включающим неконституирующую часть высказывания и выходящим за ее пределы. Наконец, при выражении позиции информированности роль говорящего скорее пассивна: его первостепенная цель заключается в заполнении лакуны, а собеседник не ограничен в выборе продолжения диалога. В таких вопросах особую функцию выполняет неконституирующая часть: в ней сформулировано актуализированное общее знание собеседников, которое, с точки зрения задающего вопрос, имеет большой и/или достаточный объем.

В секциях 4.2-4.3 были представлены различные контексты употребления русских частных вопросов, как прототипических информационных, так и непрототипических (грубый вопрос, заинтересованный вопрос, переспрос, перебивание, «вопрос знающего», разнообразные виды риторических вопросов и проч.). Было показано, что, в то время как некоторые группы вопросов маркируются преимущественно одной из трех тональных конфигураций, большинство контекстов допускают вариативность. Вероятностный характер распределения вариантов тонального интонационного оформления частного вопроса схематично проиллюстрирован на Рис. 35.

В заключение следует еще раз оговориться, что предложенная в главе 4 модель прагматики ядерных тональных конфигураций русского частного вопроса не является завершенной. Хотя она в первую очередь основывается на сведениях экспериментов, представленных в главе 3 и соотнесенных с данными из работ исследователей русской интонации (Е. А. Брызгуновой, С. В. Кодзасова, С. Оде, Н. Д. Светозаровой, Т. Е. Янко и др.), отдельные ее допущения также опираются на восприятие прагматики частного вопроса автором – носителем русского литературного произношения младшей нормы – и требуют дальнейшей проверки, в том числе с привлечением групп испытуемых из иных возрастных и региональных групп. Кроме этого, разнообразие ситуаций употребления частных вопросов в русском языке не ограничивается несколькими контекстами, проанализированными в главе 4. Применение предложенной модели к анализу иных типов частных вопросов, оставшихся вне поле зрения в настоящем исследовании, также представляется продуктивным способом проверки предложенных гипотез.

Заключение

Представленное в четырех главах этой книги исследование ставило целью описать интонационное оформление русского частного вопроса и пределы его вариативности, а также предложить для наблюдаемого разнообразия тональных конфигураций фонологическую и прагматическую интерпретацию. Эти задачи представляются в целом выполненными. Поскольку ранее в конце каждой главы уже подводились итоги, в заключении мы не будем заново повторять основные выводы исследования, а вместо этого, во-первых, остановимся на вопросах, оставшихся нерешенными в рамках монографии, и, во-вторых, рассмотрим возможные перспективы для дальнейшего изучения просодии и прагматики частного вопроса.

Итак, какие элементы описания интонации русского частного вопроса представляют наибольшие проблемы для интерпретации? Прежде всего, следует отметить, что нерешенным остался вопрос о форме и функциях предъядерных тональных акцентов в русском языке. Это касается в первую очередь акцентов, предшествующих ядерному нисходящему тону $H+L^*$. Проанализированных данных оказалось недостаточно, чтобы установить, в чем заключается функция различий между конфигурациями с одним или двумя падениями – $(H+L^*) (!)H+L^* L-L\%$ – и «шляпным» контуром, который мы предложили анализировать как $H^* H+L^* L-L\%$. Хотя в работах Е. А. Брызгуновой использование «шляпной» конфигурации рассматривается как способ выражения досады, экспериментальные данные не подтверждают эти наблюдения и указывают скорее на то, что два контура находятся в свободной дистрибуции: отдельные носители русского языка спорадически употребляли $H^* H+L^*$

L-L% в вопросах, состоящих из большого количества слогов, в то время как большинство испытуемых скорее избегали использования этой конфигурации в информационных вопросах.

Данные о частновопросительных предложениях также не позволили пролить свет на вопрос о функциях предъядерного тонального акцента H^* перед L^* H-N%: предыдущие работы уже интерпретировали его исключительно как сигнал о наличии монотонального L^* в «ядре», позволяющий избежать смещения L^* H-N% с L^*+H H-N%, обычно не имеющим предъядерных акцентов. Кроме этого, в отличие от других предъядерных акцентов частного вопроса, H^* перед L^* не следует общим законам фразовой акцентуации и при отсутствии ударных слогов в левой периферии может ассоциироваться со слабыми элементами просодической иерархии (безударными слогами и инициальной частицей *a*).

Дополнительную неопределенность в обсуждение предъядерного просодического выделения в русском языке внесли и новые данные о просодии множественных частных вопросов. Судя по представленным в разделе 3.3 данным, носители русского языка, оформляя два идущих подряд вопросительных слова предъядерными тональными акцентами, используют разнообразные их сочетания, которые мы предварительно аннотировали как $L+H^* H+L^*$, $H+L^* L+H^*$ и $L+H^* L+!H^*$. Вопрос о том, связан ли выбор конкретного мелодического контура в вопросительном «кластере» с теми или иными синтаксическими, прагматическими или семантическими факторами, остается открытым.

Таким образом, все эти сведения могут косвенно свидетельствовать в пользу того, что в русском частном вопросе предъядерные акценты не имеют собственного прагматического значения и выполняют ритмические, или орнаментальные, функции – по крайней мере до тех пор, пока обратное не будет доказано экспериментально.

Кроме этого, дальнейшего обсуждения требуют закономерности ассоциации тональных акцентов в частном вопросе, сформулированные на основе анализа небольшого объема экспериментальных данных и обозначенные в разделе 3.2.4 лишь пунктирно. Было показано, что специфика частных вопросов заключается в особых акцентных характеристиках *wh*-слова, деакцентуация которого в русском языке возможна только в позиции после фокусированной составляющей или другого вопросительного слова во множественном вопросе. В перспективе система правил акцентуации частного вопроса, безусловно, должна быть интегрирована в более общий алгоритм, включающий в себя остальные типы фраз. Важно добавить, однако, что проведенное исследование частных вопросов отчетливо демонстрирует: такой алгоритм может иметь только вероятностный характер, предполагающий механизмы факультативной ассоциации предъядерных акцентов.

Требует дальнейшей строгой проверки предложенная в четвертой главе модель прагматики русского частного вопроса. В первую очередь необходимо проведение перцептивных экспериментов, которые позволят получить прямой доступ к суждениям носителей русского языка о прагматике русского частного вопроса и исследовать их количественными методами. Модель пози-

ции говорящего может представлять интерес и для исследователей интонации неродного языка. Вероятно, частные вопросы в интерферированной речи на русском как иностранном могут стать полезным инструментом для описания того, каковы допустимые пределы вариативности просодических средств выражения прагматических значений с точки зрения носителей русского языка.

С точки зрения теоретических основ АМ-модели важно признать, что предложенные в главе 4 комплексы, «пучки» прагматических значений ядерных конфигураций соответствуют конструкционным, холистическим подходам к просодической фонологии и рассматриваются нами только как промежуточный шаг. В соответствии с принципом композициональности прагматического значения, следующей задачей является дальнейшая декомпозиция комплексов значений на более мелкие элементы. Результатом должно стать выделение самостоятельных базовых прагматических значений для каждого тонального акцента, фразового тона и пограничного тона по отдельности. Подобные системы значений ранее предлагались в АМ-описаниях английского языка (Bartels 1998; Pierrehumbert and Hirschberg 1990; Steedman 2014), однако в рамках настоящей работы подобная задача не могла ставиться: композициональный анализ станет возможен только после того как АМ-описание будет предложено и для других элементов русской интонационной системы, допускающих просодическую вариативность (в частности, особый интерес представляет разнообразие тональных конфигураций, наблюдаемое в контекстах незавершенности).

Основными методами для решения всех поставленных выше задач являются экспериментально-фонетические, однако, безусловно, ценным вкладом в дальнейшее описание русской интонации стало бы создание новых общедоступных корпусов звучащей речи. Чтобы эффективно дополнить богатейший и не имеющий мировых аналогов Мультимедийный русский корпус, новые ресурсы должны содержать контролируемые ситуации коммуникации носителей русского языка и предлагать не только морфологическую и синтаксическую, но и базовую просодическую разметку. Именно отсутствие конвенциональной интонационной разметки, имеющей прозрачную и эксплицитно сформулированную теоретическую основу, в настоящий момент является одним из главных препятствий для продуктивного диалога между интонологами-русистами.

Следует также добавить, что будущие исследования просодии частного вопроса должны более последовательно учитывать факторы, связанные с возрастом, полом и региональной принадлежностью говорящих. Мы отдаем себе отчет в том, что результаты представленного в этой книге исследования могут содержать некоторые искажения, связанные с характеристиками популяции испытуемых: преимущественно молодых женщин с высшим или неоконченным высшим филологическим образованием, находящихся под сильным влиянием московской произносительной нормы. Проведение новых экспериментов с участием иных возрастных и региональных групп, вероятно, может обнаружить дополнительные направления просодической вариативности, оставшиеся вне поля зрения в рамках настоящего исследования.

Наконец, проанализированные корпусные данные в очередной раз показывают, что интонация не должна изучаться в отрыве от других уровней языка, каждый из которых имеет собственные средства маркирования прагматических значений. В частности, наряду с просодией и порядком слов, интереснейший объект для исследования прагматики частного вопроса представляют собой частицы, используемые носителями русского языка в этом типе высказывания. В качестве заключительной иллюстрации приведем любопытный пример из экранизаций «Вишневого сада» в МультиПарКе, сцены из второго акта, в которой обитатели имения обсуждают со студентом Трофимовым философские вопросы.

- (1) Трофимов: [...] *Надо бы только работать.*
 Гаев: *Все равно умрешь.*
 Трофимов: *Кто знает? И что значит – умрешь?* [...]

В МультиПарКе содержатся три постановки, в которых из уст персонажа звучит частный вопрос «*Кто знает?*». В двух случаях он оформлен характерной для таких риторических вопросов нисходящей ядерной конфигурацией $H+L^* L-L\%$, в одном – судя по всему¹, начинающей серию вопросов и стимулирующей размышления собеседников восходящей $L^* H-N\%$. Здесь, однако, хотелось бы обратить внимание на иной тип вариативности. Несмотря на то, что в оригинальном тексте А. П. Чехова вопрос начинается непосредственно с вопросительного слова, во всех трех случаях исполнители роли Трофимова добавляли к фразе инициальные частицы: в одном случае это отчетливая *а*, в другом – *а* или *да* (второй вариант, согласно разметчикам корпуса), а в третьем – неразборчивое сочетание звуков, вероятно, *ну это* (*ну*, согласно разметчикам корпуса). Прагматические функции русских частиц *а*, *ну*, *да* и подобных им единиц давно привлекают внимание исследователей, однако их связи с интонацией в литературе не уделялось существенного внимания. Нам представляется, что переход от изолированного анализа «прагматики частиц» и «прагматики просодии» к изучению разнообразных сценариев их взаимодействия между собой, а также с иными языковыми средствами может существенно обогатить будущие описания прагматики звучащей речи.

¹ Качество аудиозаписи в этом случае не оптимально для отслеживания ЧОТ.

Литература

- 't Hart, Johan, Rene Collier, and Antonie Cohen. 1990. *A Perceptual Study of Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Adriaens, L. M. H. 1991. *Ein Modell Deutscher Intonation*. Eindhoven: Technische Universiteit Eindhoven.
- Anderson, Anne H., Miles Bader, Ellen G. Bard, Elizabeth Boyle, Gwyneth Doherty, Simon Garrod, Stephen Isard, et al. 1991. "The HCRC Map Task Corpus." *Language and Speech* 34 (4): 351-66.
- Arvaniti, Amalia, and D. Robert Ladd. 2009. "Greek Wh-Questions and the Phonology of Intonation." *Phonology* 26 (1): 43-74.
- Arvaniti, Amalia, and Janet Fletcher. 2020. "The Autosegmental-Metrical Theory of Intonational Phonology." In *The Oxford Handbook of Language Prosody*, edited by Carlos Gussenhoven and Aoju Chen, 77-95. Oxford: Oxford University Press.
- Arvaniti, Amalia, and Mary Baltazani. 2005. "Intonational Analysis and Prosodic Annotation of Greek Spoken Corpora." In *Prosodic Typology*, edited by Sun-Ah Jun, 84-117. Oxford: Oxford University Press.
- Arvaniti, Amalia, D. R. Ladd, and Ineke Mennen. 1998. "Stability of Tonal Alignment: The Case of Greek Prenuclear Accents." *Journal of Phonetics* 26 (1): 3-25.
- Arvaniti, Amalia. "The Phonetics of Prosody." Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. 2020. <<https://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-411>>
- Arvaniti, Amalia. 2011. "The Representation of Intonation." In *The Blackwell Companion to Phonology*, 1-24. Wiley.
- Arvaniti, Amalia. 2022. "The Autosegmental-Metrical Model of Intonational Phonology." In *Prosodic Theory and Practice*, edited by Stefanie Shattuck-Hufnagel and Jonathan Barnes, 25-63. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Atterer, Michaela, and D. R. Ladd. 2004. "On the Phonetics and Phonology of 'Segmental Anchoring' of F0: Evidence from German." *Journal of Phonetics* 32 (2): 177-97.

- Badan, Linda, and Claudia Crocco. 2019. "Focus in Italian Echo Wh-Questions: An Analysis at Syntax-Prosody Interface." *Probus* 31 (1): 29-73.
- Badan, Linda, and Claudia Crocco. 2021. "Italian Wh-Questions and the Low Periphery." *Linguistics* 59 (3): 757-84.
- Baltazani, Mary, Stella Gryllia, and Amalia Arvaniti. 2020. "The Intonation and Pragmatics of Greek Wh-Questions." *Language and Speech* 63 (1): 56-94.
- Barnes, Jonathan, Alejna Brugos, Nanette Veilleux, and Stefanie Shattuck-Hufnagel. 2021. "On (and off) Ramps in Intonational Phonology: Rises, Falls, and the Tonal Center of Gravity." *Journal of Phonetics* 85(2): 101020.
- Bartels, Christine. 1997. "The Pragmatics of WH-Question Intonation in English." *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* 4 (2): 1-17.
- Bartels, Christine. 1999. *The Intonation of English Statements and Questions A Compositional Interpretation*. New York and London: Routledge.
- Bast, Radovan, Anna Endresen, Laura A. Janda, Marianne Lund, Olga Lyashevskaya, James McDonald, Daria Mordashova, et al. 2021. "The Russian Constructicon. An Electronic Database of the Russian Grammatical Constructions." 2021. <https://constructicon.github.io/russian/>.
- Bayer, Josef, and Lisa Lai-Shen Cheng. 2017. "Wh-In-Situ." In *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*, Second Edition, 1-44. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Beckman, Mary E., and Janet B. Pierrehumbert. 1986. "Intonational Structure in Japanese and English." *Phonology Yearbook* 3: 255-309.
- Beckman, Mary E., Julia Hirschberg, and Stefanie Shattuck-Hufnagel. 2005. "The Original ToBi System and the Evolution of the ToBi Framework." In *Prosodic Typology*, edited by Sun-Ah Jun, 9-54. Oxford: Oxford University Press.
- Bianchi, Valentina, Giuliano Bocci, and Silvio Cruschina. 2017. "Two Types of Subject Inversion in Italian WH-Questions." *Revue Roumaine de Linguistique* LXII (3): 233-52.
- Biezma, Maria, Bettina Braun, and Angela James. 2022. "Prosody Is Adding What?: Echo Questions Are Not a Thing." *Semantics and Linguistic Theory* 31: 241.
- Bocci, Giuliano, and Silvio Cruschina. 2018. "Postverbal Subjects and Nuclear Pitch Accent in Italian Wh-Questions." In *From Sounds to Structures*, edited by Roberto Petrosino, Pietro Cerrone, and Harry van der Hulst, 467-94. Berlin: De Gruyter.
- Bocci, Giuliano, Valentina Bianchi, and Silvio Cruschina. 2021. "Focus in Wh-Questions." *Natural Language & Linguistic Theory* 39 (2): 405-55.
- Bocci, Giuliano, Valentina Bianchi, and Silvio Cruschina. 2022. "Weak Wh-Elements and the Prosody of Italian Wh-Questions." *Quaderni Di Lavoro ASIt* 2: 35-54.
- Boersma, Paul, and David Weenink. 2024. "Praat: Doing Phonetics by Computer."
- Bolinger, Dwight L. 1951. "Intonation: Levels Versus Configurations." *WORD* 7 (3): 199-210.
- Bolinger, Dwight L. 1958. "A Theory of Pitch Accent in English." *WORD* 14 (2-3): 109-49.
- Bolinger, Dwight L. 1990. "Accent in Prototypical Wh Questions." In *Meanings and Prototypes*, edited by Savas L. Tsohatzidis, 307-14. Milton Park: Taylor & Francis.
- Bošković, Željko. 2002. "On Multiple Wh -Fronting." *Linguistic Inquiry* 33 (3): 351-83.
- Boyanus, Simon C. 1935a. *A Manual of Russian Pronunciation*. London: Sidgwick and Jackson.
- Boyanus, Simon C. 1935b. "The Main Types of Russian Intonation." In *Proceedings of 2nd ICPHS*, 110-13.
- Braun, Bettina, Nicole Dehé, Jana Neitsch, Daniela Wochner, and Katharina Zahner. 2019. "The Prosody of Rhetorical and Information-Seeking Questions in German." *Language and Speech* 62 (4): 779-807.

- Brown, Penelope, and Steven Levinson. 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bruce, Gösta. 1977. *Swedish Word Accents in Sentence Perspective*. Lund: CWK Gleerup.
- Bruening, Benjamin. 2007. "Wh -in-Situ Does Not Correlate with Wh -Indefinites or Question Particles." *Linguistic Inquiry* 38 (1): 139-66.
- Büring, Daniel. 2016. *Intonation and Meaning*. Oxford: Oxford University Press.
- Calabrese, Andrea. 1982. "Alcune Ipotesi Sulla Struttura Informazionale Della Frase in Italiano e Sul Suo Rapporto Con La Struttura Fonologica." *Rivista Di Grammatica Generativa* 13: 489-526.
- Cangemi, Francesco, Grice, Martine, Hae-Sung Jeon, and Jane Setter. 2023. "Contrast or Context, That Is the Question." In *Proceedings of ICPHS 2023*, 1360-64.
- Cardinaletti, Anna, and Michal Starke. 1999. "The Typology of Structural Deficiency: A Case Study of the Three Classes of Pronouns." In *Clitics in the Languages of Europe*, edited by Henk van Riemsdijk, 145-234. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Carnie, Andrew. 2016. *Syntax: A Generative Introduction*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Chen, Aoju. 2012. "Shaping the Intonation of Wh-Questions." In *Questions: Formal, Functional and Interactional Perspectives*, edited by Jan P. de Ruiter, 146-62. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cheng, Bing, Xiaojuan Zhang, Siying Fan, and Yang Zhang. 2019. "The Role of Temporal Acoustic Exaggeration in High Variability Phonetic Training: A Behavioral and ERP Study." *Frontiers in Psychology* 0: 1178.
- Cheng, Lisa Lai-Shen. 1991. "On the Typology of Wh-Questions." PhD diss., Massachusetts Institute of Technology.
- Chernova, Ekaterina. 2015. "The syntax of wh-movement in multiple (true and echo) questions. A Q-particle approach." PhD diss., University of Girona.
- Chomsky, Noam, and Morris Halle. 1968. *The Sound Pattern of English*. New York, Evanston, and London: Harper & Row.
- Cohen, Antonie, and Johan 't Hart. 1968. "On the Anatomy of Intonation." *Lingua* 19 (1-2): 177-92.
- Cole, Peter, and Gabriella Hermon. 1998. "The Typology of Wh -Movement, Wh -Questions in Malay." *Syntax* 1 (3): 221-58.
- Collier, Rene, and Johan 't Hart. 1978. *Cursus Nederlandse Intonatie*. Limburg: Wetenschappelijk Onderwijs.
- Comrie, Bernard, Gerald Stone, and Maria Polinsky. 1996. *The Russian Language in the Twentieth Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Comstock, Lindy Burden. 2018. "Pragmatic Accommodation and Linguistic Salience in U.S.-Russian Political Interviews." PhD diss., University of California Los Angeles.
- Cruttenden, Alan. 1997. *Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crystal, David. 1976. *Prosodic Systems and Intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crystal, David. 2008. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- D'Imperio, Mariapaola. 2000. "The Role of Perception in Defining Tonal Targets and Their Alignment." PhD diss., Ohio State University.
- Dascălu-Jinga, Laurenția. 1998. "Intonation in Romanian." In *Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages*, edited by Daniel Hirst and Albert Di Cristo, 239-61. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dayal, Veneeta. 2017. "Multiple Wh-Questions." In *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*, Second Edition, 1-54. Hoboken: Wiley-Blackwell.

- De Iacovo, Valentina, and Antonio Romano. 2019. "Data-Driven Intonation Teaching An Overview and New Perspectives." *EL.LE*, 2.
- Deguchi, Masanori, and Yoshihisa Kitagawa. 2002. "Prosody and Wh-Questions." *North East Linguistics Society* 32 (1): 73-92.
- Dilley, Laura C., and Christopher C. Heffner. 2021. "Role of F0 Alignment in Distinguishing Intonation Categories: Evidence from American English." *Journal of Speech Sciences* 3 (1): 3-67.
- Dobrushina, Nina, and Elena Sokur. 2022. "Spoken Corpora of Slavic Languages." *Russian Linguistics* 46: 77-93.
- Dorokhova, Lydia, and Mariapaola D'Imperio. 2019. "Rise Dynamics Determines Tune Perception in French." In *Proceedings of the ICPHS-2019*, edited by Sasha Calhoun, Paola Escudero, Marija Tabain, and Paul Warren, 691-695.
- Dryer, Matthew S. 2013. "Position of Interrogative Phrases in Content Questions." In *WALS Online (V2020.3)*, edited by Matthew S. Dryer and Martin Haspelmath.
- Du Bois, John W. 2007. "The Stance Triangle." In *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction*, edited by Robert Englebretson, 139-82. Amsterdam: John Benjamins.
- Duryagin, Pavel, and Arthur Stepanov. 2021. "Prosodic Marking in Russian Multiple Wh-Questions: A Sentence Production Study." In *Proceedings of 4th PaPE*, 297-98.
- Duryagin, Pavel, and Arthur Stepanov. In preparation. "Intonation of Russian Multiple Wh-Questions."
- Duryagin, Pavel, and Sergey Knyazev. 2022. "Prosodic Diversity in Standard Russian: Pitch Alignment in Central and Northern Varieties." *Russian Linguistics* 46 (2): 55-75.
- Duryagin, Pavel. 2021. "'Kartina, Korzina, Kartonka ...': Prosodic Labelling of Enumeration Contexts in Poetry Reading in Russian." In *Le lingue slave: Sviluppi teorici e prospettive applicative. Atti Del VIII incontro di linguistica slava*, edited by Ettore Gherbezza, Vesselina Laskova, and Anna Maria Perisutti, 63-76. Rome: Aracne.
- Duryagin, Pavel. 2023. "The Edge Tones Inventory in Standard Russian Prosody: Are Phrase Accents Required?" In *Proceedings of ICPHS 2023*, 1563-67.
- Dyakonova, Marina. 2009. *A Phase-Based Approach to Russian Free Word Order*. Utrecht: LOT.
- Elvira García, Wendy. 2022. "Create Pictures with Tiers v.6. Praat Script"
- Escandell-Vidal, Victoria. 1998. "Intonation and Procedural Encoding." In *Current Issues in Relevance Theory*, edited by Villy Rouchota and Andreas H. Jucker, 169-204. Amsterdam: John Benjamins.
- Féry, Caroline, and Shinichiro Ishihara. 2009. "How Focus and Givenness Shape Prosody." In *Information Structure*, edited by Malte Zimmermann and Caroline Féry, 36-63. Oxford: Oxford University Press.
- Frota, Sónia, and Pilar Prieto, eds. 2015. *Intonation in Romance*. Oxford: Oxford University Press.
- Frota, Sónia, Amalia Arvaniti, and Mariapaola D'Imperio. 2011. "Prosodic Representations." In *The Oxford Handbook of Laboratory Phonology*, edited by Abigail C. Cohn, Cécile Fougeron, and Marie K. Huffman. Oxford: Oxford University Press.
- Garassino, Davide, Dalila Dipino, and Francesco Cangemi. 2021. "Per un approccio multidimensionale allo studio dell'intonazione: le domande in genovese." In *L'individualità del parlante nelle scienze fonetiche. Applicazioni tecnologiche e forensi*, 219-42. Milano: Officinaventuno.
- Gleason, Henry A. 1955. *Introduction to Descriptive Linguistics*. New York: Henry Holt.
- Godjevac, Svetlana. 2000. "Intonation, Word Order and Focus Projection." PhD diss., Ohio State University.

- Godjevac, Svetlana. 2005. "Transcribing Serbo-Croatian Intonation." In *Prosodic Typology*, edited by Sun-Ah Jun, 146-71. Oxford: Oxford University Press.
- Goldsmith, John A. 1976. "Autosegmental Phonology." PhD diss., Massachusetts Institute of Technology.
- Grabe, Esther, and Maciej Karpiński. 2003. "Universal and Language-Specific Aspects of Intonation in English and Polish." In *Proceedings of 15th ICPHS*, 1061-64.
- Grice, Martine, D. Robert Ladd, and Amalia Arvaniti. 2000. "On the Place of Phrase Accents in Intonational Phonology." *Phonology* 17 (2): 143-85.
- Grice, Martine, Matthias Reyelt, Ralf Benzmueller, Jörg Mayer, and Anton Batliner. 1996. "Consistency in Transcription and Labelling of German Intonation with GToBI." In *Proceeding of Fourth International Conference on Spoken Language Processing. ICSLP '96*: 1716-19.
- Grice, Martine. 2022. "Commentary on Chapter 1: Introducing Flexibility into Autosegmental-Metrical Phonology." In *Prosodic Theory and Practice*, edited by Stefanie Shattuck-Hufnagel and Jonathan Barnes, 64-75. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Gryllia, Stella, Jenny S. Doetjes, Yang Yang, and Lisa Lai Shen Cheng. 2020. "Prosody, Clause Typing, and Wh-in-Situ: Evidence from Mandarin." *Laboratory Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology* 11 (1): 19.
- Gryllia, Stella, Mary Baltazani, and Amalia Arvaniti. 2018. "The Role of Pragmatics and Politeness in Explaining Prosodic Variability." In *Proceedings of Speech Prosody 2018*, 158-62.
- Gussenhoven, Carlos. 1983. "Focus, Mode and the Nucleus." *Journal of Linguistics* 19 (2): 377-417.
- Gussenhoven, Carlos. 2004. *The Phonology of Tone and Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haan, Judith. 2002. *Speaking of Questions An Exploration of Dutch Question Intonation*. Utrecht: LOT.
- Haddington, Pentti. 2004. "Stance Taking in News Interviews." *SKY Journal of Linguistics* 17: 101-42.
- Halliday, M. A. K. 1967. *Intonation and Grammar in British English*. The Hague Paris: Mouton.
- Handbook of the International Phonetic Association*. 1999. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayes, Bruce, and Aditi Lahiri. 1991. "Bengali Intonational Phonology." *Natural Language and Linguistic Theory* 9 (1): 47-96.
- Hedberg, Nancy, and Juan Manuel Sosa. 2002. "The Prosody of Questions in Natural Discourse." In *Proceedings of Speech Prosody 2002*, 375-78.
- Hedberg, Nancy, and Morgan Mameni. 2010. "The Semantic Function of Rising Wh-Questions." In *Proceedings of MOSAIC-2*.
- Hedberg, Nancy, Juan M. Sosa, Emrah Görgülü, and Morgan Mameni. 2010. "The Prosody and Meaning of Wh-Questions in American English." *Proceedings of Speech Prosody 2010*.
- Henriksen, Nicholas. 2009. "Wh-Question Intonation in Peninsular Spanish: Multiple Contours and the Effect of Task Type." *Journal of Portuguese Linguistics* 8 (1): 45.
- Henriksen, Nicholas. 2014. "Initial Peaks and Final Falls in the Intonation of Manchego Spanish Wh-Questions." *Probus* 26 (1): 83-133.
- Henriksen, Nicholas. 2015. "Syllable Structure and Word Stress Effects in Peninsular Spanish Nuclear Accents." *Laboratory Phonology* 6 (1): 53-86.
- Henriksen, Nicholas. 2016. "Investigating the Nature of the Left Periphery in Peninsular Spanish Wh-Question Intonation." *Phonetica* 73 (1): 1-32.

- Hirschberg, Julia, and Mary E. Beckman. 1994. "The ToBI Annotation Conventions." 1994. <https://www.cs.columbia.edu/~julia/papers/conv.pdf>
- Hirschberg, Julia. 1989. "Distinguishing Questions by Contour in Speech Recognition Tasks." In *Proceedings of the Workshop on Speech and Natural Language*, 22-33.
- Hirschberg, Julia. 2000. "A Corpus-Based Approach to the Study of Speaking Style." In *Prosody: Theory and Experiment. Text, Speech and Language Technology*, edited by Merle Horne, 335-50. Dordrecht: Springer.
- Hirst, Daniel, and Albert Di Cristo, eds. 1998. *Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hockett, Charles F. 1955. *Manual of Phonology*. Baltimore: Waverly Press.
- Hualde, José I., and Pilar Prieto. 2016. "Towards an International Prosodic Alphabet (IPrA)." *Laboratory Phonology* 7 (1): 5.
- Hualde, José Ignacio, and Pilar Prieto. 2015. "Intonational Variation in Spanish." In *Intonation in Romance*, edited by Sónia Frota and Pilar Prieto, 350-91. Oxford: Oxford University Press.
- Huang, C. T. James. 1982. "Move WH in a Language without Wh-Movement." *The Linguistic Review* 1 (4): 369-416.
- Igarashi, Yosuke. 2004. "'Segmental Anchoring' of F0 Under Changes in Speech Rate: Evidence from Russian." In *Speech Prosody 2004, International Conference*, edited by Bernard Bel and Isabelle Marlien, 25-28.
- Igarashi, Yosuke. 2005. "How Many Falling Intonation Patterns in Russian? : Categories of F0 Alignment." In *Proceedings of Between and Stress and Tone*, 32-33.
- Igarashi, Yosuke. 2006. "Intonational Patterns in Russian Interrogatives." In *Prosody and Syntax: Cross-Linguistic Perspectives*, edited by Yuji Kawaguchi, Ivan Fónagy, and Tsunekazu Moriguchi, 175-96. Amsterdam: John Benjamins.
- Igarashi, Yosuke. 2009. "Russian Interrogatives and Intonational Categories." In *The Discourse Potential of Underspecified Structures*, edited by Anita Steube, 227-70. Berlin: De Gruyter.
- Igarashi, Yosuke. 2015. "Intonation." In *Handbook of Japanese Phonetics and Phonology*, edited by Haruo Kubozono, 525-68. Berlin: De Gruyter.
- Ishihara, Shinichiro. 2011. "Focus Prosody in Tokyo Japanese Wh-Questions with Lexically Unaccented Wh-Phrases." In *Proceedings of 17th ICPHS*, 946-49.
- Ishihara, Shinichiro. 2017. "The Intonation of Wh- and Yes/No-Questions in Tokyo Japanese." In *Contrastiveness in Information Structure, Alternatives and Scalar Implicatures*, edited by Chungmin Lee, Ferenc Kiefer, and Manfred Krifka, 399-415. Dordrecht: Springer.
- Ishihara, Takeshi. 2003. "A Phonological Effect on Tonal Alignment in Tokyo Japanese." In *Proceedings of 15th ICPHS*, 615-18.
- Jasinskaja, Katja. 2014. "Information Structure in Slavic." In *The Oxford Handbook of Information Structure*, edited by Caroline Féry and Shinichiro Ishihara, 709-32. Oxford: Oxford University Press.
- Jitcă, Doina, Vasile Apepei, Otilia Păduraru, and Samuil Marușca. 2015. "Transcription of Romanian Intonation." In *Intonation in Romance*, edited by Sónia Frota and Pilar Prieto, 284-316. Oxford: Oxford University Press.
- Jones, Daniel. 1909. *Intonation Curves, a Collection of Phonetic Texts, in Which Intonation Is Marked Throughout by Means of Curved Lines on a Musical Stave*. Leipzig and Berlin: B. G. Teubner.
- Jun, Sun-Ah, and Mira Oh. 1996. "A Prosodic Analysis of Three Types of Wh-Phrases in Korean." *Language and Speech* 39 (1): 37-61.

- Jun, Sun-Ah, ed. 2005. *Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford: Oxford University Press.
- Jun, Sun-Ah, ed. 2014. *Prosodic Typology II: The Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford: Oxford University Press.
- Jun, Sun-Ah. 2000. "K-ToBI (Korean ToBI) Labelling Conventions." 2000. <https://linguistics.ucla.edu/people/jun/ktobi/k-tobi.html>.
- Jun, Sun-Ah. 2005. "Korean Intonational Phonology and Prosodic Transcription." In *Prosodic Typology*, edited by Sun-Ah Jun, 201-29. Oxford: Oxford University Press.
- Jun, Sun-Ah. 2014. "Prosodic Typology: By Prominence Type, Word Prosody, and Macro-Rhythm." In *Prosodic Typology II*, edited by Sun-Ah Jun, 520-39. Oxford: Oxford University Press.
- Jun, Sun-Ah. 2022. "The ToBI Transcription System: Conventions, Strengths, and Challenges." In *Prosodic Theory and Practice*, edited by Stefanie Shattuck-Hufnagel and Jonathan Barnes, 151-81. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Jurgens Buning, J. E., and C. H. van Schooneveld. 1961. *The Sentence Intonation of Contemporary Standard Russian as a Linguistic Structure*. The Hague: De Gruyter.
- Kachkovskaia, Tatiana, Alla Menshikova, Daniil Kocharov, Pavel Kholiavin, and Anna Mamushina. 2022. "Social and Situational Factors of Speaker Variability in Collaborative Dialogues." In *Proceedings of Speech Prosody 2022*, 455-59.
- Kachkovskaia, Tatiana, Anna Mamushina, and Alyona Portnova. 2020. "Typical and Rare Post-Nuclear Melodic Movements in Russian." In *Proceedings of Speech Prosody 2020*, 464-68.
- Kachkovskaia, Tatiana, Daniil Kocharov, Pavel Skrelin, and Nina Volskaya. 2016. "CoRuSS — a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech." In *Proceedings of LREC'16*, 1949-54.
- Kachkovskaia, Tatiana, Tatiana Chukaeva, Vera Evdokimova, Pavel Kholiavin, Natalia Kriakina, Daniil Kocharov, Anna Mamushina, Alla Menshikova, and Svetlana Zimina. 2020. "SibLing Corpus of Russian Dialogue Speech Designed for Research on Speech Entrainment." In *Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference*, 6556-61.
- Karpiński, Maciej, and Emilia Szalkowska-Kim. 2012. "On Intonation of Questions in Korean and Polish Task-Oriented Dialogues." *Speech and Language Technology* 14/15.
- Karpiński, Maciej, Bistra Andreeva, Eva Liina Asu, Anna Daugavet, Štefan Beňuš, and Katalin Mády. 2020. "Central and Eastern Europe." In *The Oxford Handbook of Language Prosody*, edited by Carlos Gussenhoven and Aoju Chen, 224-35. Oxford: Oxford University Press.
- Kawahara, Shigeto, Jason A. Shaw, and Shinichiro Ishihara. 2022. "Assessing the Prosodic Licensing of Wh-in-Situ in Japanese: A Computational-Experimental Approach." *Natural Language and Linguistic Theory* 40 (1): 103-22.
- Keijsper, C. E. 1992. "Recent Intonation Research and Its Implications for Teaching Russian." *Studies in Slavic and General Linguistics* 17: 151-214.
- Khan, Sameer ud Dowla. 2014. "The Intonational Phonology of Bangladeshi Standard Bengali." In *Prosodic Typology II*, edited by Sun-Ah Jun, 81-117. Oxford: Oxford University Press.
- Kibrik, Andrej A., Nikolay A. Korotaev, and Vera I. Podlesskaya. 2020. "Russian Spoken Discourse." In *In Search of Basic Units of Spoken Language*, edited by Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi, and Tommaso Raso, 35-76. Amsterdam: John Benjamins.
- Kingdon, Roger. 1958. *The Groundwork of English Intonation*. London, New York, Toronto: Longmans Green.

- Kitagawa, Yoshihisa, and Yuki Hirose. 2012. "Appeals to Prosody in Japanese Wh-Interrogatives—Speakers' versus Listeners' Strategies." *Lingua* 122 (6): 608-41.
- Kocharov, Daniil, Nina Volskaya, and Pavel Skrelin. 2015. "F0 Declination in Russian Revisited." In *Proceedings of ICPHS 2015*.
- Kocharov, Daniil, Tatiana Kachkovskaia, and Pavel Skrelin. 2019. "Prosodic Boundary Detection Using Syntactic and Acoustic Information." *Computer Speech & Language* 53: 231-41.
- Kochetkova, Uliana, Pavel Skrelin, Vera Evdokimova, and Daria Novoselova. 2021. "The Speech Corpus for Studying Phonetic Properties of Irony." In *Language, Music and Gesture: Informational Crossroads*, edited by Tatiana Chernigovskaya, Polina Eismont, and Tatiana Petrova, 203-14. Singapore: Springer.
- Krifka, Manfred. 2011. "Questions." In *Handbooks of Linguistics and Communication Science, Volume 2*, edited by Klaus von Heusinger, Claudia Maienborn, and Paul Portner, 1742-85. Berlin: De Gruyter.
- Kwon, Hyun Jung, Si Eun Rim, and Kyu hyun Kim. 2021. "Formulating WH-Questions in Korean Adult-Child Conversation: 'Subject', 'Topic', and 'Zero' Particle as Interactional Resources." *Journal of Pragmatics* 180: 153-72.
- Ladd, D. R. 1983. "Phonological Features of Intonational Peaks." *Language* 59 (4): 721.
- Ladd, D. R. 2008. *Intonational Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ladd, D. R., Dan Faulkner, Hanneke Faulkner, and Astrid Schepman. 1999. "Constant 'Segmental Anchoring' of F Movements under Changes in Speech Rate." *The Journal of the Acoustical Society of America* 106 (3): 1543-54.
- Ladd, D. R., Ineke Mennen, and Astrid Schepman. 2000. "Phonological Conditioning of Peak Alignment in Rising Pitch Accents in Dutch." *The Journal of the Acoustical Society of America* 107 (5): 2685-96.
- Lambrecht, Knud, and Laura A. Michaelis. 1998. "Sentence Accent in Information Questions: Default and Projection." *Linguistics and Philosophy* 21: 477-544.
- Larsson, Johan. 2021. "Eulerr: Area-Proportional Euler and Venn Diagrams with Ellipses." <https://cran.r-project.org/package=eulerr>.
- Lemmenmeier-Batinić, Dolores, Josip Batinić, and Anastasia Escher. 2023. "Map Task Corpus of Heritage BCMS Spoken by Second-Generation Speakers in Switzerland." *Language Resources and Evaluation* 57 (4): 1607-44.
- Liberman, Mark Y. 1975. "The Intonational System of English." PhD diss., Massachusetts Institute of Technology.
- Lieberman, Philip. 1965. "On the Acoustic Basis of the Perception of Intonation by Linguists." *WORD* 21 (1): 40-54.
- Liu, Xuefei, Aijun Li, and Yuan Jia. 2016. "How Does Prosody Distinguish Wh-Statement from Wh-Question? A Case Study of Standard Chinese." In *Proceedings of Speech Prosody 2016*, 1076-80.
- Lleó, Conxita. 2016. "A Preliminary Study of Wh-Questions in German and Spanish Child Language." In *Intonational Grammar in Ibero-Romance*, edited by Meghan E. Armstrong, Nicholas Henriksen, and Maria del Mar Vanrell, 325-50. Amsterdam: John Benjamins.
- Maekawa, Kikuo, Hideaki Kikuchi, Yosuke Igarashi, and Jennifer J. Venditti. 2002. "X-JToBI: An Extended J_ToBI for Spontaneous Speech." In *Proceedings of 7th International Conference on Spoken Language Processing*, 1545-48.
- Makarova, Veronika. 1999. "Perception of Intonational Contrasts by Japanese and Russian Listeners." In *Proceedings of ICPHS 1999*, 1945-48.
- Makarova, Veronika. 2001. "Perceptual Correlates of Sentence-Type Intonation in Russian and Japanese." *Journal of Phonetics* 29 (2): 137-54.

- Makarova, Veronika. 2007a. "The Effect of Pitch Peak Alignment on Sentence Type Identification in Russian." *Language and Speech* 50 (3): 385-422.
- Makarova, Veronika. 2007b. "Expanding the List of Prosodic Parameters for Declaratives, Interrogatives and Exclamations in Russian." In *Proceedings of the 2007 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association*.
- Malisz, Zofia, and Marzena Żygis. 2016. "Introduction to Special Issue: Slavic Perspectives on Prosody." *Phonetica* 7 (3): 55-162.
- Marotta, Giovanna, and Patrizia Sorianello. 1999. "Question Intonation in Sieneese Italian." In *Proceedings of ICPhS 1999*, 1161-64.
- Mayo, Catherine, Matthew Aylett, and R. D. Ladd. 1997. "Prosodic Transcription of Glasgow English: An Evaluation Study of GlaToBI." In *Proceedings of the ESCA Workshop on Intonation: Theory, Models and Applications*.
- Meireles, Alessandro R., Antônio R.M. Simões, Antonio Celso Ribeiro, and Beatriz Raposo de Medeiros. 2017. "Musical Speech: A New Methodology for Transcribing Speech Prosody." In *Interspeech 2017*, 334-38.
- Meyer, Roland, and Ina Mleinek. 2006. "How Prosody Signals Force and Focus—A Study of Pitch Accents in Russian Yes-No Questions." *Journal of Pragmatics* 38 (10): 1615-35.
- Minchin, Elizabeth. 2007. *Homeric Voices: Discourse, Memory, Gender*. Oxford: Oxford University Press.
- Murata, Kumiko. 1994. "Intrusive or Co-Operative? A Cross-Cultural Study of Interruption." *Journal of Pragmatics* 21 (4): 385-400.
- Mycok, Louise, Chenzi Xu, and Aditi Lahiri. 2021. "'Wh'-Question Intonation in Standard Colloquial Bengali." In *Modular Design of Grammar*, edited by I Wayan Arka, Ash Asudeh, and Tracy Holloway King, 282-302. Oxford: Oxford University Press.
- Nespor, Marina, and Irene Vogel. 2007. *Prosodic Phonology*. The Hague: De Gruyter Mouton.
- Niebuhr, Oliver. 2015. "Gender Differences in the Prosody of German Questions." In *Proceedings of ICPhS 2015*.
- Nolan, Francis. 2003. "Intonational Equivalence: An Experimental Evaluation of Pitch Scales." In *Proceedings of the 15th ICPhS*, 771-74.
- Nolan, Francis. 2022. "The Rise and Fall of the British School of Intonation Analysis." In *Prosodic Theory and Practice*, edited by Jonathan Barnes and Stefanie Shattuck-Hufnagel, 319-50. Cambridge, MA: The MIT Press.
- O'Connor, Joseph Desmond, and Gordon Frederick Arnold. 1973. *Intonation of Colloquial English*. London: Longman.
- Odé, Cecilia. 1989. "Russian Intonation: A Perceptual Description." *Studies in Slavic and General Linguistics* 13: 180.
- Odé, Cecilia. 2005a. "Neutralization or Truncation? The Perception of Two Russian Pitch Accents on Utterance-Final Syllables." *Speech Communication* 47 (1-2): 71-79.
- Odé, Cecilia. 2005b. "Communicative Functions and Prosodic Labelling of Three Russian Pitch Accents." *Studies in Slavic and General Linguistics* 32: 377-401.
- Odé, Cecilia. 2007. "Заметки о понятии тональный акцент на примере русского языка." В кн. *Проблемы фонетики V*, под ред. Розалии Ф. Касаткиной, 237-49. Москва: Наука.
- Odé, Cecilia. 2008a. "Transcription of Russian Intonation ToRI, an Interactive Research Tool and Learning Module on the Internet." *Studies in Slavic and General Linguistics*, 34: 431-49.
- Odé, Cecilia. 2008b. "Transcription of Russian Intonation: A Free Interactive Research Tool and Learning Module." 2008. <https://www.fon.hum.uva.nl/tori/>.

- Onea, Edgar, and Malte Zimmermann. 2019. "Questions in Discourse: An Overview." In *Questions in Discourse*, edited by Klaus von Heusinger, V. Edgar Onea Gaspar, and Malte Zimmermann, 5-117. Leiden: Brill.
- Orrico, Riccardo, and Mariapaola D'Imperio. 2020. "Tonal Specification of Speaker Commitment in Salerno Italian Wh-Questions." In *Proceedings of Speech Prosody 2020*, 361-65.
- Ozerov, Pavel. 2013. "Intonation of Israeli Hebrew." In *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics*, edited by Geoffrey Khan, 327-335. Leiden and Boston: Brill.
- Ozerov, Pavel. 2019. "This Is Not an Interrogative: The Prosody of 'Wh-Questions' in Hebrew and the Sources of Their Questioning and Rhetorical Interpretations." *Language Sciences* 72: 13-35.
- Pešková, Andrea. 2017. "Czech ToBI." In *Proceedings of PaPE 2017*.
- Petrushin, Valery A., Liliya I. Tsirulnik, and Veronika Makarova. 2010. "Whispered Speech Prosody Modeling for TTS Synthesis." In *Proceedings of Speech Prosody 2010*, paper 288.
- Pierrehumbert, Janet B. 1980. "The Phonology and Phonetics of English Intonation." PhD diss., Massachusetts Institute of Technology.
- Pierrehumbert, Janet B. 2000. "Tonal Elements and Their Alignment." In *Prosody: Theory and Experiment*, edited by Merle Horne, 11-36. Dordrecht: Kluwer.
- Pierrehumbert, Janet B., and Mary E. Beckman. 1988. *Japanese Tone Structure*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Pierrehumbert, Janet, and Julia Hirschberg. 1990. "The Meaning of Intonational Contours in the Interpretation of Discourse." In *Intentions in Communication*, edited by Philip R. Cohen, Jerry Morgan, and Martha E. Pollack, 271-312. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Pijper, J. Roelof de. 1983. *Modelling British English Intonation*. Dordrecht: Foris Publications.
- Pike, Kenneth L. 1945. *The Intonation of American English*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Poletto, Cecilia, and Jean-Yves Pollock. 2006. *Another Look at Wh-Questions in Romance*, edited by Danièle Torck and W. Leo Wetzels. Romance Languages and Linguistic Theory 2006. Amsterdam: John Benjamins.
- Post, Margje, and Bistra Andreeva. 2023. "Polar Question Intonation in Russian Speech from Moscow and Perm." In *Proceedings of the 13th International Conference of Nordic Prosody*, edited by Oliver Niebuhr, 147-54. Sciendo.
- Post, Margje. 2017. "Why Regional Prosodic Variation Is Worth Studying: An Example from Russian." In *Remaining Relevant: Modern Language Studies Today*. Bergen Language and Linguistics Studies, edited by Ingunn Lunde, Randi Koppen, and Margrete Dyvik Cardona, 7:164-82. Bergen: Bergen University Library.
- Price, Patti J., Mari Ostendorf, Stefanie Shattuck-Hufnagel, and Cynthia Fong. 1991. "The Use of Prosody in Syntactic Disambiguation." *The Journal of the Acoustical Society of America* 90 (6): 2956-70.
- Prieto, Pilar, and Francisco Torreira. 2007. "The Segmental Anchoring Hypothesis Revisited: Syllable Structure and Speech Rate Effects on Peak Timing in Spanish." *Journal of Phonetics* 35 (4): 473-500.
- Prieto, Pilar. 2009. "Tonal Alignment Patterns in Catalan Nuclear Falls." *Lingua* 119 (6): 865-80.
- Rathcke, Tamara. 2006. "A Perceptual Study on Russian Questions and Statements." *Arbeitsberichte Des Instituts Für Phonetik Und Digitale Sprachverarbeitung Der Universität Kiel (AIPUK)* 37: 51-62.

- Rathcke, Tamara. 2013. "On the Neutralizing Status of Truncation in Intonation: A Perception Study of Boundary Tones in German and Russian." *Journal of Phonetics* 41 (3-4): 172-85.
- Rathcke, Tamara. 2017. "How Truncating Are 'Truncating Languages'? Evidence from Russian and German." *Phonetica* 73 (3-4): 194-228.
- Reinhart, Tania. 1998. "Wh-in-Situ in the Framework of the Minimalist Program." *Natural Language Semantics* 6: 29-56.
- Richards, Norvin. 1997. "What Moves Where When in Which Language." PhD diss., Massachusetts Institute of Technology.
- Richards, Norvin. 2010. *Uttering Trees*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Richards, Norvin. 2016. *Contiguity Theory*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Rojina, Nina. 2011. "The syntactic structures of Russian wh-questions." PhD diss., University of Geneva.
- Rudin, Catherine. 1996. "Multiple Questions South, West, and East: A Government-Binding Approach to the Typology of Wh-Questions in Slavic Languages." *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 39-40: 103-22.
- Sacks, Harvey, Emanuel A. Schegloff, and Gail Jefferson. 1978. "A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation." In *Studies in the Organization of Conversational Interaction*, edited by Jim Schenkein, 7-55. York: Academic Press.
- Schmerling, Susan F. 1976. *Aspects of English Sentence Stress*. Austin: University of Texas Press.
- Schubiger, Maria. 1958. *English Intonation, Its Form and Function*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
- Schwarzschild, Roger. 1999. "GIVENNESS, AVOIDF and Other Constraints on the Placement of Accent." *Natural Language Semantics* 7: 141-177.
- Scott, Tatiana V. 2012. "Whoever doesn't HOP must be Superior: The Russian left-periphery and the Emergence of Superiority." PhD diss., Stony Brook University.
- Shiamizadeh, Zohreh, Johanneke Caspers, and Niels O. Schiller. 2018. "When Is a Wh-in-Situ Question Identified in Standard Persian?" *Language, Cognition and Neuroscience* 33 (9): 1168-83.
- Shiamizadeh, Zohreh, Johanneke Caspers, and Niels O. Schiller. 2019. "Do Persian Native Speakers Prosodically Mark Wh-in-Situ Questions?" *Language and Speech* 62 (2): 229-49.
- Silverman, Kim E. A., and Janet B. Pierrehumbert. 1987. "The Timing of Prenuclear High Accents in English." *The Journal of the Acoustical Society of America* 82 (S1): S19-S19.
- Simpson, Andrew, and Tanmoy Bhattacharya. 2003. "Obligatory Overt Wh-Movement in a Wh-in-Situ Language." *Linguistic Inquiry* 34 (1): 127-42.
- Skrelin, Pavel, Nina Volskaya, Daniil Kocharov, Karina Evgrafova, Olga Glotova, and Vera Evdokimova. 2010. "A Fully Annotated Corpus of Russian Speech." In *Proceedings of LREC'10*, 109-12.
- Sosa, Juan Manuel. 2003. "Wh-Questions in Spanish: Meanings and Configuration Variability." *Catalan Journal of Linguistics* 2: 229.
- Steedman, Mark. 2014. "The Surface-Compositional Semantics of English Intonation." *Language* 90 (1): 2-57.
- Stepanov, Arthur. 1998. "On Wh-Fronting in Russian." *Proceedings of North East Linguistics Society* 28: 453-67.
- Strahov, Natalya. 2001. "A Scrambling Analysis of Russian WH-Questions." In *FASL 9 Proceedings*, 293-310.
- Svetozarova, Natalia. 1998. "Intonation in Russian." In *Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages*, edited by Daniel Hirst and Albert Di Cristo, 264-77. Cambridge: Cambridge University Press.

- Timberlake, Alan. 2004. *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trager, George L., and Henry L. Smith. 1957. *An Outline of English Structure*. Washington: American Council of Learned Societies.
- Truckenbrodt, Hubert. 2013a. "An Analysis of Prosodic F-Effects in Interrogatives: Prosody, Syntax and Semantics." *Lingua* 124: 131-75.
- Truckenbrodt, Hubert. 2013b. "On the Prosody of German Wh-Questions." In *Prosody and Meaning*, edited by Gorka Elordieta and Pilar Prieto, 73-118. Berlin: De Gruyter.
- Tsai, Wei-Tien Dylan. 1994. "On Nominal Islands and LF Extraction in Chinese." *Natural Language & Linguistic Theory* 12 (1): 121-75.
- Vanrell, Maria del Mar, Francesc Ballone, Carlo Schirru, and Pilar Prieto. 2015. "Sardinian Intonational Phonology: Logudorese and Campidanese Varieties." In *Intonation in Romance*, edited by Sónia Frota and Pilar Prieto, 317-49. Oxford: Oxford University Press.
- Venditti, Jennifer J. 1997. "Japanese ToBI Labelling Guidelines." *Ohio State University Working Papers in Linguistics* 50: 127-62.
- Venditti, Jennifer J. 2005. "The J ToBi Model of Japanese Intonation." In *Prosodic Typology*, edited by Sun-Ah Jun, 172-200. Oxford: Oxford University Press.
- Vigário, Marina, Marisa Cruz, and Sónia Frota. 2019. "Why Tune or Text? The Role of Language Phonological Profile in the Choice of Strategies for Tune-Text Adjustment." In *Proceedings of the 19th ICPhS*, edited by Sasha Calhoun, Paola Escudero, Marija Tabain, and Paul Warren, 567-71.
- Volín, Jan, and Pavel Šturm. 2019. "Fundamental Frequency Tracks of Question-Word Questions in Natural and Synthetic Speech." *Akustické Listy* 25 (3-4): 3-9.
- Volk, Jana. 2012. "Using the ToBI Transcription to Record the Intonation of Slovene." *Linguistica* 52 (1): 169-86.
- Volskaya, Nina, and Tatiana Kachkovskaia. 2016. "Prosodic Annotation in the New Corpus of Russian Spontaneous Speech CoRuSS." In *Proceedings of Speech Prosody 2016*, 917-21.
- Wells, John C. 2006. *English Intonation: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wells, Rulon S. 1945. "The Pitch Phonemes of English." *Language* 21 (1): 27.
- Wu, Ruey-Juan R. 2004. *Stance in Talk. Vol. 117. Pragmatics & Beyond New Series*. Amsterdam: John Benjamins.
- Xu, Yi. 2010. "In Defense of Lab Speech." *Journal of Phonetics* 38 (3): 329-36.
- Yamauchi, Akihito, Hiroshi Imagawa, Hisayuki Yokonishi, Ken-ichi Sakakibara, and Niro Tayama. 2024. "Multivariate Analysis of Vocal Fold Vibrations in Normal Speakers Using High-Speed Digital Imaging." *Journal of Voice* 38 (1): 10-17.
- Yang, Li-chiung. 1999. "Prosodic Correlates of Interruptions in Spoken Dialogue." In *Proceedings of Eurospeech 1999*, 239-42.
- Yang, Yang, Stella Gryllia, and Lisa Lai Shen Cheng. 2020. "Wh-Question or Wh-Declarative? Prosody Makes the Difference." *Speech Communication* 118 (April): 21-32.
- Yang, Yang. 2018. *The Two Sides of Wh-Indeterminates in Mandarin: A Prosodic and Processing Account*. Utrecht: LOT.
- Yanko, Tatiana E. 2011. "Accent Placement Principles in Russian." In *Компьютерная лингвистика и Интеллектуальные технологии*, 712-26.
- Yanko, Tatiana E. 2023. "Sentence Intonation, Russian." In *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Brill.
- Yanushevskaya, Irena, and Daniel Bunčić. 2015. "Russian." *Journal of the International Phonetic Association* 45 (2): 221-28.

- Yerbalanov, Aldan, and Tatiana Philippova. 2020. "Russian Èto in Wh-Questions." *Journal of Slavic Linguistics* 31 (FASL 30 issue): 1-19.
- Yokoyama, Olga T. 1990. "Reinterpreting the IK System: A Phonological Approach." In *Harvard Studies in Slavic Linguistics, Vol. 1*, edited by Olga T. Yokoyama, 195-214. Cambridge, MA: Harvard University Slavic Linguistics Colloquium.
- Yun, Jiwon, and Hye Sook Lee. 2022. "Prosodic Disambiguation of Questions in Korean: Theory and Processing." *Korean Linguistics* 18 (1): 18-47.
- Yun, Jiwon. 2019. "Meaning and Prosody of Wh -Indeterminates in Korean." *Linguistic Inquiry* 50 (3): 630-47.
- Yun, Jiwon. 2023. "Wh-Intonation in Korean." In *Proceedings of Japanese/Korean Linguistics* 30, 45-60.
- Zahner-Ritter, Katharina, Marieke Einfeldt, Daniela Wochner, Angela James, Nicole Dehé, and Bettina Braun. 2022. "Three Kinds of Rising-Falling Contours in German Wh-Questions: Evidence From Form and Function." *Frontiers in Communication* 7 (April): 1-20.
- Zavitnevich-Beaulac, Olga. 2005. "On Wh-Movement and the Nature of Wh-Phrases - Case Re-Examined." *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* 2 (3): 75-100.
- Zerbian, Sabine, Yulia Zuban, and Martin Klotz. 2023. "Intonational Features of Spontaneous Narrations in Monolingual and Heritage Russian in the U.S.—An Exploration of the RUEG Corpus." *Languages* 9 (1): 2.
- Zimmerman, Dean H., and Candace West. 1975. "Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversation." In *Language and Sex: Difference and Dominance*, edited by Barrie Thorne and Nancy Henley, 105-28. Rowley, Mass: Newbury House.
- Zuban, Yulia, Tamara Rathcke, and Sabine Zerbian. 2023. "Do Different Majority Languages Lead to Different Intonational Grammars? A Case Study of Yes/No-Questions in Heritage Russian." *Heritage Language Journal* 20 (1): 1-43.
- Żygis, Marzena, Daniel Pape, Laura L. Koenig, Marek Jaskuła, and Luis M.T. Jesus. 2017. "Segmental Cues to Intonation of Statements and Polar Questions in Whispered, Semi-Whispered and Normal Speech Modes." *Journal of Phonetics* 63: 53-74.
- Архипов, Александр В., Павел В. Иосад, и Петр Д. Староверов. 2019. "Фонетика и фонология." В кн. *Введение в науку о языке*, под ред. Сергея Г. Татевосова и Ольги В. Федоровой, 27-57. Москва: Буки Веди.
- Бархударова, Елена А., и Федор И. Панков. 2015. *По-русски — с хорошим произношением*. Москва: Русский язык. Курсы.
- Безяева, Мария Г. 2006. "О коммуникативных инвариантах интонационных конструкций." В кн. *Актуальные проблемы фонетики*, 23-39. Москва: Издательство РУДН.
- Брызгунова, Елена А. 1963. *Практическая фонетика и интонация русского языка*. Москва: Издательство Московского ун-та.
- Брызгунова, Елена А. 1967. "Интонация и смысл предложения." *Русский язык за рубежом*, 2: 35-41.
- Брызгунова, Елена А. 1971. "О смыслообразительных возможностях русской интонации." *Вопросы языкознания* 4: 42-52.
- Брызгунова, Елена А. 1977. *Звуки и интонация русской речи*. Москва: Русский язык.
- Брызгунова, Елена А. 1980а. "Интонация." В кн. *Русская грамматика, Том 1*, под ред. Натальи Ю. Шведовой, 96-120. Москва: Наука.
- Брызгунова, Елена А. 1980б. "Вопросительные предложения." В кн. *Русская грамматика, Том 2*, под ред. Натальи Ю. Шведовой, 397-401. Москва: Наука.
- Брызгунова, Елена А. 1984. *Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи*. Москва: Издательство Московского ун-та.

- Вольская, Нина Б., и Павел А. Скредин. 2009. "Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики." В кн. *Третий междисциплинарный семинар "Анализ разговорной русской речи,"* под ред. Андрея Л. Ронжина, 28-40. Санкт-Петербург: ГУАП.
- Всеволодский-Гернгросс, Всеволод Н. 1922. *Теория русской речевой интонации.* Петербург: Государственное издательство.
- Дурагин, Павел В. 2021а. "Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности." *Русский язык в научном освещении* 1: 137-77.
- Дурагин, Павел В. 2021б. "Просодия конструкций «Это/здесь/тут тебе/вам не Х»: опыт эlicitации данных методом имитации фрагментов мультимедийного корпуса." В кн. *Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2021),* под ред. Даниила А. Кочарова и Павла А. Скредина, 24-30. Санкт-Петербург: Скифия-принт.
- Дурагин, Павел В. 2022а. "Интонация общего вопроса с неопределенным местоимением в произношении итальянцев, изучающих русский язык." *Русский язык за рубежом* (293): 72-81.
- Дурагин, Павел В. 2022б. "Фонетическая реализация русских тональных акцентов в контекстах сопоставительного вопроса и перечисления." *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература* 19 (1): 81-102.
- Дурагин, Павел В. 2022в. "Просодия и многозначность в русских дискурсивных формулах." В кн. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии,* 150-58.
- Зиндер, Лев Р. 1979. *Общая фонетика.* Москва: Высшая школа.
- Зубрицкая, Екатерина. 1997. "Фонология." В кн. *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления,* под ред. Андрея А. Кибрика, Ирины М. Кобозевой, и Ирины А. Секериной, 168-206. Москва: УРСС.
- Игараси, Йосукэ. 2002. "Так называемая 'нейтрализация интонации' - фонологическое описание русской интонации." *Бюллетень Японской ассоциации русистов* 34: 15-21.
- Игараси, Йосукэ. 2004. "Фонетика и фонология интонации в вопросительных предложениях в русском языке." *Бюллетень Японской ассоциации русистов* 36: 85-92.
- Йокояма, Ольга. 2003. "Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций." *Вопросы языкознания,* 5: 99-122.
- Касаткин, Леонид Л. 2005. "Основные интонационные тональные контуры (ТК) русского литературного языка." В кн. *Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой,* под ред. Владимира Н. Топорова, 479-86. Москва: Языки славянских культур.
- Касаткин, Леонид Л. 2007. "Русская интонация: тональные контуры." В кн. *Проблемы фонетики V,* под ред. Розалии Ф. Касаткиной, 250-66. Москва: Наука.
- Касаткина, Розалия Ф. 2005. "Московское аканье в свете неотторых диалектных данных." *Вопросы языкознания* 2: 29-45.
- Кедрова, Галина Е., Всеволод В. Потапов, Е. Б. Омелянова, и Анатолий М. Егоров. 2002. "Русская фонетика: электронный учебник." 2002. <https://fonetica.philol.msu.ru/>.
- Кейспер, К. Э. 1995. "О семантических основаниях описания Е. А. Брызгуновой русской интонации." В кн. *Проблемы фонетики II,* под ред. Леонида Л. Касаткина, 216-27. Москва: Институт русского языка РАН.

- Кибрик, Андрей А. “Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи.” <http://spokencorpora.ru/>.
- Кибрик, Андрей А., и Вера И. Подлеская, ред. 2009. *Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*. Москва: Языки славянских культур.
- Князев, Сергей В. 2006. *Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония*. Москва: Макс-Пресс.
- Князев, Сергей В. 2022а. “О структуре тонального акцента в русских говорах с пословным мелодическим оформлением.” *Русский язык в научном освещении* 43 (1): 113-153.
- Князев, Сергей В. 2022б. “О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением.” *Вопросы языкознания* 1: 7-39.
- Князев, Сергей В. 2023а. “Севернорусская интонация: просодическое членение.” *Вопросы языкознания* 2: 56-88.
- Князев, Сергей В. 2023б. “Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация.” *Русский язык в научном освещении* 1: 32-65.
- Князев, Сергей В. В печати. “Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент.”
- Князев, Сергей В., и К. А. Савельева. 2021. “Фонетическое и фонологическое описание интонации (ИК-4 в русском языке: постцентр или пограничный тон?).” *Русский язык в научном освещении* 2 : 41-64.
- Князев, Сергей В., и Светлана В. Дьяченко. 2023. “Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров.” *Slověne* 12 (1): 155-224.
- Князев, Сергей В., Ольга Ф. Кривнова, и Елена В. Моисеева. 2016. “Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка.” *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология 4: 17-44.
- Ковтунова, Ирина И. 1980. “Порядок слов.” В кн. *Русская грамматика, том 2*, под ред. Наталии Юльевны Шведовой, 396-97. Москва: Наука.
- Ковтунова, Ирина И. 2002. *Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва: УРСС.
- Кодзасов, Сандро В. 2009. *Исследования в области русской просодии*. Москва: Языки славянских культур.
- Кодзасов, Сандро В., и Ольга Ф. Кривнова. 2004. *Современная американская фонология*. Москва: УРСС.
- Коротаев, Николай А. 2018. “Интонационная структура устного рассказа в контексте незавершенности.” В *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 337-50.
- Коротаев, Николай А., А. Литвиненко, и Вера И. Подлеская. 2023. “«Вам и не снилось!»: прошлое, настоящее и будущее «Рассказов о сновидениях».” В «*Язык как он есть*»: сборник статей к 60-летию А. А. Кибрика, под ред. Татьяны И. Давидюк, Игоря И. Исаева, Юлии В. Мазуровой, Сергея Г. Татевосова, и Ольги В. Федоровой, 432-37. Москва: Буки-Веди.
- Кривнова, Ольга Ф. 1995. “Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте.” В кн. *Проблемы фонетики II*, под ред. Леонида А. Касаткина, 229-38. Москва: Институт русского языка РАН.
- Кривнова, Ольга Ф. 2015. “Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные).” В кн. *Компьютерная Лингвистика и Интеллектуальные Технологии*, 338-51. Москва: Издательство РГГУ.

- Кривнова, Ольга Ф., Леонид М. Захаров, и Ирина М. Кобозева. 2021. "Русский интонационный корпус РИНКО: диалогическая и монологическая речь." *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 5: 32-44.
- Левонтина, Ирина Б. 2011. "Частицы переспроса и припоминания." В кн. *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*, 269-78. Москва: Языки славянских культур.
- Логвинова, Наталья Н. В печати. "Частный вопрос." *Русская корпусная грамматика*. Матусевич, Маргарита И. 1976. *Современный русский язык: фонетика*. Москва: Просвещение.
- Муханов, Иван Л. 2006. *Интонация в практике русской диалогической речи*. Москва: Русский язык. Курсы.
- Николаева, Татьяна М. 1977. *Фразовая интонация славянских языков*. Москва: Наука.
- Николаева, Татьяна М. 2000. *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры.
- Оде, Сесилия. 1992. "Перцептивная эквивалентность реализаций типов интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой." *Studies in Slavic and General Linguistics* 17: 227-84.
- Одинцова, Ирина В. 2017. *Звуки. Ритмика. Интонация: учебное пособие*. Москва: Флинта.
- Ок, Ким Д. 1998. "Интонация основных типов вопросов и ответов в русском языке." Дисс. канд. филол. наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Павлова, Анна В., и Наталия Д. Светозарова. 2018. *Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах*. Москва: Флинта.
- Падучева, Елена В. 2009. "К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности." В *Статьи разных лет*, 259-71. Москва: Языки славянских культур.
- Пекелис, Ольга Е. 2019. "Слово это в частном вопросе: о признаках, отличающих частицу от местоимения." В кн. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*.
- Петер, Михай. 1955. "Мелодика вопросительного предложения в русском языке." *Studia Slavica* 1 (1-3): 245-59.
- Пешковский, Александр М. 1928. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва, Ленинград: Государственное издательство.
- Пешковский, Александр М. 1959. *Избранные труды*. Москва: Учпедгиз.
- Плющ, Надія П. 2010. "Інтонація." In *Сучасна українська літературна мова: лексикологія. фонетика: Підручник*, edited by Анатолій Кирилович Мойсієнко, 252-64. Киев: Знання.
- Подлесская, Вера И. 2014. "Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях." *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований* 10 (2): 537-67.
- Подлесская, Вера И. 2018. "«А у нас в квартире газ! А у вас?»: конструкции с союзом 'а' по данным просодически размеченного корпуса." В *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 601-18.
- Риехакайнен, Елена И., и Наталия А. Слепокурова. "Корпус русской устной речи." <https://russpeech.spbu.ru/>.
- Савчук, Светлана О., Тимофей А. Архангельский, Анастасия А. Бонч-Осмоловская, Ольга В. Донина, Юлия Н. Кузнецова, Ольга Н. Ляшевская, Борис В. Орехов, и Мария В. Подрядчикова. 2024. "Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития." *Вопросы языкознания* 2: 7-34.

- Светозарова, Наталия Д. 1978. "Интонация частного вопроса в русском языке и проблема протяженности релевантной зоны интонационного контура." В кн. *Интонация*, 174-179. Киев: Вища школа.
- Светозарова, Наталия Д. 1982. *Интонационная система русского языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Светозарова, Наталия Д. 2000. *Интонация в художественном тексте*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Святогор, Иван П. 1980. "Вопросительные предложения." В кн. *Русская грамматика, Том 2*, под ред. Наталии Ю. Шведовой, 386-402. Москва: Наука.
- Смирнова, Ольга С. 2017. "Статистический анализ результатов перцептивного оценивания глубины просодических швов в русском звучащем тексте." В кн. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*.
- Студеникина, Ксения А. 2020. "О природе эффекта превосходства в русском языке: синтаксические роли или С-командование." *Типология морфосинтаксических параметров* 3 (1): 131-51.
- Янко, Татьяна Е. 2008. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. Москва: Языки славянских культур.
- Янко, Татьяна Евгеньевна. 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва: Языки славянской культуры.

Благодарность

Я хочу искренне поблагодарить всех тех, кто в последние годы помогал мне на работе и вне ее, дарил внимание и заботу.

Я хотел бы сказать спасибо Сергею Владимировичу Князеву, моему научному руководителю и соавтору, с которым я много советовался при работе над этой книгой и чье влияние на мои исследования невозможно переоценить. Мне также хотелось бы вспомнить Софью Константиновну Пожарицкую, которая была моим первым преподавателем фонетики и очень поддерживала меня, когда я учился в университете.

Я благодарен Екатерине Владимировне Рахилиной и другим коллегам из Школы лингвистики Высшей школы экономики – первого места моей преподавательской работы, где я понял, что могу сделать науку своей профессией.

Невозможно описать в нескольких строках, насколько важна для меня помощь всех коллег по департаменту в Университете Венеции Ка' Фоскари. В частности, я хотел бы выразить глубокую благодарность коллегам-русистам, помогавшим мне с первых дней переезда в Италию: Алессандро Бруни, Светлане Нистратовой, Луизе Руволетто, Алессандро Фарсетти. Еще одним человеком, поддержавшим меня при написании этой книги, стал Артур Степанов: его сотрудничество и советы помогли мне справиться с некоторыми трудными моментами при работе над текстом.

Я благодарен членам редакции серии *Biblioteca di Studi Slavistici* и главному редактору Лауре Сальмон за помощь при подготовке книги к публикации. Отдельную благодарность хочется выразить анонимным рецензентам: ваш бесценный труд помог существенно улучшить текст монографии.

Огромное спасибо многочисленным участникам моих экспериментов: экспериментальная лингвистика держится на вашей бескорыстной помощи.

И наконец, этой книги совершенно точно не было бы без членов моей семьи, моих близких. Вы не только всегда поддерживаете меня, часто отдавая свою энергию до последней капли, но и являетесь для меня примером добросовестного отношения к труду и категорического отказа снижать требования к себе.

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI

TITOLI PUBBLICATI

1. Nicoletta Marcialis, *Introduzione alla lingua paleoslava*, 2005
2. Ettore Gherbezze, *Dei delitti e delle pene nella traduzione di Michail M. Scerbatov*, 2007
3. Gabriele Mazzitelli, *Slavica Biblioteconomica*, 2007
4. Giovanna Brogi Bercoff, Maria Grazia Bartolini (a cura di), *Kiev e Leopoli: Il 'testo' culturale*, 2007
5. Maria Bidovec, *Raccontare la Slovenia. Narratività ed echi della cultura popolare in Die Ehre Dess Herzogthums Crain di J.W. Valvasor*, 2008
6. Maria Cristina Bragone, *Alfavitar radi ucenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*, 2008
7. Alberto Alberti, Stefano Garzonio, Nicoletta Marcialis, Bianca Sulpasso (a cura di), *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti. (Ohrid, 10 - 16 settembre 2008)*, 2008
8. Maria Giovanna Di Salvo, Giovanna Moracci, Giovanna Siedina (a cura di), *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture.. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*, 2008
9. Francesca Romoli, *Predicatori nelle terre slavo-orientali (XI-XIII sec.). Retorica e strategie comunicative*, 2009
10. Maria Zalambani, *Censura, istituzioni e politica letteraria in URSS (1964-1985)*, 2009
11. Maria Chiara Ferro, *Santità e agiografia al femminile. Forme letterarie, tipologie e modelli nel mondo slavo orientale (X-XVII sec.)*, 2010
12. Evel Gasparini, *Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei Protoslavi*, a cura di Marcello Garzaniti, Donatella Possamai, 2010
13. Maria Grazia Bartolini, «*Introspece mare pectoris tui*». *Ascendenze neoplatoniche nella produzione dialogica di H.S. Skovoroda (1722-1794)*, 2010
14. Alberto Alberti, *Ivan Aleksandar (1331-1371). Splendore e tramonto del secondo impero bulgaro*, 2010
15. Paola Pinelli (a cura di), *Firenze e Dubrovnik all'epoca di Marino Darsa (1508-1567). Atti della Giornata di studi Firenze, 31 Gennaio 2009*, 2010
16. Francesco Caccamo, Pavel Helan, Massimo Tria (a cura di), *Primavera di Praga, risveglio europeo*, 2011
17. Maria Giovanna Di Salvo, *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*, a cura di Alberto Alberti, Maria Cristina Bragone, Giovanna Brogi Bercoff, Laura Rossi, 2011
18. Massimo Tria, *Karel Teige fra Cecoslovacchia, URSS ed Europa. Avanguardia, utopia e lotta politica*, 2012
19. Marcello Garzaniti, Alberto Alberti, Monica Perotto, Bianca Sulpasso (a cura di), *Contributi Italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti. (Minsk, 20-27 agosto 2013)*, 2013
20. Persida Lazarevic Di Giacomo, Sanja Roic (edited by), *Cronotopi slavi. Studi in onore di Marija Mitrovic*, 2013
21. Danilo Facca, Valentina Lepri (edited by), *Polish Culture in the Renaissance. Studies in the arts, humanism and political thought*, 2013
22. Giovanna Moracci, Alberto Alberti (a cura di), *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*, 2013
23. Marina Ciccarini, Nicoletta Marcialis, Giorgio Ziffer (a cura di), *Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis*, 2014
24. Anna Paola Bonola, Paola Cotta Ramusino, Liana Goletiani (a cura di), *Studi italiani di linguistica slava. Strutture, uso e acquisizione*, 2014
25. Giovanna Siedina (edited by), *Latinitas in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania. Its Impact on the Development of Identities*, 2014
26. Alberto Alberti, Marcello Garzaniti, Stefano Garzonio (a cura di), *Contributi italiani al XIII Congresso internazionale degli Slavisti. (Ljubljana 15-21 agosto 2003)*, 2014
27. Maria Zalambani, *L'istituzione del matrimonio in Tolstoj. Felicità familiare, Anna Karenina, La sonata a Kreutzer*, 2015

28. Sara Dickinson, Laura Salmon (edited by), *Melancholic Identities, Toska and Reflective Nostalgia. Case Studies from Russian and Russian-Jewish Culture*, 2015
29. Luigi Magarotto, *La conquista del Caucaso nella letteratura russa dell'Ottocento. Puškin, Lermontov, Tolstoj*, 2015
30. Claudia Pieralli, *Il pensiero estetico di Nikolaj Evreinov dalla teatralità alla 'poetica della rivelazione'*, 2015
31. Valentina Benigni, Lucyna Gebert, Julija Nikolaeva (a cura di), *Le lingue slave tra struttura e uso*, 2016
32. Gabriele Mazzitelli, *Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921-1944)*, 2016
33. Luisa Ruvoletto, *I prefissi verbali nella Povest' vremennykh let. Per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo*, 2016
34. Alberto Alberti, Maria Chiara Ferro, Francesca Romoli (a cura di), *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti*, 2016
35. Pina Napolitano, *Osip Mandel'stam: i Quaderni di Mosca*, 2017
36. Claudia Pieralli, Claire Delaunay, Eugène Priadko (a cura di), *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*, 2017
37. Alessandro Farsetti, *Una voce parigina nel Futurismo russo: la poesia di Ivan Aksenov*, 2017
38. Giovanna Siedina, *Horace in the Kyiv Mohylian Poetics (17th-First Half of the 18th Century). Poetic Theory, Metrics, Lyric Poetry*, 2017
39. Rosanna Benacchio, Alessio Muro, Svetlana Slavkova (edited by), *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization*, 2017
40. Maria Chiara Ferro, Laura Salmon, Giorgio Ziffer (a cura di), *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti. (Belgrado 20-27 agosto 2018)*, 2018
41. Alessandro Achilli, *La lirica di Vasyľ' Stus. Modernismo e intertestualità poetica nell'Ucraina del secondo Novecento*, 2018
42. Jan Kochanowski, *Elegiarum Libri Quattuor. Edizione critica commentata*, a cura di Francesco Cabras, 2019
43. Maria Cristina Bragone, Maria Bidovec (a cura di), *Il mondo slavo e l'Europa. Contributi presentati al VI Congresso Italiano di Slavistica (Torino, 28-30 settembre 2016)*, 2019
44. Monica Fin, Han Steenwijk (a cura di), *Gerasim Zelic e il suo tempo*, 2019
45. Giovanna Siedina (edited by), *Essays on the Spread of Humanistic and Renaissance Literary Civilization in the Slavic World (15th-17th Century)*, 2020
46. Daniele Franzoni, *La prosa sovietica nel contesto socio-culturale dell'epoca brežneviana*, 2020
47. Maria Zalambani, *Letteratura e psicoanalisi in Russia all'alba del XX secolo*, 2022
48. Rosanna Benacchio, *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*, a cura di Monica Fin, Malinka Pila, Donatella Possamai, Luisa Ruvoletto, Svetlana Slavkova, Han Steenwijk, 2022
49. Tatsiana Maiko, *Конструкции с опорным глаголом в русском и итальянском языках / Support Verb Constructions. A Russian-Italian Contrastive Analysis*, 2022
50. Giulia De Florio, *L'Isola che (non) c'è. La letteratura russa per l'infanzia in Italia (1945-1991)*, 2022
51. Anna Polivanova, *Old Church Slavic. Grammar and Dictionaries*, edited by Artemij Keidan, 2023
52. Daria Farafonova, Laura Salmon, Stefano Aloe (edited by), *Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, монтаж. Сборник статей*, 2023
53. Walter Breu, Malinka Pila (a cura di), *L'aspettualità nel contatto linguistico: lingue slave e oltre. Resistenza, ristrutturazione ed innovazione dell'aspetto verbale e della sua periferia sotto l'influsso di varietà alloglotte. Atti del 3° Convegno Internazionale Costanza/Hegne, 16-20 giugno 2019*, 2023
54. Andrea Trovesi, *Studi contrastivi di linguistica slava: grammatica e pragmatica*, a cura di Rosanna Benacchio, Lucyna Gebert, 2023

55. Shin'ichi Murata, Stefano Aloe (edited by), *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*, 2023
56. Pavel Duryagin, *Интонация русского частного вопроса / The Intonation of Russian Wh-questions*, 2024

В исследованиях русской просодии частным вопросам (содержащим слова *кто, что, когда* и др.) традиционно уделялось меньше внимания по сравнению с другими типами высказываний. При этом разнообразие прагматических значений, доступных носителям русского языка при произнесении этого типа вопросов, чрезвычайно широко: наряду с элементами информационной структуры, такими как фокус и тема, они могут выражать упрек и заинтересованность, отчитывание и недоумение, досаду и взволнованность. В монографии предложен лингвистический анализ того, как эти и другие элементы значения передаются в русском частном вопросе интонацией, выделены закономерности просодической вариативности, наблюдаемой в экспериментальных и корпусных данных. Изложение сопровождается обзором современных моделей описания интонации.

Павел Дурягин – кандидат филологических наук, преподаватель Университета Венеции Ка’ Фоскари. Автор более чем двадцати научных публикаций. Его исследования посвящены фонетике и фонологии русского языка и его диалектов, а также теории и практике преподавания русского языка иностранным учащимся.

ISSN 2612-7687 (print)
ISSN 2612-7679 (online)
ISBN 979-12-215-0465-1 (Print)
ISBN 979-12-215-0466-8 (PDF)
ISBN 979-12-215-0467-5 (ePUB)
ISBN 979-12-215-0468-2 (XML)
DOI 10.36253/979-12-215-0466-8

www.fupress.com